

ISSN 2076-2577 (Print)
ISSN 2541-982X (Online)

FU **Финно-угорский мир**
Finno-Ugric World
Том 16, № 1. 2024

Журнал основан в 2008 г.
Выходит ежеквартально

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77–70644 от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 42059

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:

430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Дата выхода 05.04.2024.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 100 экз.).
Цена свободная. Заказ № 187

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2024

The journal was founded in 2008.
Published quarterly

Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media Certificate ПИ № ФС77–70644 August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign countries

Subscribe index: 42059,
Catalog “The Press of Russia”

Founder and Publisher:

Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“National Research
Ogarev Mordovia
State University”
68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

Editorial board:

68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia
Phone: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Released on April 05, 2024.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 12.0.
Circulation 1000 copies (1st – 100 copies).
Free price. Order No. 187

Printed in the Publishing House of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2024

Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его наукометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Материалы Журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

The editorial board of the journal “Finno-Ugric World” is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers “Ethical Principles of Journal Publications”.

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such “help”.

The “Finno-Ugric World” is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

All the materials of the “Finno-Ugric World” journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Free reproduction of the Journal’s materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

- Макаркин Николай Петрович** – председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrso.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@gmail.com
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchikova@mail.ru
- Вичинене Дайва** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com
- Глухова Наталья Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Центра гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gluhnatalia@mail.ru
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.ilkhkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kornishina@rambler.ru
- Лууттонен Иорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi
- Мартьянова Марина Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Россия), mартынова@iea.ras.ru
- Матичак Шандор** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Миннихметова Татьяна Гильничихметовна** – доктор философии, независимый исследователь Института Европейской этнологии Инсбрукского университета (г. Инсбрук, Австрия), minnijah@hotmail.com
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Россия), mordvarf@mail.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@rambler.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor.porov@mail.ru
- Пустаи Янош** – доктор филологии, профессор, директор НН «Collegium Fennougricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos.pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Родняков Алексей Викторович** – секретарь совета, заместитель руководителя Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), aleviro@mail.ru
- Сеиленталь Тыну** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seiilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunfg@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шилов Николай Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и менеджмента НОУ ВО «Московский социально-педагогический институт» (г. Москва, Россия), n.shilov@uni21.org
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru

- Nikolay P. Makarkin** – Chairman of the Board, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Olga V. Bahlova** – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@gmail.com
- Nikolay I. Boyarkin** – Doctor of Arts, Professor, Lead Research Fellow, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bojarkin_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Daiva Vyčiniėnė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Natalia N. Glukhova** – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, Center for Humanitarian Education, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia), gluhatalia@mail.ru
- Igor L. Zherebtsov** – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illhkomic.su
- Olga P. Ilukha** – Doctor of History, Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), iljuha@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph. D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratieva** – Doctor of Philology, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), kornishina@rambler.ru
- Jorma Luutonen** – Ph. D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Marina Yu. Martynova** – Doctor of History, Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia), martynova@iea.ras.ru
- Sándor Maticsák** – Ph. D. {Philology}, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Tatiana G. Minniyahmetova** – Ph. D., Independent Researcher, Institute for European Ethnology, University of Innsbruck (Innsbruck, Austria), minnijah@hotmail.com
- Yuri A. Mishanin** – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvarf@mail.ru
- Natalya M. Mosina** – Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Irma I. Mullonen** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), mullonen@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Doctor of Arts, Lead Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Doctor of History, Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor_popov@mail.ru
- János Pusztay** – Ph. D. {Philology}, Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com
- Anatoly N. Rakin** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), anatolij.rakin@mail.ru
- Aleksei V. Rodniakov** – Secretary of the Board, Deputy Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), aleviro@mail.ru
- Tõnu Seilenthal** – Ph. D. {Philology}, Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse** – Ph. D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouze@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph. D. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Nikolai V. Shilov** – Doctor of History, Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences and Management, Moscow Social Pedagogical Institute (Moscow, Russia), n_shilov@uni21.org
- Galina E. Shkalina** – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

М. П. Безенова. Фонетико-морфологические особенности рукописного перевода Евангелия от Луки на удмуртский язык	8
Н. С. Братчикова. Особенности языка и подстиля научно-популярной литературы: несерьезно о серьезном (на материале финского языка)	21
И. П. Новак. Определение диалектной специфики карельских материалов словаря П. С. Палласа	33

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

О. В. Бахлова, И. В. Бахлов. Динамика нормативных основ и институциональных механизмов политики патриотического воспитания в субъектах Российской Федерации (на примере финно-угорских республик Приволжского федерального округа)	50
Е. Н. Мокшина, М. И. Святкин, Д. А. Смолин, К. А. Суслов. Из истории эрзя-мордовского села Кураево Теньгушевского района Республики Мордовия (социально-экономические, этнополитические, демографические аспекты)	73
А. К. Гагиева. Денежные налоги и сборы крестьян Коми края в XVIII в.	82

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Н. А. Ракин. Финские печатные периодические СМИ о В. И. Лыткине	92
А. Н. Павлова. Трансляция картины мира в процессе декорирования костюма у народа мари	103

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

Т. А. Дятлова. Финно-угорский вектор к креативной экономике	110
А. Е. Квашнева, М. С. Федина, С. А. Ткачев. Финно-угроведение в вузах Ассоциации финно-угорских университетов	113
Г. А. Некрасова. Ученым быть – это было его призванием	116
Ф. Я. Хабибуллина, И. Г. Иванова. Марийско-тюркские языковые контакты в трудах выдающегося марийского лингвиста Н. И. Исанбаева (1929–2020)	119
А. М. Шаронов. Неакадемическая «академическая версия» эпоса	123

PHILOLOGY

M. P. Bezenova. Phonetic and morphological characteristics of handwritten translation of the Gospel of Luke into the Udmurt language	8
N. S. Bratchikova. Features of the language and the substyle of popular science literature: not serious about serious (based on the material of the Finnish language)	21
I. P. Novak. Dialectal specification of Karelian material of P. S. Pallas's dictionary	33

HISTORICAL STUDIES

O. V. Bakhlova, I. V. Bakhlov. Dynamics of the normative foundations and institutional mechanisms of the policy of patriotic education in the subjects of the Russian Federation (on the example of the Finno-Ugric Republics of the Volga Federal District)	50
E. N. Mokshina, M. I. Svyatkin, D. A. Smolin, K. A. Suslov. From the history of the Erzya-Mordovian village of Kuraevo of the Tengushevsky district of the Republic of Mordovia (socio-economic, ethnopolitical, demographic aspects)	73
A. K. Gagieva. Monetary taxes and fees of the peasants of the Komi region in the XVIII century	82

CULTURAL STUDIES

N. A. Rakin. Finnish printed periodical media about V. I. Lytkin	92
A. N. Pavlova. The portrayal of the world in the process of decorating a costume among the Mari people	103

EVENTS, PEOPLE, BOOKS

T. A. Dyatlova. Finno-Ugric direction towards creative economy	110
A. E. Kvashneva, M. S. Fedina, S. A. Tkachev. Finno-Ugric studies at universities affiliated with the Association of Finno-Ugric Universities	113
G. A. Nekrasova. To be a scholar was his calling	116
F. Ya. Khabibullina, I. G. Ivanova. Mari-Turkic language contacts in the works of Nikolai Isanbaev, an outstanding Mari linguist (1929–2020)	119
A. M. Sharonov. The non-academic “Academic version” of the epos	123

Фонетико-морфологические особенности рукописного перевода Евангелия от Луки на удмуртский язык

Мария Петровна Безенова

*Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения РАН,
Ижевск, Россия*

Введение. Статья посвящена описанию фонетических и морфологических особенностей одного из переводов Евангелия от Луки на удмуртский язык начала XIX в. Главная цель исследования – определить диалектную основу письменного памятника с помощью выявленных фонетико-морфологических явлений.

Материалы и методы. Источниковой базой исследования послужил корпус рукописного текста «Отъ Луки Святое Благовѣствованіе» на удмуртском языке, который хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. В качестве основных методов работы выступили описательный и сопоставительный.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования в рукописи были выявлены различные фонетические и морфологические особенности, присущие языку этого письменного памятника. Среди них выделяются следующие: прогрессивная лабиальная дистантная ассимиляция; выпадение конечной гласной основы *ы* глаголов I спряжения перед показателем сослагательного наклонения, маркером инфинитива и формантами некоторых деепричастий; функционирование форм порядковых числительных, а также глаголов, оканчивающихся на личные показатели *-мы*, *-ды*, *-зы*, с ударением не на последнем слоге слова; употребление лично-притяжательных маркеров с *и*-овой огласовкой в словах, обозначающих термины ближайшего родства; образование аккузативных форм множественного числа простого склонения с помощью суффикса *-ты*; маркировка форм возвратного залога от глаголов I спряжения с конечным *-ты*- основы показателем *-чк*- и др.

Заключение. Большинство зафиксированных в источнике явлений оказались архаичными по своему происхождению. Однако в памятнике присутствуют и инновационные особенности, на основе которых можно с уверенностью сказать, что рукопись подготовлена на говоре северного наречия удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, памятники письменности, Евангелия, фонетические особенности, морфологические особенности, диалекты удмуртского языка

Для цитирования: Безенова М. П. Фонетико-морфологические особенности рукописного перевода Евангелия от Луки на удмуртский язык // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 1. С. 8–20. DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.8-20.

Введение

Письменные памятники представляют собой ценный лингвистический материал для изучения истории языка, реконструкции языковых явлений и их хронологизации. На данный момент насчитывается более 400 наименований дореволюционных письменных источников на удмуртском языке, из которых описаны лишь немногие, с чем и связана актуальность выбранной темы исследования.

Значительная часть письменных источников удмуртского языка представлена переводами религиозной литературы, в

том числе текста Четвероевангелия. Работа над его переводом на удмуртский язык началась в 1818 г. с открытием Вятского комитета Российского библейского общества, но по различным причинам растянулась практически на 30 лет¹. К публикации первых переводов Евангелий от Матфея и от Марка приступили лишь в 1847 г., а переводы Евангелий от Иоанна и от Луки так и остались ненапечатанными. На сегодняшний день известно о двух рукописях Евангелия от Луки на удмуртском языке начала XIX в.² Они находятся

¹ История появления первых книг на удмуртском языке подробно изложена в работе П. Н. Луппова [19].

² Оба варианта размещены в Корпусе письменных памятников удмуртского языка на сайте <http://udmcorpus.udman.ru/memorials>, который и послужил источником анализируемого материала.

в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН)³ и в Российском государственном историческом архиве (РГИА)⁴. Данная статья посвящена описанию фонетико-морфологических особенностей рукописи «Отъ Луки Святое Благовѣствованіе», хранящейся в СПбФ АРАН.

Обзор литературы

Переводу Евангелия от Луки на удмуртский язык из СПбФ АРАН ранее были посвящены две статьи Л. М. Ившина: «Рукописное Евангелие от Луки на удмуртском языке: графико-орфографический анализ» [9] и «О некоторых фонетических, морфологических и лексических особенностях Евангелия от Луки на удмуртском языке» [8]. Во второй работе автором выделены следующие фонетические и морфологические особенности, свойственные тексту рассматриваемой рукописи:

1) «наличие губно-губного согласного \dot{y} (\dot{u}), встречающегося в начале слова перед гласным a » [8, 70];

2) «употребление согласного v (v) в позиции между инициальным k и последующим гласным a или u ($kva-//kvi-$)» [8, 70];

3) «упрощение инлаутного сочетания согласных типа $-pCC-$ в $-pC-$ » [8, 71];

4) «стяжение показателя суффикса настоящего времени от глаголов I спряжения $-ыс'к-$ в $-ск-$ » [8, 70];

5) «употребление показателя причастия “настоящего времени” от глаголов I спряжения с $ы-$ вой огласовкой ($-ысь$)» [8, 70];

6) «существительные множественного числа, оканчивающиеся на гласную основу, оформлены “консонантным” алломорфом $-йос$ » [8, 71];

7) «деепричастия с временным действием оформлены показателем $-кы$ » [8, 71].

С большинством отмеченных Л. М. Ившиным явлений мы не согласны.

Во-первых, три из них (п. 2, 3, 5), на наш взгляд, обусловлены не фонетико-морфологическим своеобразием языка памятника, а орфографическими принципами. Так, употребление согласной v в сочетаниях $kva-$, $kvi-$ характерно для всех письменных памятников первой половины XIX в. независимо от их диалектной принадлежности [5, 36]. Функционирование сочетаний согласных типа $-pC-$ в соответствии с литер. $-pCC-$ в корне также представлено в большинстве письменных источников удмуртского языка, «хотя не все они созданы на той территории, где распространены говоры с $-pC-$ » [13, 64]. Употребление в рукописи, как и в других памятниках этого периода, маркеров творительного, местного, исходного, отдалительного и переходного падежей, показателей возвратного залога, настоящего времени 1-го и 2-го лица, причастий настоящего времени и форм 3-го лица множественного числа прошедшего неочевидного времени, образованных от глаголов I спряжения, с $и-$ овой или $ы-$ овой огласовкой зависит от конечной фонемы основы слова [4, 12–13, 15, 17, 20]. Как правило, $и-$ овые форманты выступают после основ на гласные, мягкие согласные и на согласный $ж$, ср.: *вайллямъ* ‘они, оказывается, принесли’ 2PST.3PL (2: 27)⁵ – литер. *вайллям(зы)*, *кйсь* ‘из руки’ EIA (1: 71) – литер. *кысь*, *шуиськодъ* ‘ты говоришь’ PRS-2SG (1: 76) – литер. *шуиськод*, *лэзиськодъ* ‘ты отпускаешь’ PRS-2SG (2: 29) – литер. *лэзиськод*, *пыжинь* ‘в лодке’ INE (5: 7) – литер. *пыжинь*; *гуртысенызъ* ‘из его дома’ EGR-POSS.3SG (8: 49) – литер. *гуртысеныз*, *карыськыса* ‘сделавшись’ REFL-CONV (2: 38) – литер. *карыськыса*, *лыктысь* ‘приходящий’ PTCR (7: 19) – литер. *лыктысь*, *пыдындыдъ* ‘твоей ногой’ INS-POSS.2SG (4: 10) – литер. *пыдындыд* и т. д.

Во-вторых, относительно п. 4 следует отметить, что в соответствии с литературным $-ис'к-$ в рукописи маркером насто-

³ СПбФ АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245.

⁴ РГИА. Ф. 808. Оп. 1. 1821 г. Д. 177.

⁵ Здесь и далее ссылка на источник «Отъ Луки Святое Благовѣствованіе» приводится в следующем формате: (номер главы: номер стиха).

ящего времени от глаголов I спряжения (с конечным *-ты-* основы) выступает суффикс *-чк-*, а не *-ск-* (графически *-цѣк-*), поскольку графема *ц* в анализируемом памятнике, как справедливо отмечает Л. М. Ившин в своей более ранней статье, посвященной графико-орфографическим особенностям этого источника, передает фонему /č'/ [9, 34] (см. примеры ниже).

В-третьих, утверждение, приведенное в п. 7, не совсем соответствует действительности, поскольку в тексте памятника деепричастия с временным значением маркируются двумя показателями: *-ку* и *-кы* (см. примеры ниже).

В нашей статье мы постараемся подробно описать фонетико-морфологические особенности анализируемого перевода Евангелия от Луки и на основе полученных результатов предпримем попытку определить диалектную основу указанного письменного памятника, поскольку на данный момент по этому поводу существуют различные точки зрения. Так, П. Н. Луппов отмечает, что рукопись подготовлена на елабужском наречии [18, 11], а по мнению Б. И. Каракулова и Л. М. Ившина, в основе перевода лежит севернoudмуртское наречие [9, 31–32; 10, 127].

Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужил корпус рукописного текста «Отъ Луки Святое Благовѣствованіе» на удмуртском языке, хранящийся в СПбФ АРАН.

Анализ проведен методом сопоставления языкового материала рукописи с данными литературного языка и современных удмуртских диалектов. Языковые явления на уровне фонетики также соотнесены с данными словаря Ю. Вихманна “*Wotjakischer Wortschatz*”⁶, материалы для которого были собраны ученым в конце XIX в.

Опыт описания удмуртских письменных памятников XIX в. показывает, что для определения их диалектной принадлеж-

ности необязательно сравнивать языковые особенности того или иного источника с письменным памятником того же периода, диалектная основа которого эксплицитно указана. Сопоставление письменных источников с современными диалектами также дает достоверный результат, однако следует помнить, что принадлежность памятников к тому или иному диалекту определяется набором общих инноваций, а не сохранившихся архаизмов. Поэтому при рассмотрении языковых особенностей письменного источника важно классифицировать, какие из них являются инновациями, а какие – архаизмами, сохранившимися от праудмуртского языка.

Результаты исследования и их обсуждение

Тщательное рассмотрение текста рукописи Евангелия от Луки на удмуртском языке указывает на то, что над переводом книги работал не один человек. В отдельных главах встречаются специфические черты, хотя почерк на всех страницах письменного источника однообразен. Например, в главах 5 и 6 вместо кириллической *і*, которая функционирует в удмуртских памятниках этого периода, при написании слов во многих случаях используется латинская *j*, ср.: *мызонъ-јосъ* (5: 2) vs *мызонъ-іосъ* (8: 3; 9: 19) ‘другие’. Для глав 8 и 12 характерна регрессивная ассимиляция в корне слова ‘Бог’, ср.: *иммаръ* (12: 6) vs *инмаръ* (1: 8; 2: 52) ‘Бог’, *иммарлэнъ* (8: 5) vs *инмарлэнъ* (5: 17) ‘у Бога’. Кроме того, в главе 8 встречается удвоенное написание *гг*, ср.: *юггѣтъ* (8: 10) vs *югѣтъ* (2: 9) ‘свет’, *оггѣзь* (8: 25) vs *огѣзь* (12: 1) ‘один’. Несмотря на это, в тексте рукописи можно выделить ряд диалектных фонетических и морфологических особенностей, свойственных языку анализируемого памятника в целом.

На уровне фонетики следует отметить следующие явления.

1. Употребление /u/ в соответствии с литер. /i/ в первом слоге:

⁶ См.: Wichmann Y. *Wotjakischer Wortschatz*. Helsinki, 1987. На данный момент этот словарь представляет собой наиболее полное и точное издание материалов удмуртских диалектов. Ссылки на него будут приводиться в тексте с указанием номера страницы в круглых скобках.

бүдзімь ‘великий’ (1: 33) – литер. *быдзімь*; ср.: *bīdzim*, *bītsim* (G), *bīdzim*, *bīddzim* (J, MU), *bīd'dzim* (MU), *bud'zjin*, *budd'zjin* (J), *bud'zjin* (J), *bud'd'zjin* (M), *bīd'd'zjin* (U) ‘большой, великий’ (с. 23) < ПУдм **bud-7*;

лумшурись ‘с юга’ ЕЛА (12: 55) – литер. *лымшорись*; ср.: *lim-šir* (M, J, MU), *lum-šor*, *lum-šur* (G), *līṃ-šīr* (U) ‘полдень’ (с. 173) < ПУдм **lun-*, **lün-*;

пулатцкыны ‘креститься’ REFL-INF (12: 50) – литер. *пылатцкыны*; ср.: *pīlaškinj* (M, J, MU), *plāškinj* (G), *pīwaškinj* (J), *plāškinj* (MU), *pīlaškinj* (U) ‘купаться’ (с. 199) < ПУдм **pylaš-*;

юбыртъя ‘молись’ IMP.2SG (4: 8) – литер. *йыбыртъя*; ср.: *jībirtinj* (G, B), *d'ibirtinj* (MU), *d'ībirtinj* (U), *jibirtinj* (S, M, J), *jubirtinj* (J) ‘поклониться, молиться’ (с. 77) < ПУдм **uj-byr-t-*.

В данном случае среди выявленных в рукописи примеров представлены формы как инновационного, так и архаичного происхождения, на что указывают праудмуртские соответствия. Подобный переход в отдельных словах первоначальной /j/ в /u/ встречается в жувамском говоре бесермянского наречия [21, 236], поэтому вполне вероятно, что зафиксированные формы в качестве территориальных вариантов могли присутствовать и в языке анализируемого памятника.

2. Употребление /u/ в соответствии с литер. /j/ во втором слоге:

шукү ‘пена’ (9: 39) – литер. *шукы*; ср.: *šukj* (G), *šukj* (M), *šukj* (J), *š'k'j* (U) ‘пена’ (с. 173);

сукурү ‘каравай’ (11: 5) – литер. *сукыри*; ср.: *sukjri* (M, J, MU), *sukri* (G, J), *s'k'ri* (U) ‘каравай’ (с. 226).

Выявленная особенность, как видим, не отражена в словаре Ю. Вихманна, однако представлена в современных говорах удмуртского языка. Подобные формы более характерны для косинского говора нижнечепецкого диалекта и кезского говора верхнечепецкого диалекта, однако некоторые примеры встречаются и в других севернудмуртских говорах [11,

117–118], а также в бесермянском наречии [22, 44]. Это явление, по всей вероятности, имеет инновационное происхождение и обусловлено прогрессивной лабиальной ассимиляцией [11, 117–118].

Значительная часть письменных источников удмуртского языка представлена переводами религиозной литературы, в том числе текста Четвероевангелия. Работа над его переводом на удмуртский язык началась в 1818 г. с открытием Вятского комитета Российского библейского общества, но по различным причинам растянулась практически на 30 лет.

3. Употребление в анлауте билабиального сонанта /u/ (графически *у/уь*) в соответствии с литер. /v/ перед /a/:

уамэнь ‘поперек’ (2: 34) – литер. *вамен*; ср.: *uaten* (G, B, M, MU, U) ‘поперек’ (с. 306);

увань ‘есть, имеется’ (7: 40; 8: 15) – литер. *вань*; ср.: *uaj*, *uajm-* (G, B, MU), *uaj* (M, U), *vaj* (S), *vaj*, *vajm-* (J, MU) ‘есть, имеется; весь’ (с. 307);

уваськызы ‘спустились’ 1PST-3-PL (9: 37) – литер. *васькызы*; ср.: *uaskinj* (G, U), *uaskj-* (M), *uask-*, *vask-* (MU), *vaskj-* (S), *vaskinj* (J) ‘спуститься, слезть’ (с. 308);

уватыны ‘похоронить’ INF (9: 59) – литер. *ватыны*; ср.: *uatijnj* (G, B, U), *uatni* (M), *uatini* (MU), *vatinj* (S, MU) ‘спрятать, прятать’ (с. 308);

диал. *увазьнырысь* ‘самый первый’ (6: 48); ср.: *uaz* (G, B, M, MU, U), *vad'z* (S), *vaz* (MU) ‘рано’ (с. 308);

диал. *уваллянь* ‘раньше’ (6: 23); ср.: *ual'an* (G, B), *vad'lan* (S), *val'an* (MU), *uad'an* (U) ‘раньше (B); прежде, в старину (MU); позавчера (S); в позапрошлом году (U); старый урожай (G)’ (с. 308).

Данное явление, вероятно, имеет архаичное происхождение, поскольку на сегодняшний день характерно для отдельных говоров всех наречий удмуртского

⁷ Праудмуртские формы даны по неопубликованной базе пермских языков, подготовленной С. Л. Николаевым и любезно предоставленной автором.

языка. Оно представлено в нижнечепецком и среднечепецком диалектах северного наречия, бесермянском наречии, некоторых говорах южного наречия (нижнеижском, татышлинском, буйско-таньпском), также sporadически встречается в срединных говорах⁸. По мнению финно-угроведов, этот согласный в указанной позиции восходит к прапермскому *ц [20, 24; 31, 63–70], который при дальнейшем развитии консонантной системы удмуртского языка в большинстве случаев был замещен согласной фонемой /v/, имевшей большую частотность в анлауте по сравнению с /ц/⁹. Функционирование в зафиксированных формах особой согласной, как видим, подтверждается и материалами словаря Ю. Вихманна.

4. Употребление в инлауте аффрикаты /č/¹⁰ в соответствии с литер. /š/ перед /k/:

бычькалтòзь ‘он вонзит’ FUT-3SG (2: 35) – литер. *бышкaлтòз*; ср.: *bïŕŕškaltïñî* (G), *bïŕŕškaltïñî* (S, M), *bïŕškaltïñî* (MU), *bïŕŕškaltïñî* (U) ‘воткнуть, кольнуть, уколоть’ (с. 24);

квачкатызь ‘он разрушил’ 1PST-3SG (6: 49) – литер. *куашкaтöз*; ср.: *куaт'ŕškàñî* (G), *куaт'ŕškàñî* (M), *куaŕškàñî* (J, MU), *куaŕškàñî* (U) ‘разрушиться, развалиться’ (с. 142);

лучкэмь ‘тайно’ (8: 16) – литер. *лушкeм*; ср.: *луŕŕŕket* (G, M, J), *луŕket* (U) ‘тайно, скрытно’ (с. 149) и др.

В этом случае в памятнике также представлены более архаичные формы по сравнению с литературными. Как отмечают лингвисты, для праудмуртского периода было характерно свободное функционирование аффрикат во всех позициях слова [14, 35]. Однако с течением времени данная система претерпела различные изменения, в частности в инлауте перед согласным произошла деаффрикатизация /č/ [15, 40]. В результате в большинстве современных диалектов,

как и в литературном языке, в указанной позиции стал функционировать фрикативный /š/. Однако в некоторых говорах архаичные формы сохранились до сих пор. Подобные примеры встречаются в отдельных срединных¹¹ и южноудмуртских говорах [2, 50; 12, 37], а также в среднечепецких, нижнечепецких и sporadически в верхнечепецких диалектах удмуртского языка [11, 138]. Материалы финского ученого также свидетельствуют о том, что в указанной позиции в конце XIX в. /č/ была распространена в различных удмуртских диалектах.

5. Сохранение твердого характера /n/ после переднерядной /i/:

кинъ ‘кто’ (9: 26) – литер. *кин*; ср.: *kin* (G, M, U), *kiñ* (B, J, MU), *kino* (M) ‘кто?’ (с. 105);

инъ ‘небо’ (2: 13) – литер. *ин*; ср.: *in*, *inm-* (G, M, J, MU), *iñ*, *iñm-* (J, MU), *im* (U) ‘небо’ (с. 65);

пиналэз ‘ребенка’ ACC (1:80) – литер. *пиналэз*; ср.: *pinal* (G, M, U), *piñal*, *piñal'* (B), *piñaju* (J, MU), *piñaju* (MU) ‘молодой; ребенок’ (с. 196) и др.

В говорах южной диалектной зоны, а также в бесермянском наречии дентальная /n/ под влиянием переднерядной /i/, как правило, смягчается и переходит в /n'/¹². В памятнике мы видим сохранение твердого характера согласной /n/ в указанной позиции, что на сегодняшний день свойственно в первую очередь говорам северного наречия, а также большинству срединных и некоторым периферийно-южным (татышлинскому, канлинскому, закамскому) говорам.

6. Выпадение конечной гласной основы /i/ глаголов I спряжения перед суффиксом сослагательного наклонения *-салъ*, показателем инфинитива *-ны* и маркерами деепричастий *-са* и *-тэкъ* (при условии отсутствия сочетания согласных перед /i/)¹³: *пырсалъ* ‘ты бы вошел’ SVJ.V.2SG (7: 6) – литер. *пырсал(ыд)*;

⁸ См.: Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. С. 83.

⁹ Там же. С. 85.

¹⁰ Аффриката /č/ в рукописи передается графемой ч [9, 34].

¹¹ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 198.

¹² Там же. С. 107.

¹³ Встречаются формы, в которых выпадение не происходит (в основном в главах 5 и 6).

шусаль ‘он бы сказал’ SVJV.3SG (1: 61) – литер. *шуысал(ыз)*; *вайны* ‘принести’ INF (2: 6) – литер. *вайыны*; *мынны* ‘идти’ INF (8: 23) – литер. *мыныны*; *буйгатса* ‘успокоив’ CONV (3: 18) – литер. *буйгатыса*; *кылса* ‘услышав’ CONV (4: 28) – литер. *кылыса*; *ситэкъ* ‘не евши’ CONV (5: 34) – литер. *сытэк* и др.

Данное инновационное явление в первую очередь характерно для срединных говоров удмуртского языка¹⁴. Оно также регулярно встречается в верхнечепецком диалекте северного наречия [11, 113–114]. Спорадически эта особенность фиксируется и в отдельных южноудмуртских говорах, в частности в средне-южном [1, 201].

7. Употребление форм с ударением на первом слоге показателя порядковых числительных: *дасъ витэти* ‘пятнадцатый’ ORD (3: 1), *кватэтый* ‘шестой’ ORD (1: 26), *кыкътэти* ‘второй’ ORD (5: 7) и др.

В литературном языке и во многих диалектах удмуртского языка ударение в подобных формах традиционно падает на последний слог слова. Особенность, выявленная в памятнике, характерна для современных северноудмуртских диалектов [11, 122], отмечается в бесермянских [22, 47] и в отдельных срединных говорах¹⁵. Кроме того, аналогичное явление представлено во всех диалектах коми-пермяцкого [3, 121] и в некоторых диалектах коми-зырянского языка [25, 45]. Исходя из того что данная особенность встречается как в удмуртских, так и в коми говорах, можно предположить, что она имеет архаичное происхождение.

8. Функционирование глагольных форм, оканчивающихся на личные показатели *-мы*, *-ды*, *-зы*, с ударением на слоге, предшествующем этим маркерам¹⁶: *кылзыськóды* ‘вы слушаете’ PRS-2-PL (8: 17), *вералóды* ‘вы скажете’ FUT-2-PL (4: 23), *лыктóзы* FUT-3-PL ‘они придут’ (5: 35), *кылы́ми* ‘мы услышали’ 1PST-1-PL

(4: 23), *ветли́ды* ‘вы ходили’ 1PST-2-PL (7: 25), *малпа́зы* ‘они подумали’ 1PST-3-PL (3: 15) и др.

Подобное явление зафиксировано в современном среднечепецком и нижнечепецком диалектах, а также в кезском говоре верхнечепецкого диалекта северного наречия [11, 120], в бесермянском наречии [22, 46] и в кукморском говоре периферийно-южного диалекта удмуртского языка¹⁷. Такие формы с ударением не на последнем слоге слова, по мнению В. К. Кельмакова, скорее всего восходят «к ранним состояниям в развитии удмуртской акцентуации» [15, 33], т. е. могут быть архаичными.

В современном удмуртском языке посессивные суффиксы с *и*-овой огласовкой используются лишь с несколькими лексемами, обозначающими термины ближайшего родства по восходящей линии: *айы* ‘отец’, *мумы* ‘мать, мама’, *бубы* ‘отец’. Территориально эти формы функционируют в говорах северной диалектной зоны.

Кроме того, в тексте рукописи встречаются многочисленные явления нерегулярного характера, т. е. представленные единичными лексемами. Функционирование подобных форм в удмуртских диалектах подтверждается материалами словаря Ю. Вихманна, тем самым свидетельствуя о том, что эти единичные примеры также определенным образом отражают диалектные черты языка памятника¹⁸.

К таким нерегулярным явлениям можно отнести случаи употребления:

/a/ в соответствии с литер. */o/*: *салдатъ-и́ось* ‘солдаты’ PL (7: 8) – литер. *солдатъёс*; *салдатъи́осты* ‘солдат’ PL-ACC (7: 8) – литер. *солдатъёсты/солдатъёсыз*; ср.: *saldat* (G, B, M, U), *soldat* (G), *sâmdat*, *sõmdat* (MU) ‘солдат’ (с. 217);

¹⁴ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 62.

¹⁵ Там же. С. 76.

¹⁶ Встречаются исключения с ударением на последнем слоге (чаще всего в главах 5 и 6).

¹⁷ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 74.

¹⁸ Большинство форм в словаре зафиксировано с пометой G (глазовский диалект).

/e/ в соответствии с литер. /i/ во втором слоге: *беректыны* ‘вернуть’ 1^{PL}-3^{SG} (4: 20) – литер. *берыктыны*; *беректыз* ‘возвратил’ 1^{PL}-3^{SG} (4: 20) – литер. *берыктыз*; ср.: *beriktinŋ* (G, U), *beriktinŋ* (G), *beriktinŋ* (M, MU), *berikt-* (J) ‘перевернуть, воротить, возвратить’ (с. 19);

/i/ в соответствии с литер. /e/ во втором слоге: *толыз* ‘месяц’ (4: 25) – литер. *толэз*; ср.: *tolež* (G, B, J, MU, U), *tolŋž* (G), *toledž* (M), *trucež* (J, MU) ‘луна; месяц’ (с. 265);

/l/ в соответствии с литер. /j/: *пельмыт* ‘темный’ (3: 20) – литер. *пеймыт*; *пэлмытын* ‘в темноте’ 1^{NE} (1: 72) – литер. *пеймытын*; *пельмытэн* ‘в темное время суток’ (12: 3) – литер. *пеймытэн*; ср.: *pel'mit* (G), *pel'mit*, *peimŋit* (J), *peimŋit* (G, U), *peimŋit* (M, MU), *peimŋit* (U) ‘темный; темно’ (с. 192);

/n/ в соответствии с литер. /m/: *мырдэн* ‘с трудом’ (9: 39) – литер. *мырдэм*; ср.: *mŋrdem* (G), *mŋrden* (M, MU), *mŋrden* (MU) ‘с трудом’ (с. 162) и др.

На уровне морфологии в результате анализа рукописного перевода Евангелия от Луки на удмуртский язык мы выявили следующие особенности.

1. Оформление форм множественного числа имен существительных от основ с конечной гласной маркером *-йос* (графически *-йось(-)*): *адямйось* ‘люди’ 1^{PL} (2: 52) – литер. *адямиос*; *зуйось* ‘могилы’ 1^{PL} (9: 58) – литер. *зуюс*; *кышнойось-лэсь* ‘у женщин’ 1^{PL}-AVL (1: 28) – литер. *кышноослэсь* и др.

В удмуртском литературном языке и в абсолютном большинстве современных диалектов к именным основам с финальным гласным присоединяется маркер *-ос*, а формы множественного числа от основ с конечным согласным образуются с помощью суффикса *-йос* (графически *-ёс*). В памятнике в обоих случаях употребляется йотированный вариант. Данное явление сегодня встречается в отдельных южных¹⁹ и севернoudмуртских говорах [11, 163–164]. При этом формы

с *й* лингвисты считают более архаичными [29, 171; 30, 152; 31, 182–183].

2. Употребление лично-притяжательных маркеров с *и*-овой огласовкой в словах, обозначающих термины ближайшего родства: *ай* ‘мой отец’ 1^{POSS} (11: 13) – литер. *айи* / *айые*; *бубйод* ‘твой отец’ 2^{POSS} (4: 23) – литер. *бубид* / *бубыед*; *мумйз* ‘его мать’ 3^{POSS} (1: 43) – литер. *мумиз* / *мумыез* и др.

В современном удмуртском языке possessивные суффиксы с *и*-овой огласовкой используются лишь с несколькими лексемами, обозначающими термины ближайшего родства по восходящей линии: *айы* ‘отец’, *мумы* ‘мать, мама’, *бубы* ‘отец’²⁰. Территориально эти формы функционируют в говорах северной диалектной зоны [6, 59, 63; 11, 170]. Приведенные примеры, вероятно, являются инновационными по своему происхождению. Гласный *и* в указанных формах С. А. Максимов возводит к уменьшительно-ласкательному суффиксу. По мнению исследователя, «возникнув как уменьшительно-ласкательная форма для обращения к матери... слово *муми* впоследствии стало употребляться и в функции названия, в которой оно... воспринимается не как мама вообще, а моя мама» [23, 211].

3. Маркировка аккузативных форм множественного числа простого склонения показателем *-ты*: *висёнйюсты* ‘болезни’ 1^{PL}-ACC (9: 1) – литер. *висёнёсты* / *висёнёсыз*; *курадзёнйюсты* ‘страдания’ 1^{PL}-ACC (4: 18) – литер. *курадзёнёсты* / *курадзёнёсыз*; *кыльйюсты* ‘слова’ 1^{PL}-ACC (8: 49) – литер. *кыльёсты* / *кыльёсыз* и др.

В литературном языке, как видим, указанные формы образуются с помощью двух дублетных формантов *-ты* и *-ыз*. На уровне диалектов эти маркеры четко противопоставлены друг другу ареалом распространения. Показатель *-ты* функционирует в северных диалектах [11, 182], в бесермянском наречии [22, 76; 27, 174–176], а также отмечен в прикильмез-

¹⁹ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 116.

²⁰ См.: Удмурт кылын шонер гождяськонья кыллокам (Шонер гождяськонья правилоосын): 55 000 пала кыл но кылтэчет. Ижевск, 2022. С. 52–53.

ских [7, 105] и средневожосточных²¹ срединных говорах. Суффикс *-ыз* представлен в говорах южной диалектной зоны, которая охватывает южное наречие и южную часть срединных говоров удмуртского языка²². Оба форманта, по мнению ученых, восходят к прапермскому периоду [17, 118], поскольку аналогичное варьирование аккузативных показателей зафиксировано и в коми языке²³.

4. Функционирование форм творительного падежа с суффиксами *-энынъ/-енынъ* и *-ынынъ*: *курамэнынъ* 'с сосватанной' INS (2: 5) – литер. *курамен*; *кужмынынъ* 'силой' INS (1: 16) – литер. *кужмын*; *малпаменынъ* 'с мыслью' INS (10: 27) – литер. *малпамен*; *нимынынъ* 'именем' INS (1: 26, 10: 39) – литер. *нимын* и др.

Эти примеры в тексте источника употребляются параллельно с формами, маркированными показателями *-энь/-енъ*, *-ынъ*, идентичными литературным, ср.: *вуэнь* 'водой' INS (3: 16) – литер. *вуэн*; *картэнь* 'мужем' INS (2: 36) – литер. *картэн*; *сюлмынь* 'сердцем' INS (2: 19) – литер. *сюлмын* и др. Зафиксированные в памятнике нестандартные формы, насколько нам известно, в современных удмуртских говорах не встречаются, однако аналогичные примеры мы выявили в рукописи «Отъ Иоанна Святое Благовѣствованіе»²⁴, подготовленной на севернудмуртском диалекте, ср.: *кышноэнынъ* 'с женой' INS – литер. *кышноен*; *нимынынъ* 'именем' INS – литер. *нимын*; *синмынынъ* 'глазами' INS – литер. *синмын* и др. Объяснить происхождение данных форм мы пока затрудняемся, однако ясно, что они также отражают языковую особенность анализируемого памятника.

5. Образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения с конечным *-ты*-основы с помощью суффикса *-чк-* (графически *-цьк/-цк-*): *бэрцькызы* 'вернулись' REFL-1PST-3-PL (2: 43) – литер. *берытскизы* / *берытійськызы*; *кышкацькызы* 'испугался' REFL-1PST-3SG (1: 12) – литер.

кышкатскиз / *кышкатійськыиз*; *эцькызы* 'прикоснулся' REFL-1PST-3SG (8: 44) – литер. *йотскиз* / *йотійськыиз* и др.

Маркер *-чк-* в данном случае служит модификацией суффикса *-ис'к-*, который возник в результате сочетания элемента *t* глагольной основы с согласным *c'* залогового суффикса (например, *кышкатійськыны* > *кышкацькыны* 'испугаться'). Подобные формы, по данным диалектологов, сегодня представлены в кырымасских²⁵ и граховских [2, 69] говорах южного наречия, а также sporadически встречаются в глазовском говоре среднечепецкого диалекта и в кезском говоре верхнечепецкого диалекта северного наречия [11, 327–328]. Единичные примеры зафиксированы и в бесермянском наречии [22, 126].

6. Маркировка деепричастий с временным значением показателями *-ку* и *-кы*: *ветлыкудъ* 'когда ты ходишь' CONV-2SG (10: 38) – литер. *ветлыкуд*; *улыкюзъ* 'когда он находится' CONV-3SG (2: 6) – литер. *улыкюз*; *люкаскыкы* 'во время сбора' CONV (4: 15) – литер. *люкаськыку*; *пуксыкы* 'во время присеста' CONV (4: 40) – литер. *пуксьыку* и др.

Из двух вариантов формант *-ку* по своему происхождению считается вторичным [24, 70; 26, 302]; он возник, по всей вероятности, из формы на *-кы* «по аналогии с вопросительным местоименным наречием *ку?* 'когда?'» [11, 350], функционирует в современном среднечепецком и верхнечепецком диалектах северного наречия [11, 348], а также в кильмезских говорах Кировской области [16, 45]. Параллельно с *-кы* маркер *-ку* может употребляться в отдельных срединных и бесермянских говорах [22, 132], а также sporadически встречается в некоторых населенных пунктах, относящихся к кезскому говору верхнечепецкого диалекта [11, 349]. Архаичный вариант *-кы* в целом характерен для говоров южной

²¹ См.: Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневожосточных говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. С. 212.

²² См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 119.

²³ Там же. С. 120.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 244. Л. 61.

²⁵ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 141.

диалектной зоны и нижнечепецкого диалекта северного наречия²⁶.

7. Функционирование форм единственного числа сослагательного наклонения без личных показателей: *пырсаль* 'ты бы вошел' svjv.2sg (7: 6) – литер. *пырысал(ыд)*; *тодсаль* 'он бы знал' svjv.3sg (7: 39) – литер. *тодысал(ыз)*; *шусаль* 'он бы сказал' svjv.3sg (1: 61) – литер. *шуысал(ыз)* и др.

Данное явление сегодня характерно для северноудмуртских [11, 294] и средневожжичских²⁷ говоров удмуртского языка. В южноудмуртских диалектах формы единственного числа сослагательного наклонения могут изменяться или по всем трем лицам, или по двум (во 2-м и 3-м), или имеют особый показатель лишь во 2-м лице²⁸. В бесермянском наречии указанные формы функционируют с личными показателями во всех трех лицах, однако употребление личного маркера в 1-м лице носит факультативный характер [22, 113; 27, 233–234]. Согласно материалам Б. А. Серебренникова, первичными являются сослагательные формы единственного числа, не изменяемые по лицам [26, 292–293].

8. Употребление форм 3-го лица множественного числа прошедшего неочевидного времени без личных показателей: *ваиллямь* 'они, оказывается, принесли' 2pst.3pl (2: 22) – литер. *вайиллям(зы)*; *возьмаллямь* 'они, оказывается, ждали' 2pst.3pl (2: 8) – литер. *возьмаллям(зы)*; *шеттыллямь* 'они, оказывается, нашли' 2pst.3pl (7: 10) – литер. *шетьтыллям(зы)* и др.

Тенденция употребления данных форм без личных маркеров присутствует в современных верхнечепецких и среднечепецких диалектах северного наречия [11, 314]. Также эта особенность зафиксирована в кыркмасских говорах южноудмуртского наречия [12, 50]. По мнению Е. А. Цыпанова, с учетом диалектных данных коми и удмуртского языков развитие личных маркеров в указанных формах может представлять собой относительно позднее явление [28, 161].

Кроме перечисленных, на наш взгляд, стоит отметить еще одну интересную особенность. Дело в том, что в главе 8 рукописи формы отдалительного падежа, оформленные маркером **-ысен(ы)-**, употребляются в функции исходного падежа: *Кү сд потызь шуръ дурэ пумитазь потызь кинке адымь карысень, кудаь шайтанъось валь кемалась со дысяськэмътэ валь, коркань эзь уль шайнь улызь*. «Когда же вышел Он на берег, встретил Его один человек из города, одержимый бесами с давнего времени, и в одежду не одевавшийся, и живший не в доме, а в гробах» (8: 27); *Ношна со веразь со кылдоты кинке лыктызь тэрэлэнь гуртысенызь вера соль: нылды тынадь кулызь; энь курадзи дышетьсьтэ*. «Когда Он еще говорил это, приходит некто из дома начальника синагоги и говорит ему: дочь твоя умерла; не утруждай Учителя» (8: 49).

Случаи употребления эггессивных форм в функции элатива встречаются в современном слободском говоре нижнечепецкого диалекта, а также в глазовском и ярском говорах среднечепецкого диалекта северного наречия [11, 180]. Ранее данное явление было отмечено и в другом письменном памятнике первой половины XIX в. – в Евангелии от Марка на глазовском наречии [4, 14].

Заключение

Итак, в тексте рассмотренной рукописи Евангелия от Луки на фонетико-морфологическом уровне можно выделить пять явлений регулярного характера, которые однозначно относятся к инновациям:

1) употребление /u/ в соответствии с литер. /i/ во втором слоге (прогрессивная лабиальная ассимиляция);

2) выпадение конечной гласной основы /i/ глаголов I спряжения перед суффиксом сослагательного наклонения **-саль**, показателем инфинитива **-ны** и маркерами деепричастий **-са** и **-тэкь**;

²⁶ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 159.

²⁷ См.: Бушмакин С. К. Указ. соч. С. 302.

²⁸ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 147.

3) употребление лично-притяжательных маркеров с *и*-овой огласовкой в словах, обозначающих термины ближайшего родства;

4) образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения с конечным *-ты-* основы с помощью суффикса *-чк-*;

5) маркировка деепричастий с временным значением наряду с архаичным формантом *-кы* инновационным показателем *-ку*.

Перечисленные особенности представлены в северноудмуртских говорах, точнее, большинство из них, как было показано выше, характерно для кезского го-

вора верхнечепецкого диалекта. В связи с этим можно с уверенностью сказать, что памятник подготовлен на говоре северного наречия удмуртского языка, как и указано в работах Б. И. Каракулова [10, 127] и Л. М. Ившина [9, 31–32]. П. Н. Луппов же в своей книге [18, 11], вероятно, писал о другом варианте перевода Евангелия от Луки, который хранится в РГИА. Однако проверить эту догадку можно лишь в процессе аналогичного тщательного описания языковых особенностей данной рукописи, чем мы в дальнейшем и планируем заняться.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Языки и диалекты

<i>диал.</i>	диалект, диалектный
<i>литер.</i>	литературная форма, литературный язык
<i>ПУдм</i>	праудмуртский
<i>В</i>	бесермянский диалект
<i>G</i>	глазовский диалект
<i>J</i>	елабужский диалект
<i>ЛI</i>	елабужский диалект по рукописному словарю В. Ислентьева
<i>M</i>	малмыжский диалект
<i>MU</i>	малмыжско-уржумский диалект
<i>S</i>	сарапульский диалект
<i>U</i>	уфимский диалект
<i>Глоссы</i>	
<i>1, 2, 3</i>	первое, второе, третье лицо
<i>1pst</i>	первое (очевидное) прошедшее время
<i>2pst</i>	второе (неочевидное) прошедшее время

<i>abl</i>	аблатив
<i>acc</i>	аккузатив
<i>conv</i>	деепричастие
<i>egr</i>	эгрессив
<i>ela</i>	элатив
<i>fut</i>	будущее время
<i>imp</i>	повелительное наклонение
<i>ine</i>	инессив
<i>inf</i>	инфинитив
<i>ins</i>	инструменталь
<i>ord</i>	порядковое числительное
<i>pl</i>	множественное число
<i>poss</i>	посессивный показатель
<i>ptcp</i>	причастие
<i>prs</i>	настоящее время
<i>refl</i>	рефлексив
<i>sbjv</i>	сослагательное наклонение
<i>sg</i>	единственное число

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов Г. А. Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1962. Вып. 117, № 1. С. 189–206.
- Атаманов М. Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 45–96.
- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1975. 252 с.
- Безенова М. П. Морфологические особенности первых печатных Евангелий на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2022. № 4. С. 7–27. DOI: 10.37892/2500-2902-2022-47-4-7-27.
- Безенова М. П. Фонетические особенности памятников удмуртской письменности религиозного характера первой половины XIX века в сопоставлении с современными диалектами // Урало-алтайские исследования. 2014. № 1. С. 22–43.
- Диалектологический атлас удмуртского языка: карты и комментарии / Р. Ш. Насибуллин [и др.]. Ижевск: Регулярная и хаотичная динамика, 2013. Вып. 3. 300 с.
- Загуляева Б. Ш. Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка // Fenno-Ugristica. Вып. 6. Специфические особенности лексики и грамматики уральских языков. Тарту, 1980. С. 103–110.
- Ившин Л. М. О некоторых фонетических, морфологических и лексических особенностях Евангелия от Луки на удмуртском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвисти-

- ка и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 69–72.
9. Ившин Л. М. Рукописное Евангелие от Луки на удмуртском языке: графико-орфографический анализ // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 3. С. 30–37.
 10. Каракулов Б. И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз XVIII–XXI дауръёс = История удмуртского литературного языка XVIII–XXI века. Ижевск: Удмуртия, 2006. 207 с.
 11. Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: моногр. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.
 12. Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // Вопросы удмуртской диалектологии: сб. ст. Ижевск, 1977. С. 26–61.
 13. Кельмаков В. К. Отзыв о статье М. П. Безеновой «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Жеч кылъёс. Святой Тихонлэн жечлы дышетэм кылъёсыз»): особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования. 2016. № 3. С. 64–67.
 14. Кельмаков В. К. Прапермские аффрикаты в современных удмуртских диалектах // Советское финно-угроведение. 1987. Т. 23, № 1. С. 34–44.
 15. Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 58 с.
 16. Кириллова Л. Е., Титова О. В. О некоторых морфологических особенностях кильмезских говоров удмуртского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. XVI Всероссийская конференция (с международным участием): материалы XVI Всерос. конф. Уфа, 2016. С. 43–45.
 17. Кондратьева Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке: моногр. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 154 с.
 18. Луппов П. Н. О первых вотских переводах источников христианского просвещения: Очерк из истории инородческих переводов. Казань: Центр. тип., 1905. 25 с.
 19. Луппов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века: Исследование. Вятка: Губ. тип., 1911. 642 с.
 20. Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука, 1964. 270 с.
 21. Люкина Н. М. Жувамский говор бесермянского наречия // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: материалы X междунар. симп. «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Ижевск, 2009. С. 234–238.
 22. Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян: моногр. Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2016. 199 с.
 23. Максимов С. А. Комментарий к картам: «Мать», «Обращение к матери», «Бабушка – мать отца», «Бабушка – мать матери», «Отец», «Обращение к отцу», «Дедушка – отец отца», «Дедушка – отец матери», «Отчим» // Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Ижевск, 2013. Вып. 3. С. 204–258.
 24. Перевошиков П. Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959. 328 с.
 25. Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования): моногр. Сыктывкар: СыктГУ, 2014. 271 с.
 26. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.
 27. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 287 с.
 28. Цыпанов Е. А. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2005. 284 с.
 29. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 old.
 30. Kövesi M. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1965. 432 old.
 31. Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1933. 466 S.

Поступила 20.04.2023; одобрена 18.05.2023; принята 28.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

М. П. Безенова – кандидат филологических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, mary_kaj@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0493-2193>

Phonetic and morphological characteristics of handwritten translation of the Gospel of Luke into the Udmurt language

Maria P. Bezenova

*Udmurt Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia*

Introduction. The article describes the phonetic and morphological features of one of the translations of the Gospel of Luke into the Udmurt language of the early XIX century. The main purpose of the study is to determine the dialect basis of the written monument using the identified phonetic and morphological phenomena.

Materials and Methods. The source base of the research is the corpus of the handwritten text "St. Luke's Holy Gospel" in the Udmurt language, which is stored in the Saint-Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The main methods of the research are descriptive and comparative.

Results and Discussion. During the research, there were identified various phonetic and morphological characteristics inherent in the language of this written monument. Among them, the following can be noted: progressive labial distant assimilation; the loss of the final vowel of the base *л* of verbs of the I conjugation before the subjunctive mood indicator, the infinitive marker and the formants of some adverbs; the functioning of the forms of ordinal numerals, as well as verbs ending in personal indicators *-мьл*, *-дьл*, *-зьл*, with emphasis not on the last syllable of the word; the use of personally possessive markers with an *i*-vowel in words denoting terms of closest relationship; the formation of accusative forms of the plural number of simple declension using the suffix *-мьл*; marking of forms of the reflexive voice from verbs of the I conjugation with the final *-мьл* basis indicator *-чк-*, etc.

Conclusion. Most of the phenomena identified in the source turned out to be archaic in origin. However, there are also innovative features in the monument, which make it possible to state that the dialect of the northern dialect of the Udmurt language was used for the preparation of the manuscript.

Keywords: the Udmurt language, written record, Gospels, phonetic features, morphological features, Udmurt dialects

For citation: Bezenova MP. Phonetic and morphological characteristics of handwritten translation of the Gospel of Luke into the Udmurt language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2024;16;1:8–20. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.8-20.

REFERENCES

1. Arkhipov GA. Some questions of phonetics of the Middle-Southern dialect of the Udmurt language. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Studies of Tartu State University*. Tartu; 1962;117;1:189–206. (In Russ.)
2. Atamanov MG. Grakhovo subdialects of southern Udmurt dialect. *Materialy po udmurtskoi dialektologii: obratzы rechы* = *Materials on Udmurt dialectology: speech patterns*. Izhevsk; 1981:45–96. (In Russ.)
3. Batalova RM. Komi-Permyak dialectology. Moscow; 1975. (In Russ.)
4. Bezenova MP. Morphological features of the first printed Gospels in Udmurt. *Uralo-altaiskie issledovaniia* = *Ural-Altai Studies*. 2022;4:7–27. (In Russ.). DOI: 10.37892/2500-2902-2022-47-4-7-27.
5. Bezenova MP. Phonetic features of the Udmurt religious texts of the first half of the XIX century in comparison with the modern dialects. *Uralo-altaiskie issledovaniia* = *Ural-Altai Studies*. 2014;1:22–43. (In Russ.)
6. Nasibullin RSh at al. Dialectological atlas of the Udmurt language: maps and comments. Izhevsk; 2013;3. (In Russ.)
7. Zagulyajeva BSh. Morphological peculiarities of the Kilmez river dialects of the Udmurt language. *Fenno-Ugristica*. Tartu; 1980;6:103–110. (In Russ.)
8. Ivshin LM. About some phonetic, morphological and lexical features of the Gospel of Luke in the Udmurt language. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* = *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2016;1:69–72. (In Russ.)

9. Ivshin LM. Graphical and spelling analysis of the handwritten Gospel of St. Luke in Udmurt. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniĭ* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2011;3:30–37. (In Russ.)
10. Karakulov BI. History of the Udmurt literary language of the XVIII–XXI centuries. Izhevsk; 2006. (In Udm.; In Russ.)
11. Karpova LL. Dialects of the northern dialect of the Udmurt language: formation and current state. Monograph. Izhevsk; 2020. (In Russ.)
12. Kelmakov VK. Brief description of Kyrykmas dialects of the South Udmurt dialect I. *Voprosy udmurtskoi dialektologii: sb. st.* = Questions of Udmurt dialectology. Collection of articles. Izhevsk; 1977:26–61. (In Russ.)
13. Kelmakov VK. Comment on the paper by Maria Bezenova “The Udmurt written monument “Christian admonition of Saint Tikhon in the Votyak Language” of 1891 (“Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз”): consonant features”. *Uralo-altaiskie issledovaniia* = Ural-Altai Studies. 2016;3:64–67. (In Russ.)
14. Kelmakov VK. Proto-Perm affricates in modern Udmurt dialects. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* = Soviet Finno-Ugric Studies. 1987;23;1:34–44. (In Russ.)
15. Kelmakov VK. Formation and development of phonetics of Udmurt dialects. Izhevsk; 1993. (In Russ.)
16. Kirillova LE, Titova OV. About some morphological features of the Kilmez dialects of the Udmurt language. *Aktual'nye problemy dialektologii iazykov narodov Rossii. XVI Vserossiiskaia konferentsiia (s mezhdunarodnym uchastiem): materialy XVI Vseros. konf.* = Actual problems of dialectology of the languages of the peoples of Russia. XVI All-Russian conference (with international participation). Materials of the XVI All-Russian conference. Ufa; 2016:43–45. (In Russ.)
17. Kondrat'eva NV. Formation of the case system in the Udmurt language. Monograph. Izhevsk; 2011. (In Russ.)
18. Luppov PN. About the first Votyak translations of the sources of Christian enlightenment: essays from the history of foreign translations. Kazan; 1905. (In Russ.)
19. Luppov PN. Christianity among the Votyaks in the first half of the XIX century: Study. Vyatka; 1911. (In Russ.)
20. Lytkin VI. Historical vocalism of the Permian languages. Moscow; 1964. (In Russ.)
21. Liukina NM. Zhuvam dialect of the Besermyan dialect. *Permistika 10: Voprosy permskoi i finno-ugorskoi filologii: Materialy X mezhdunar. simp.* “Dialekty i istoriia permskikh iazykov vo vzaimodeistvii s drugimi iazykami” = Permistics 10: Questions of Permian and Finno-Ugric philology. Materials of the X International symposium “Dialects and history of Permian languages in interaction with other languages”. Izhevsk; 2009:234–238. (In Russ.)
22. Liukina NM. Phonetic and morphological features of the language of Lekma and Yunda Besermyans. Izhevsk; 2016. (In Russ.)
23. Maksimov SA. Comment on maps: “Mother”, “Appeal to mother”, “Grandmother – mother of father”, “Grandmother – mother of mother”, “Father”, “Appeal to father”, “Grandfather – father of father”, “Grandfather – father of mother”, “Stepfather”. *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo iazyka: karty i kommentarii* = Dialectological atlas of the Udmurt language: maps and comments. Izhevsk; 2013;3:204–258. (In Russ.)
24. Perevoshchikov PN. Adverbs and adverbial constructions in the Udmurt language. Izhevsk; 1959. (In Russ.)
25. Popova RP, Sazhina SA. Phonetic and morphological features of Komi dialects (comparative aspect of the study). Syktyvkar; 2014. (In Russ.)
26. Serebrennikov BA. Historical morphology of Permian languages. Moscow; 1963. (In Russ.)
27. Teplishina TI. The language of the Besermyans. Moscow; 1970. (In Russ.)
28. Tsypanov EA. Grammatical categories of the verb in the Komi language. Syktyvkar; 2005. (In Russ.)
29. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest; 2005.
30. Kövesi M. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest; 1965.
31. Uotila TE. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki; 1933.

Submitted 20.04.2023; reviewing 18.05.2023; accepted 28.12.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

M. P. Bezenova – Candidate Sc. {Philology}, Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, mary_kaj@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0493-2193>

Особенности языка и подстиля научно-популярной литературы: несерьезно о серьезном (на материале финского языка)

Надежда Станиславовна Братчикова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия*

Введение. В статье рассматриваются особенности подстиля научно-популярной литературы на материале финского языка. Перевод с научного на научно-художественный стиль изложения позволяет придать тексту экспрессивность, образность и повысить интерес читательской аудитории к науке.

Материалы и методы. Материалом послужила книга финских авторов А. Хавукайнен и С. Тойвонена «Финляндия Тату и Пату», в которой воплощен удачный опыт учета специфики современной читательской аудитории и нужд образовательного процесса. В исследовании использован комплекс методов: описательный, структурный, структурно-композиционный, функциональный, феноменологический.

Результаты исследования и их обсуждение. Для научно-популярного текста XXI в. характерны новые аспекты взаимодействия читателя и книги. Композиционная структура такого текста нарушает режим ожидания читателя, что позволяет повысить интерес к содержанию книги. Научный текст переводится в неформатное обсуждение информации, которая представлена через прецедентные имена и фразы, ключевые эпизоды истории, знаковые артефакты. Материал излагается в виде репортажа, детективного расследования, интервью, предвыборной кампании, рекламного сообщения. В тексте есть черты разговорного стиля, позволяющего создать атмосферу непринужденного общения; художественного, сочетающего художественную образность с объяснением научных и исторических фактов и явлений. Черты научного стиля заключаются в терминологичности, в большом объеме обобщенно-личных предложений, в количественном преобладании в тексте существительных и прилагательных над глаголами. Лексика научного стиля используется для достоверности, а языковой арсенал разговорного стиля – для создания колоритных образов персонажей и атмосферы. Вокруг книги создается активность (квест) для вовлечения читателя в исследовательский процесс.

Заключение. Исследование научно-популярных текстов позволяет найти эффективные приемы популяризации научного текста.

Ключевые слова: научно-популярный текст, финский язык, композиционная структура, языковые средства, стиль изложения, автор-читатель

Для цитирования: Братчикова Н. С. Особенности языка и подстиля научно-популярной литературы: несерьезно о серьезном (на материале финского языка) // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 1. С. 21–32. DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.21-32.

Введение

В энергичной популяризации науки среди массового читателя лауреат Нобелевской премии физик П. Л. Капица видел огромные перспективы для развития общества и экономики. Он полагал, что интерес к науке «повысит сознательность в работе рабочего и крестьянина, разовьет изобретательность», принесет колоссальную

пользу самой науке, так как появится возможность отбора ученых из «более широких масс»¹. П. Л. Капица назвал эффективные просветительские каналы, воспитывающие интерес к науке у широких масс населения, в том числе научные музеи и фильмы научного, технического и этнографического содержания, а также

¹ Капица П. Л. Деловые письма: великий русский физик о насущном. М., 2021. URL: <https://philologist.livejournal.com/12154349.html> (дата обращения: 19.01.2023).

указал на необходимость создавать научно-популярную литературу и выступать перед большими аудиториями слушателей с лекциями на научные темы. Инициативу великого ученого реализовал его сын С. П. Капица, который стал автором огромного просветительского проекта, создателем сильнейшей школы российского научно-популярного жанра, что и позволило «совершить феноменальный научный и технологический прорыв в советское время»².

Эпоха специализации науки, развитие ее частных кластеров и глубокое проникновение в предмет исследования являются причиной того, что в настоящее время большинство людей, даже получивших соответствующее образование, но не работающих в данной области, не могут в этом исследовании ничего понять. Общество утрачивает понимание предмета и цели научных исследований, а следовательно, и интерес к ним. Проблема оторванности и определенной изолированности науки от общества касается не только России. Ученые Капицы являются выдающимися мастерами объяснения сложных вещей простым языком. Их лекции, публицистические статьи, книги наполняют слушателя и читателя пониманием того, о чем они говорили и писали. Иными словами, чтобы вовлечь в науку, культуру и другие направления людей, необходимо, чтобы они точно понимали предмет разговора.

Современный книжный рынок заполнили публикации, которые можно отнести к научно-популярной литературе, но которые по стилю изложения совершенно меняют укоренившееся представление, что литература нон-фикшен предназначена избранным, тем, кто владеет научной терминологией и имеет специальное образование. Одними из самых ярких новейших примеров литературы данного жанра выступают полемические книги Ю. Н. Харари «Sapiens. Краткая история человечества», «Homo Deus. Краткая история будущего» и «21 урок для XXI века», в которых ав-

тор – ученый и писатель – соединяет исторический подход с естественно-научным, захватывающее повествование – с серьезным анализом состояния общества [8–10].

Некоторые читатели сравнивают стиль изложения профессора Харари с очерками на аналогичные темы из журнала “Cosmopolitan”³. Другие отмечают, что книга читается как увлекательный детектив⁴. Полемичность книг вызвана не только авторской позицией, но и дерзкой, смелой, эмоциональной манерой изложения. Достаточно в качестве иллюстрации привести словосочетания, содержащие не принятую в научной литературе оценочную лексику: «свиристый мамонт», «потрясающее открытие» [10, 26], «мозговитое потомство» [10, 18], или шутивно-разговорные выражения: «стая львов затравила и сожрала жирафа» [10, 20], «новенькие из Африки» [10, 24].

Юмор помогает Ю. Н. Харари излагать довольно сложный и неочевидный материал. Например, он использует современную лексику при описании представителей каменного века, имея в виду их образ жизни и стремление выжить в сложнейших условиях: «предприниматели каменного века», или разговорную лексику при описании внешнего вида предков современного человека: «увалень-предшественник» [10, 26]. От читателя требуется знание персонажей драм У. Шекспира, которые тоже выступают в юмористическом плане: Ромео – неандерталец, а Джульетта – из семьи сапиенсов [10, 26]. Автор прибегает к фразеологическим оборотам, комментируя археологические находки, способные «дать расистам аргумент в пользу принципиального отличия между современными расами человечества»: «никому не хотелось открывать ящик Пандоры» [10, 26], или отмечая неоднозначность выводов экспертов относительно некоторых древних обитателей: «яблоко раздора – неандертальцы» [10, 25].

Какими бы ни были оценки его стиля изложения, книги Ю. Н. Харари пользу-

² Хазин А. Л. Капица был номером один в популяризации науки. 14.08.2012. URL: https://actualcomment.ru/khazin_kapitsa_byl_nomerom_odin_v_populyarizatsii_nauki.html (дата обращения: 19.01.2023).

³ См.: Кононыхина А. Рецензия на книгу «SAPIENS. Краткая история человечества» Юваль Харари. URL: <https://www.labirint.ru/reviews/show/1293006/> (дата обращения: 19.01.2023).

⁴ См.: Ханина А. Рецензия на книгу «SAPIENS. Краткая история человечества» Юваль Харари. URL: <https://www.labirint.ru/reviews/show/1293006/> (дата обращения: 19.01.2023).

ются огромной популярностью и имеют высокий рейтинг⁵. Серьезный ученый сознательно перемещает вектор своей научной карьеры в сторону популяризатора науки.

На наш взгляд, школа научно-популярного жанра воспитывает большой интерес к науке у подрастающего поколения. Современный автор литературы нон-фикшен должен уметь превращать рассказ о самом сложном в современной науке в увлекательное путешествие, но при этом оставаться верным фактам, создавать произведение глубокого содержания.

Предметом нашего исследования выступают язык и подстиль научно-популярной литературы. Материалом является научно-популярное издание на финском языке А. Хавукайнен и С. Тойвонена «Финляндия Тату и Пату», опубликованное издательством «Отава» в 2007 г.⁶

Цель исследования – изучить особенности языка и подстиля современного научно-популярного текста на материале финского языка. Гипотеза исследования: особенность научно-популярного подстиля заключается в переводе текста с научного на научно-художественный стиль изложения, что позволяет придать ему экспрессивность, образность и повысить интерес читательской аудитории к науке.

Задачи исследования: 1) указать цели и определить роль автора в произведении; 2) проанализировать композиционную структуру произведения; 3) уточнить роль читателя в процессе восприятия текста; 4) объяснить выбор действующих лиц книги Тату и Пату; 5) изучить массив информации и объяснить выбор фактов, событий и явлений, представленных в произведении с учетом замысла авторов; 6) определить форму изложения материала; 7) изучить особенности лексики произведения; 8) рассмотреть синтаксические особенности произведения; 9) оценить идейно-эмоциональное отношение авторов к предмету описания; 10) выявить стилевые черты научно-популярного текста.

Долгое время в Финляндии научная литература на финском языке как самостоятельное явление отсутствовала в силу специфики развития страны. Культура и образование развивались на шведском языке. Язык и подстиль научной литературы формировались под влиянием переводных текстов и вместе с ними наследовали не только позитивные, но и некоторые негативные черты, от которых по мере развития национального языка и литературы, а также книгопечатного и издательского дела постепенно избавлялись.

В связи с этим обращает на себя внимание коллективная монография “Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle” («История финской научной литературы с 1800-х по 2000-е годы») [18]. Несмотря на то что ее авторы не ставили перед собой особой задачи описать историю становления подстиля научно-популярной литературы, многое относительно специфики ее развития можно четко представить из общего объема информации.

На начальном этапе порождения нон-фикшен-текстов в первой трети XIX в. игнорировалась подготовленность финноязычной читательской аудитории к восприятию информации. Для текстов были характерны буквализм перевода, неуклюжие синтаксические конструкции, непонятные термины, произвольное добавление уже существовавших к тому времени переводов иноязычной литературы. Как отмечает исследователь Т. Лайне, за неимением четких требований к качеству переводных текстов переводчики могли произвольно сокращать, расширять тексты, добавлять свои комментарии или полностью не переводить некоторые разделы. Отсутствие профессиональных переводчиков и четкой специализации в процессе труда негативно сказывалось на качестве печатной продукции [16, 38–39].

Как правило, при составлении текстов не учитывался адресат сообщения и не

⁵ Книга Ю. Н. Харари «Sapiens. Краткая история человечества» имеет рейтинг 7,86. URL: <https://www.labirint.ru/books/498309/> (дата обращения: 19.01.2023).

⁶ См.: Havukainen A., Toivonen S. *Tatun ja Patun Suomi*. Helsinki; Keuruu, 2007. В дальнейшем ссылки на это издание будут приводиться в тексте с указанием номера страницы в круглых скобках.

продумывалась форма изложения. Например, новостные тексты представлялись в формате королевских указов или церковных объявлений [16, 33]. Однако информация, касавшаяся физического здоровья людей и лечения заболеваний⁷, предоставлялась в понятной для читателей форме, в противном случае она была бесполезной [16, 33]. Это был первый опыт популяризации медицинских знаний среди широкой аудитории.

В середине XIX в. в Финляндии по мере развития грамотности населения и организации школьного образования возрастал интерес к научным знаниям. На доступном финском языке публиковались книги по мировой истории, краеведению и о природе⁸ [14, 46–47].

Начиная со второй половины XIX в. наиболее распространенным форматом научно-популярной литературы стали газеты и периодические издания⁹ [15, 50]. К этому времени уже образовались гильдии переводчиков, в которые входили учителя, журналисты и церковные служители. Сформировались требования к переводчикам нехудожественной литературы, а именно: знание исходного языка и культуры страны исходного языка; знание и понимание рассматриваемого в тексте перевода предмета; наличие переводческого опыта; знание финского языка [15, 53, 56]. Как видим, от составителя переводных текстов требовалось знание родного языка, однако при этом ничего не упоминалось о владении стилистическими приемами, умениях структурировать текст, четко излагать информацию. Знание предмета перевода приобреталось в процессе длительного обучения [15, 54].

⁷ С целью снижения смертности грудных младенцев были опубликованы переведенные со шведского языка брошюры по организации правильного кормления, в которых запрещалось кормить ребенка некипяченым коровьим молоком из рога коровы, что широко практиковалось жителями Остроботнии [16, 33].

⁸ В форме пересказа публиковались переведенные с немецкого языка этнографические исследования, например: Landgren C. J. Tietoja maailman kansoista, heidän tavoista, uskonnoista ja vaiheista, 1860 (Ландгрэн К. Й. Сведения о народах мира, их обычаях, религиях и развитии), справочные пособия по математике: Landgren C. J. Päässä laskemisen taito, 1860 (Ландгрэн К. Й. Устный счет), зоологии: Täydellinen syöpäläis-kirja: 240 osotusta tarramaan ja karkoittamaan kaikenlaisia syöpäläisiä huoneissa ja ulkona, 1862 (Полный справочник по насекомым: 240 способов, как бороться с насекомыми дома и на улице) [14, 47].

⁹ С 1882 г. Общество народного просвещения (Kansanvalistuseura) стало публиковать самое востребованное среди населения издание “Kansanvalistusseuran Kalentari” («Календарь Общества народного просвещения»).

¹⁰ Книга Н. Андерссона «Введение в ботанику» (Andersson N. J. Johdatus kasvioppiin, 1870) насыщена таблицами и рисунками.

¹¹ Появились книги по увлечениям: о собаках, лошадях, морских пиратах, автомобилях, вымерших животных [12, 102].

Интерес к научным достижениям, а с ним и к научно-популярным изданиям стал постепенно пробуждаться среди широких масс. На финском языке начали публиковаться книги, справочные пособия по медицине, географии, этнографии, юриспруденции.

На рубеже XIX–XX вв. в научно-популярных текстах отмечался ряд серьезных недостатков, вызванных слабой связью практики перевода и качественной передачей профессионально ориентированной информации, неимением единого национального терминологического банка, преимущественным употреблением латиноязычных терминов [19, 82], отсутствием редактирования и адаптации текста к различным форматам и читательской аудитории [17, 58–60]. Научно-популярная литература оставалась «витиевой» по стилю изложения, малопонятной и запутанной по лексической и синтаксической составляющим. Она не была ориентирована на молодых читателей и не отличалась развлекательностью, при этом некоторые издания были красочно иллюстрированы¹⁰.

В XX в. перед финляндским гражданским обществом встали задачи быстрого экономического развития и интеллектуального прорыва. На прилавках книжных магазинов появились энциклопедии, брошюры по различным отраслям науки и увлечениям¹¹, напечатанные специализированными издательствами. В 1920–1930-х гг. в Финляндии издавалась книжная серия “Sivistys ja tiede” («Образование и наука»), целью которой было сократить разрыв между научным сообществом и публикой. Это был взаимовыгодный культурный проект, так как, с одной стороны, наука остро нуждалась в

образовательной среде, а с другой – обществу было полезно познакомиться с новейшими научными методами и фактами¹².

При издании научно-популярной литературы широко учитывался опыт других государств, например Швеции, Норвегии, Франции, Испании. Лучшие образцы научной переводной и национальной литературы характеризовались, по словам лингвиста и литературоведа К. Лайтинена, выразительным языком, богатыми лексическими средствами, синтаксическими конструкциями, свойственными финскому языку, простотой изложения материала. Кроме того, фоновые знания и культурно-историческая осведомленность авторов книг позволяли текстам быть убедительными и аргументированными [13, 121]. Писатели старались преодолевать несовпадения семантических полей и объяснять лексические лакуны.

Ряд исследований посвящен анализу научно-популярной литературы на других иностранных языках. Например, на материале английского языка научно-популярные тексты были рассмотрены сквозь призму когнитивной лингвистики, а также в плане стилистики и лингводидактики с учетом экстра- и интралингвистических факторов¹³.

Были также изучены генологические концепции жанровой принадлежности научно-популярных текстов, определено их место в системе речевых жанров. Исследования проводились отечественными исследователями на материале переведенных на русский язык книг научно-популярного жанра [1–4].

В 2015 г. читательские потребности и предпочтения, место и роль научно-популярной литературы в чтении школьников стали предметом библиотечного

исследования в Республике Коми. Как выяснилось, достаточно большое количество детей не знает, что такое «научно-популярная» книга, не понимает термина «периодические издания»¹⁴, однако определенный интерес к этой литературе все же сохраняется¹⁵. Он обусловлен заинтересованностью школьников в саморазвитии [6]. Сложность в восприятии ими научно-популярной литературы объясняется скучной и однообразной манерой ее изложения. Психологи объясняют потерю интереса молодого поколения к объемным печатным изданиям сформировавшимся навыком читать только короткие статьи или мини-новости¹⁶.

В XXI в. стиль научно-популярных изданий стал меняться с учетом специфики молодого цифрового поколения. Коммуникационная система расширилась до четырехкомпонентной: автор – текст – издание – читатель¹⁷. Авторы стали вводить в структуру текста игровые практики, позволяющие читателю представить себя в роли ученого-исследователя. «Войти в роль» помогают не только игры, но и используемая в книге терминология, профессиональный сленг, особые лексические средства.

Ранее в научно-популярных текстах писатель возвышался над читателем в силу своей эрудированности, профессионализма и возраста. В современных научно-популярных произведениях автор меняет классическую роль ментора на роль соратника, спутника читателя, когда обе стороны вовлечены в познавательный процесс в одинаковой степени. При этом писатель «выстраивает траекторию мыслительного процесса, программирует рациональные модели, которые впоследствии конструи-

¹² В рамках серии было опубликовано 83 научных труда объемом 25 000 с. [20, 109].

¹³ См.: Назаренко А. Л. Научно-популярная литература как объект функциональной стилистики и лингводидактики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. С. 5. URL: <https://www.disscat.com/content/nauchno-populyarnaya-literatura-kak-obekt-funktsionalnoi-stilistiki-i-lingvodidaktiki-na-mat.pdf> (дата обращения: 22.01.2023).

¹⁴ Составитель отчета отметила нехватку энциклопедий в фондах сельских библиотек Республики Коми [6, 13].

¹⁵ Школьники Республики Коми интересовали такие темы научно-популярных изданий, как история (43 %), спорт (32), география (21), естествознание (10), техника (8 %). Городские и сельские школьники дали практически одинаковые ответы на этот вопрос [6, 5].

¹⁶ См.: Солодова Е. Цифровое поколение: психологические особенности современных детей. URL: https://spravochnick.ru/psihologiya/cifrovoe_pokolenie_psihologicheskie_osobennosti_sovremennyh_detey/ (дата обращения: 23.01.2023).

¹⁷ См.: Бруев А. А. Научно-популярное издание: особенности коммуникации автора и читателя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022. С. 12. URL: <https://www.spbgik.ru/upload/iblock/de3/3yxp4fu6ub5upknuai3djbbs6oss6grjm/Avtoferat.pdf> (дата обращения: 22.01.2023).

ируются читателем»¹⁸. В тексты включаются элементы интерактивных средств коммуникации, влияющие на поведение читателя в процессе чтения. «Удовольствие от текста» реализуется путем «получения и систематизации знаний, дешифровки метафор, которые остаются одним из главных изобразительно-выразительных средств, используемых в научно-популярной литературе»¹⁹.

Материалы и методы

В исследовании, выполненном на материале книги финских авторов А. Хавукайнен и С. Тойвонена «Финляндия Тату и Пату», использован комплекс методов. Описательный метод позволил изучать морфемы и грамматические структуры; структурный – исследовать взаимоотношения языковых единиц в предложении, рассматривать отдельные слова и словосочетания как вложенные иерархии. Стилистика текста изучалась с помощью структурно-композиционного и функционального методов, благодаря чему удалось проанализировать его эмоционально-оценочную стилистическую окраску, стилистические ресурсы финского языка в целом. Феноменологический метод позволил исследовать научно-популярный текст как феномен воспринимающего сознания.

Результаты исследования и их обсуждение

Цифровые технологии внесли существенные изменения в процесс взаимодействия человека с печатной продукцией. Современное цифровое поколение больше ориентировано на потребление, чем на кропотливый процесс открытия; ему свойственны ограниченная фанта-

зия и клиповое мышление: запоминается яркая, красочная, небольшая по объему информация; отсутствует понимание предметности и связанности событий²⁰. Актуальной становится проблема утраты интереса к чтению, снижения спроса на книги. Изучив аспекты взаимодействия читателя и книги²¹ [3; 5; 11], исследователи пришли к выводу, что современному читателю нужна какая-то деятельность вокруг книги: игра, квест, тест, перевод текста в другую формальность, неформатное обсуждение с другими читателями.

Книга А. Хавукайнен и С. Тойвонена «Финляндия Тату и Пату» представляет собой удачный опыт учета специфики современной читательской аудитории и нужд образовательного процесса. В издании на финском языке в увлекательной форме излагается географическая, историческая и культурная информация о стране.

Персонажами книги являются два человека Тату и Пату. Уже с собственных имен героев издания начинается знакомство с культурой Финляндии. Тату и Пату – традиционные и весьма распространенные финские мужские имена²². Рассудительные и любознательные исследователи, одетые в лабораторные халаты и защитные очки, напоминают ведущих австралийско-американской научно-популярной телепередачи «Разрушители легенд» (англ. *MythBusters*)²³. Тату и Пату, наоборот, выступают в роли комментаторов фактов и явлений, пытаясь ответить на вопрос: «Что такое suomalaisuus ‘финскость’?»

В этой книге изменилась роль автора: он больше не скучный повествователь событий, а активный участник квеста. Природное чувство юмора позволяет А. Хавукайнен и С. Тойвонену увлекательно

¹⁸ Там же. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 12.

²⁰ См.: Солодова Е. Указ. соч. С. 12.

²¹ См.: Читатель. Чтение. Книга: слов.-справ. для самостоят. работы в «книжном» пространстве / авт.-сост.: Е. С. Романичева, Г. В. Пранцова. М., 2018.

²² Тату – это вариант еврейского имени Давид, означающего ‘возлюбленный, любимый’. В Финляндии с начала XX в. и по состоянию на конец 2020 г. имя Тату было дано почти 5 000 чел. URL: [https://fi.wikipedia.org/wiki/Tatu_\(nimi\)](https://fi.wikipedia.org/wiki/Tatu_(nimi)) (дата обращения: 19.01.2023). Пату означает ‘мудрый’ и относится к одним из самых любимых имен. Считается, что человек с этим именем наделяется невероятными лидерскими качествами и великолепной способностью рассуждать. URL: <https://babynameseasy.com/language/meaning/finnish-name/boy/patu> (дата обращения: 19.01.2023).

²³ Программа транслировалась на телеканале Discovery Channel в 2003–2016 гг. Ее ведущие экспериментально проверяли различные слухи, легенды, байки и другие порождения популярной культуры.

описывать даже самые драматические факты и явления в истории Финляндии (например, гибель епископа Хенрика, участь хакапелитов²⁴).

Композиционная структура научно-популярного текста включает несколько частей, для каждой из которых характерен индивидуальный стиль. Первая часть, описывающая географическое положение, природу и образ жизни обитателей страны, представлена в форме фоторепортажа. Пату и Тату внимательно изучают ландшафт Финляндии, разбираются в ее «компонентном составе». Результатом их работы становится «рецепт приготовления Финляндии» на домашней кухне (с. 6). Вторая часть, посвященная историческим событиям, выполнена в виде театральных актов. Например, первый акт – это сцена из Средних веков (1150–1520), второй – из эпохи шведского владычества (1200–1809). Акты подразделяются хронологически с учетом важнейших этапов развития финского общества²⁵.

История культуры преподнесена в форме специального отчета сыщиков, которые ведут поиски предметов, потерянных финскими знаменитостями: нотной тетради Яна Сибелиуса, письменных принадлежностей Элиаса Лённрота и кроссовок Пааво Нурми.

Политическое устройство и форма правления страны объясняются через очерк о предвыборной кампании Пату, избирающегося на должность Йоулупукки (Деда Мороза).

Особенности брендовых товаров (мобильный телефон) и национальных спортивных игр (хоккей с шайбой и финский бейсбол) раскрываются в формате интервью. Бытовая жизнь описывается с помощью репортажа из дома Виртаненов²⁶.

Информация о фирменных блюдах, сауне и праздновании дня летнего солнцесто-

яния Юханнуса представлена в форме комиксов под названием «Тесты ТатуПату».

Краткие характеристики финского, шведского и саамского языков приводятся в виде рекламного сообщения, например: “Haluaisitko sinä käyttää kieltä, jossa on *satoja sanoja lumelle?* Kieltä, jossa käytetään maailman *eniten vokaaleja!* Kieltä, joka kulostaa *kauniilta myös laulettuna!* Tämä kieli on juuri sinulle, ala sinäkin käyttää kaunista suomen kieltä!” (с. 22). «Хочешь ли пользоваться языком с несколькими сотнями слов для обозначения снега? Языком, в котором больше всего гласных в мире! Языком, который прекрасен, даже когда на нем поют! Этот язык как раз для тебя, начни и ты пользоваться прекрасным финским языком!»²⁷. Выбор глагола käyttää ‘пользоваться’ объясняется дальнейшей «торговой» информацией: пользователей финского языка свыше шести миллионов.

В рекламных текстах обычно отражаются только самые яркие черты продукции, отличающие ее от других единиц. В представленном отрывке указаны основные факты о финском языке: своеобразные лексико-семантические поля и фонетические особенности. Сообщение о языковых группах Финляндии построено с учетом специфики рекламного текста [7], в котором приоритетными являются игровое отношение к содержанию (система бонусов за успешное двухмесячное пользование финским языком; подарочные купоны с образцами диалектов и разговорного языка), преобладание функции воздействия над функцией информирования (красочное оформление текста, большое число восклицательных предложений, упрощенный синтаксис предложений) и отсутствие обратной связи с клиентом.

В рассматриваемом тексте сочетаются разные стили. В нем есть черты разговорного стиля, позволяющего создать атмосферу непринужденного общения,

²⁴ Слово *hakkapeliitta* ‘хакапелит’ образовано из словосочетания *hakkaa päälle* ‘руби!’, что было боевым кличем финских солдат в войнах XVII в.

²⁵ В третьем акте рассказывается о времени Великого княжества Финляндского в составе Российской империи (1809–1917); в четвертом – о периоде независимой Финляндии (1917 – по н. вр.); в пятом – о драматических событиях в истории страны (1940–1950-е гг.); в шестом – о жизни Финляндии в 1960–1980-е гг.

²⁶ Виртанен является второй по распространенности финской фамилией. URL: <https://www.mtvuutiset.fi/artikkeli/suomen-yleisin-sukunimi-on-yha-korhonen-perassa-seuraavat-virtanen-ja-makinen-nyhjattiin-aikoinaan-tyhjasta/7989542> (дата обращения: 19.01.2023).

²⁷ Здесь и далее перевод примеров из книги наш. – Н. Б.

а именно: представление информации в форме диалога, участниками которых выступают, например, епископ Хенрик и Кертту, жена крестьянина Лалли; нестрогий отбор языковых средств (профессиональные термины, диалектизмы, междометные слова, частицы) и др.²⁸ Для повышения экспрессивности текста активно используются каламбуры: “ruokkia kesäöisin joulupukkia grillimakkaralla” (с. 14) «кормить летними ночами рождественского козла колбасой для гриля». Данный пример является оксюмороном, в котором реализуется семантическое противопоставление *kesä* ‘лето’ и *joulu* ‘Рождество’. Юмор достигается благодаря сочетанию в одном выражении понятий *joulupukki* ‘Дед Мороз’, *kesäyöt* ‘летние ночи’ и *grillimakkaralla* ‘колбаса для гриля’. В тексте часто встречаются языковые формы, базирующиеся на омонимии и создающие предметную шутку: “Puiset lumikengät *kantelevat* hyvin lumen pinnalla” (с. 14). «Деревянные снегоступы хорошо держатся на снежной поверхности». Основа фреквентативного глагола *kannella* (спрягаемая основа *kantele-*) совпадает с лексемой *kantele* ‘деревянный музыкальный инструмент’, что было обыграно авторами книги: лыжи-снегоступы нарисованы в виде кантеле.

Языковые особенности текста в синтаксисе отмечены чередованием сложных и простых предложений, когда одному сложному предложению приходят на смену два простых, или наоборот²⁹.

В изложении материала часто употребляются восклицательные и вопросительные (“*Valmis! Ja eikun nauttimaan tästä ihanasta Suomen maasta!*” (с. 14).

«Готово! И теперь будем наслаждаться этой замечательной страной Финляндией!»), а также эллиптические и односложные (“*Lämpömittari? On! Suojapuvut? On! Taskulamppu? On!*” (с. 14). «Термометр? Есть! Защитные костюмы? Есть! Фонарик? Есть!») предложения.

Авторы книги активно используют стиль художественной литературы, позволяющий сочетать художественную образность³⁰ с объяснением научных и исторических фактов и явлений. Они также прибегают к разнообразным стилистическим фигурам и тропам финского литературного языка³¹. Например, окончание самого длительного срока президентского правления в истории Финляндии оформляется прецедентным высказыванием “*Esityksemme päättyy tähän*” (с. 21). «Представление окончено»³², которое авторы произведения вкладывают в уста У. К. Кекконена.

На первый взгляд, А. Хавукайнен и С. Тойвонен уделяют особое внимание частным и вроде бы случайным обстоятельствам и ситуациям. Однако за ними можно увидеть типичное и общее, например угощение гостей черничным пирогом, книжные полки в детской комнате, соседи из Сомали, антимоскитные средства, летние белые ночи.

Черты научного стиля обнаруживаются в терминологичности (*avoliitto* ‘гражданский брак’, *ehdokas* ‘кандидат в президенты’, *tasavallan presidentti* ‘президент республики’), количественном преобладании в тексте существительных и прилагательных над глаголами (*kuumuus on hirvittävä ja kestämatöntä* (с. 14) «жара

²⁸ Например: *Avatkaapa ovi!* «Ну-ка, откройте дверь!» (с. 35); *Mikäs tuo on?* «Что это там?» (с. 10).

²⁹ Например: *Suomen talvi on pitkä ja pimeä, mutta kesällä valoa riittää ja ihmiset suorastaan riehaantuvat.* Не alkavat järjestää erilaisia kesätapahtumia ja osallistuvat niihin sankoin joukoin. Не nauravat ja pukeutuvat värikkäisiin vaatteisiin. «Финская зима долгая и темная, но летом здесь много света, и люди впадают в безудержное веселье. Они начинают организовывать различные летние мероприятия и посещают их в больших группах. Люди сменяются и надевают яркую одежду» (с. 31).

³⁰ Например: *Aika rientää, pistetään tossua toisen eteen. ...peräänkuulutamme kadonnutta juoksukenkää.* «Время летит, давайте шевелить поршнями. ...потребуем пропавший кроссовок» (с. 27), *barbilainen* «похожая на Барби», *keniläinen* «похожий на Кена» (с. 13).

³¹ Например: *leveäpyrstöinen määtäiden kuningas* «широкохвостый король кочек» (о тетереве) (с. 7), *koivun lehvästön vaikea suhina* «тихий шепот березовой листвы» (с. 9).

³² Финский вариант перевода известного выражения “*La commedia è finite*” («Финита ля комедия!»), с которым, как считается, древнеримские актеры обращались к публике после представления. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/финита_ля_комедия (дата обращения: 25.01.2023).

ужасная и невыносимая»), в большом числе обобщенно-личных предложений³³.

Ответ на вопрос квеста «Что такое финскость?» присутствует в явной («Suomalaiset ovat sisukasta kansaa» (с. 14, 24, 36). «Финны – отважный народ», «rohkea suomalainen sotilas» (с. 17) «храбрый финский солдат», «sisukkaat Leijonaat»³⁴ (с. 30) «доблестные Львы») или завуалированной («Heitpärs lisää löylyä!»³⁵ (с. 45). «Поддай-ка пару!») форме в каждом разделе книги. Читатель понимает, что финскость означает отважность, храбрость, доблесть, которые финны проявляют в любых ситуациях (на войне, в сауне, в спортивных соревнованиях).

Заключение

Для научно-популярного текста XXI в. характерны новые аспекты взаимодействия читателя и книги. Научный текст переводится в неформатное обсуждение информации, представленной через прецедентные имена, фразы, ключевые эпизоды, знаковые артефакты. Композиционная структура нарушает режим ожидания читателя, что позволяет повысить интерес к содержанию книги.

Материал научно-популярного издания А. Хавукайнен и С. Тойвонена «Финляндия Тату и Пату» излагается в гибридной форме: в виде репортажа, детективного расследования, интервью, предвыборной кампании и рекламы. Стиль изложения сочетает в себе черты комикса, короткого рассказа и диалога. Авторы в непринуж-

денной форме ведут беседу с читателем и персонажами Тату и Пату. В книге с юмором описываются финские особенности, такие как сауна и соленая лакрица салмиак, эволюционное развитие финского общества на протяжении веков, демографическая ситуация современной городской Финляндии и судьбы некоторых известных исторических личностей.

В произведении «Финляндия Тату и Пату» отмечаются черты разговорного, научного и художественного стилей. По разнообразию языковых средств, литературных приемов и методов стиль изложения книги максимально близок к художественному.

Лексика научного стиля используется для достоверности, а языковой арсенал разговорного стиля – для создания колоритных образов персонажей и непринужденной атмосферы.

Синтаксический строй отражает поток образно-эмоционального авторского восприятия.

С учетом того, что современному читателю нужна какая-то activity (активность) вокруг книги: игра, квест – перевод текста в другую модальность становится самым эффективным авторским приемом. Каждый раздел сопровождается тестовым заданием ТатуПату.

Исследование научно-популярных текстов позволяет найти эффективные приемы популяризации научного текста.

³³ Например: Kenkiä valmistettiin paperista ja puusta. «Обувь производилась из бумаги и дерева»; Kahvinvastiketta tehtiin mm. voikukan juurista. «Заменитель кофе изготавливался, например, из корней одуванчика» (с. 20).

³⁴ Leijonat – название национальной хоккейной сборной.

³⁵ Просьба в сауне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баринаева Е. Е. Жанр научно-популярной литературы: историография и новые концепции исследования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 46–52.
2. Баринаева Е. Е. Научно-популярная литература в классификации жанров (теоретический и исторический аспекты) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 3. С. 120–128. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-populyarnaya-literatura-](https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-populyarnaya-literatura-v-klassifikatsii-zhanrov-teoreticheskiy-i-istoricheskiy-aspekty)
3. Бугаева А. Н. Взаимодействие читателя и книги, или Аналитико-рефлексивное чтение // Афанасьевские чтения. Инновации и традиции педагогической науки – 2021: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Киров, 2021. С. 107–111.
4. Воронова А. В. Научно-популярные тексты как объект функционально-стилисти-

- ческого анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016. № 2. С. 7–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-populyarnye-teksty-kak-obekt-funktsionalno-stilisticheskogo-analiza> (дата обращения: 09.02.2024).
5. Карабалин Р. А., Кириченко И. С. Проблемы чтения в современном мире у молодежи // Материалы XII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». М., 2020. URL: <files.scienceforum.ru/pdf/2020/5e33f44a9d2e4.pdf> (дата обращения: 22.01.2023).
 6. Научно-популярная литература в чтении детей и подростков Республики Коми: аналитический отчет о проведении исследования / сост. Г. А. Тонкова. Сыктывкар: Национальная детская библиотека Республики Коми им. С. Я. Маршака, 2015. 16 с. URL: http://www.ndbmarshak.ru/content/menu/172/Analiticheskii_otchet_o_provedenii_issledovaniya_2015.pdf (дата обращения: 22.01.2023).
 7. Филиппова М. А. Языковая специфика рекламного дискурса // Молодой ученый. 2016. № 28. С. 1033–1036. URL: <https://moluch.ru/archive/132/37080/> (дата обращения: 24.01.2023).
 8. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберг. М.: Синдбад, 2020. 416 с.
 9. Харари Ю. Н. Homo Deus: краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2019. 494 с.
 10. Харари Ю. Н. Sapiens: краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. М.: Синдбад, 2016. 519 с.
 11. Шайдурова О. А. Проблема чтения в современном обществе // Актуальные проблемы начального общего образования: теория и практика: материалы III Международ. науч.-практ. конф. Чита, 2019. С. 258–261.
 12. Hiidenmaa P. Tietokirjallisuuden suomentaminen ja kustantaminen 1900-luvulla // Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle. Helsinki, 2013. S. 98–106. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; Vol. 1289).
 13. Kovala U. J. A. Hollo // Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle. Helsinki, 2013. S. 118–121. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; Vol. 1289).
 14. Kovala U. Kustannustoimen kehitys 1800-luvulla suomenetun tietokirjallisuuden näkökulmasta // Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle. Helsinki, 2013. S. 40–49. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; Vol. 1289).
 15. Kovala U. Tietokirjallisuuden suomentajakunta 1800-luvulla // Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle. Helsinki, 2013. S. 50–56. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; Vol. 1289).
 16. Laine T. Tietokirjallisuuden suomentaminen ennen 1800-lukua // Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle. Helsinki, 2013. S. 25–39. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; Vol. 1289).
 17. Paloposki O. Edlundin kustantamo – ensimmäinen suomalainen suurkustantamo // Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle. Helsinki, 2013. S. 57–65. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; Vol. 1289).
 18. Paloposki O., Riikonen H. K. (toim.). Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2013. 766 s. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; Vol. 1289).
 19. Pitkänen-Heikkilä K. Tietokirjojen suomentajat terminologian kehittäjinä ja vakiinnuttajina // Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle. Helsinki, 2013. S. 66–82. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; Vol. 1289).
 20. Riikonen H. K., Latikka A.-M. WSOY:n Sivistys ja tiede-kirjasarja // Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle. Helsinki, 2013. S. 109–111. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; Vol. 1289).

Поступила 25.01.2023; одобрена 15.02.2023; принята 28.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Н. С. Братчикова – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой финно-угорской филологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Московского государственного лингвистического университета, n.bratchikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7402-8327>

Features of the language and the substyle of popular science literature: not serious about serious (based on the material of the Finnish language)

Nadezhda S. Bratchikova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia

Introduction. The article examines the features of the substyle of popular science literature based on the material of the Finnish language. The translation from scientific to popular scientific style of presentation allows to give the text expressiveness, imagery and increase the interest of the readership in science.

Materials and Methods. The material is based on the book by Finnish authors A. Havukainen and S. Toivonen "Finland Tatu and Patu", which embodies a successful experience of considering the specifics of the modern readership and the needs of the education. The research uses such methods as descriptive, structural, structural-compositional, functional, and phenomenological.

Results and Discussion. The popular science text of the XXI century is characterized by new aspects of the interaction between the reader and the book. The compositional structure of such a text violates the reader's expectations, which allows to increase interest in the content of the book. The scientific text is translated into an informal discussion of information, which is presented through precedent names and phrases, key episodes of history, iconic artifacts. The material is presented in the form of a reportage, a detective investigation, an interview, an election campaign, an advertising message. The text has features of a conversational style that allows readers to create an atmosphere of relaxed communication; artistic, combining artistic imagery with an explanation of scientific and historical facts and phenomena. The features of the scientific style are terminological, in a large volume of generalized personal sentences, in the quantitative predominance of nouns and adjectives over verbs in the text. The vocabulary of the scientific style is used for authenticity, and the linguistic arsenal of the conversational style is used to create colorful images of characters and atmosphere. Activity is created around the book, a quest to involve the reader in the research process.

Conclusion. The study of popular science texts makes it possible to find effective methods for popularizing a scientific text.

Keywords: popular science text, Finnish language, compositional structure, linguistic means, style of presentation, author-reader

For citation: Bratchikova NS. Features of the language and the substyle of popular science literature: not serious about serious (based on the material of the Finnish language). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2024;16:1:21–32. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.21-32.

REFERENCES

1. Barinova EE. The genre of popular science: a historiography and new research concepts. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* = Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts. 2012;2:46–52. (In Russ.)
2. Barinova EE. Popular science literature in the classification of genres (theoretical and historical aspects). *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of Philology. 2012;3:120–128. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-populyarnaya-literatura-v-klassifikatsii-zhanrov-teoreticheskii-istoricheskii-aspekty> (accessed 08.02.2024). (In Russ.)
3. Bugaeva AN. Interaction between the reader and the book, or Analytical-reflective reading. *Afanas'evskie chteniia. Innovatsii i traditsii pedagogicheskoi nauki – 2021: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf.* = Afanasiev readings. Innovations and traditions of pedagogical science – 2021. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Kirov; 2021:107–111. (In Russ.)

4. Voronova AV. Science popular texts as object of functional stylistic analysis. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia* = RUDN Journal of Russian and foreign languages research and teaching. 2016;2:7–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-populyarnye-teksty-kak-obekt-funktsionalno-stilisticheskogo-analiza> (accessed 09.02.2024). (In Russ.)
5. Karabalin RA, Kirichenko IS. Reading problems in the modern world among young people. *Materialy XII Mezhdunarodnoi studentcheskoi nauchnoi konferentsii "Studentcheskii nauchnyi forum"* = Materials of the XII International student scientific conference "Student Scientific Forum". Moscow; 2020. URL: <files.scienceforum.ru/pdf/2020/5e33f44a9d2e4.pdf> (accessed 22.01.2023). (In Russ.)
6. Tonkova GA, comp. Popular science literature in reading by children and adolescents of the Komi Republic. Analytical report on the study. Syktyvkar; 2015. URL: http://www.ndbmarshak.ru/content/menu/172/Analiticheskii_otchet_o_provedenii_issledovaniya_2015.pdf (accessed 22.01.2023) (In Russ.)
7. Filippova MA. Language specifics of advertising discourse. *Molodoi uchenyi* = Young Scientist. 2016;28:1033–1036. URL: <https://moluch.ru/archive/132/37080/> (accessed 24.01.2023). (In Russ.)
8. Harari YN. 21 lessons for the 21st century. Moscow; 2020. (In Russ.)
9. Harari YN. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. Moscow; 2019. (In Russ.)
10. Harari YN. Sapiens: A Brief History of Humankind. Moscow; 2016. (In Russ.)
11. Shaidurova OA. The problem of reading in modern society. *Aktual'nye problemy nachal'nogo obshchego obrazovaniia: teoriia i praktika: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Actual problems of primary general education: theory and practice. Materials of the III International scientific and practical conference. Chita; 2019:258–261. (In Russ.)
12. Hiidenmaa P. Tietokirjallisuuden suomentaminen ja kustantaminen 1900-luvulla. *Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle*. Helsinki; 2013;1289:98–106.
13. Kovala U. J. A. Hollo. *Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle*. Helsinki; 2013;1289:118–121.
14. Kovala U. Kustannustoimen kehitys 1800-luvulla Suomennetun tietokirjallisuuden näkökulmasta. *Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle*. Helsinki; 2013;1289:40–49.
15. Kovala U. Tietokirjallisuuden suomentajakunta 1800-luvulla. *Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle*. Helsinki; 2013;1289:50–56.
16. Laine T. Tietokirjallisuuden suomentaminen ennen 1800-lukua. *Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle*. Helsinki; 2013;1289:25–39.
17. Paloposki O. Edlundin kustantamo – ensimmäinen suomalainen suurkustantamo. *Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle*. Helsinki; 2013;1289:57–65.
18. Paloposki O, Riikonen HK, toim. Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle. Helsinki; 2013;1289.
19. Pitkänen-Heikkilä K. Tietokirjojen suomentajat terminologian kehittäjinä ja vakiinnuttajina. *Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle*. Helsinki; 2013;1289:66–82.
20. Riikonen HK, Latikka A-M. WSOY:n Sivistys ja tiede-kirjasarja. *Suomennetun tietokirjallisuuden historia 1800-luvulta 2000-luvulle*. Helsinki; 2013;1289:109–111.

Submitted 25.01.2023; reviewing 15.02.2023; accepted 28.12.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

N. S. Bratchikova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University; Professor of the Department of Linguistics and Professional Communications in Political Science, Moscow State Linguistic University, n.bratchikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7402-8327>

Определение диалектной специфики карельских материалов словаря П. С. Палласа

Ирина Петровна Новак

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН,

Петрозаводск, Россия,

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН,

Москва, Россия

Введение. Уникальным источником для изучения исторической диалектологии карельского языка с момента формирования его основных диалектных ареалов и до начала их целенаправленного исследования в середине XIX в. являются старописьменные памятники: словарные записи и переводы текстов духовного содержания. Настоящая статья представляет собой первую попытку анализа и выявления диалектных особенностей карельского языкового материала, приведенного в двух частях Сравнительного словаря всех языков и наречий П. С. Палласа, с целью определения возможной географической локализации его источников.

Материалы и методы. Объектом исследования выступили записанные средствами кириллической графики 479 лексем «по корельски» и 275 лексем «по олонецки». С целью определения их диалектной принадлежности к анализу привлекались современные диалектные данные по 21 говору карельского языка Карелии и Центральной России из Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепсского и саамского языков. В основу исследования положены филологический и сравнительно-исторический методы. Загрузка всех перечисленных материалов в виде отдельных словарей на лингвистическую платформу ЛингвоДок сделала возможным применение к ним инструмента «Анализ когнатов».

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты исследования позволяют с уверенностью говорить о собственно карельском происхождении материала «корельской» и ливвиковском – «олонецкой» части словаря, что подтверждается яркими фонетическими, фонологическими, морфологическими и лексическими диалектными маркерами. Обращает на себя внимание очевидный разнодиалектный характер источников «корельского» словника, в котором для многих понятий приводится несколько соответствий, обнаруживающих в своем составе ряд дифференцирующих признаков разных собственно карельских диалектов. При их сопоставлении с данными современных диалектов карельского языка становится возможным определить говоры – источники материалов.

Заключение. Выявленные в «олонецкой» части словаря особенности позволяют отнести ее данные к юго-восточным говорам ливвиковского наречия. С учетом количества пересечений по комплексу определенных диалектных маркеров с данными современных собственно карельских говоров «корельские» материалы обнаруживают наибольшее число совпадений с говорами тунгудско-кемского и паданско-мяндусельского ареалов, а также с говорами карельского языка Центральной России. Можно предположить, что языковые материалы для словаря были собраны в непосредственной близости к административным центрам Олонецкого, Кемского и Повенецкого уездов Олонецкого наместничества. Определение конкретной географической локализации говоров Центральной России требует дополнительного исследования.

Ключевые слова: карельский язык, П. С. Паллас, словарь, старописьменный памятник, наречие, диалект, говор, диалектный маркер

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН. Работы по внесению и обработке словарей на платформе ЛингвоДок выполнены при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных».

Для цитирования: Новак И. П. Определение диалектной специфики карельских материалов словаря П. С. Палласа // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 1. С. 33–49. DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.33-49.

Введение

В карельском языке принято выделять наречия, которые делятся на диалекты, а те, в свою очередь, – на говоры (рис. 1) [2, 27]. Формирование карельских наречий –

долгий и сложный процесс, связанный с переселением карелов, носителей древнекарельского языка, в XVI–XVII вв. из северо-западного Приладожья в регио-

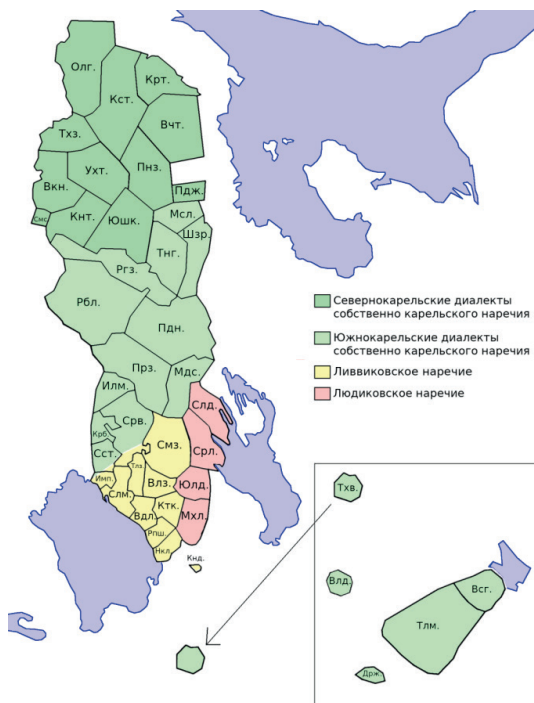

Рис. 1. Традиционная диалектная классификация карельского языка

Fig. 1. Traditional dialectal division of the Karelian language

ны современной Карелии и Центральной России. На Олонецком перешейке – исторической вепсской территории – в результате интенсивных контактов между близкородственными языками сложились ливвиковское и людиковское наречия карельского языка. В то же время в Средней, Северной Карелии, как и на тверских и новгородских землях, язык переселенцев не подвергся подобному влиянию, послужив основой для диалектов собственно карельского наречия [20, 353–359].

История карельской диалектологии берет начало в исследованиях финляндских лингвистов А. Генетца и Х. Оянсуу конца XIX в. В Советском Союзе эту работу в конце первой трети XX столетия инициировал финно-угровед профессор Д. В. Бурбих, возглавивший процесс составления «Диалектологического атласа карельского языка» [1]. За почти вековую историю прибалтийско-финская лингвистическая школа Карелии смогла значительно про-

двинуться в исследовании всех основных уровней карельской диалектной речи, однако некоторые вопросы сложения диалектной системы карельского языка до настоящего момента остаются нерешенными.

Единственным источником изучения карельской исторической диалектологии – от формирования основных диалектных ареалов языка и до целенаправленного сбора и исследования его диалектного материала – являются старописьменные памятники карельского языка. Среди них – словарные материалы, записанные начиная с XVII в., и переводы текстов духовного содержания, относящиеся к первой половине XIX столетия. Каждый из таких памятников – уникальное звено в реконструкции процесса развития карельского языка.

Настоящая статья посвящена отражению диалектных особенностей карельского языкового материала, собранного в последней четверти XVIII в. и представленного в двух частях Сравнительного словаря всех языков и наречий П. С. Палласа (далее – словарь Палласа)¹. Речь идет о приведенных «по корельски» и «по олонецки» переводах 285 понятий.

Подробный графо-фонетический анализ этого разнодиалектного памятника карельской письменности, произведенный на первом этапе исследования [12], позволил сделать вывод о довольно последовательной передаче в нем структуры и особенностей вокализма и консонантизма карельских говоров. Словарный характер данных предоставил также незначительные сведения для реконструкции их фонологической и морфологической систем. При сравнении этих материалов с современными, отражающими собственно карельскую и ливвиковскую диалектные системы, были обнаружены явные параллели. Наличие в словниках ярких диалектных маркеров дает надежду на возможность более точного определения их диалектной принадлежности.

¹ Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. СПб., 1787–1789. Ч. 1–2.

Обзор литературы

Старописьменные памятники карельского языка привлекают внимание языковедов начиная с середины XIX в. Тогда большой резонанс в финно-угроведении вызвало появление в 1820 г. печатного перевода Евангелия от Матфея².

Опубликование ряда работ было связано с открытием новых памятников карельской письменности, таких как карельско-русские записи середины XVII в., обнаруженные в библиотеке Соловецкого монастыря [6] и в «Цветнике» Прохора Коломнятина [18], русско-карельские записи начала XVIII в., сохранившиеся в составе одного из рукописных сборников собрания П. П. Вяземского [5], а также изученные в середине XX столетия языковедами Г. Н. Макаровым рукопись перевода на тверской карельский язык Евангелия от Марка, датируемая 1820 г. [4], и В. Д. Ряговым начин перевода Евангелия от Матфея на «олонецкое наречие» [17].

В последние годы в связи с изучением проблем исторической диалектологии карельского языка внимание уделяется и описанию диалектных особенностей общедоступных печатных памятников карельской письменности, например карельского языкового материала «Проводника и переводчика по отдаленнейшим окраинам России» А. В. Старчевского [11], Русско-карельского словаря М. Д. Георгиевского, изданного в 1908 г. [16], или переводов текстов молитв, опубликованных в «Олонецких епархиальных ведомостях» в начале XX в. [8].

Карельский диалектный материал словаря Палласа до настоящего момента не становился предметом отдельного изучения, если не считать работ обзорного характера (например, [7]). Наличие современных лингвистических инструментов позволяет применить к нему новейшие диалектометрические методики, успешное использование которых нашло отражение в ряде исследований, проведенных

на базе различных языковых материалов словаря Палласа, в том числе неопубликованных [14; 15].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении диалектных особенностей в карельском языковом материале словаря Палласа и определении возможной географической локализации его источников.

Материалы и методы

Объектом исследования выступили «корельский» и «олонецкий» языковые материалы последней четверти XVIII в., зафиксированные в словаре Палласа. Речь идет о записанных средствами кириллической графики 479 лексемах на собственно карельском и 275 лексемах на ливвиковском наречиях карельского языка. Наличие параллельных словников предоставляет уникальную возможность провести сопоставительный анализ фонетической, фонологической, лексической систем и поверхностный анализ морфологической системы двух наречий карельского языка по состоянию на конец XVIII в.

Более определенные выводы относительно диалектной принадлежности карельских лексических материалов памятника позволит сделать привлечение к анализу современных диалектных данных по говорам карельского языка Карелии и Центральной России. В качестве источника последних планируется использовать материалы Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепсского и саамского языков³ (далее – Сопоставительно-ономасиологический словарь) [18], изданного в 2007 г. сотрудниками сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН на основе собранных в 1979–1981 гг. в полевых условиях данных. В словаре отражена базовая лексика 24 карельских говоров, из которых 14 – собственно карельские, в том числе говоры Центральной России (Тверской, Новгород-

² См., например: Gottlund C. A. Tiijustuksia niihen Venäjässä löytävien Karjalaisten kielestä // *Otawa eli Suomalaisia huvituksia*. Tukholma, 1832. Osa 2. S. 226–303; Ahlqvist A. Matteuksen Evankeliumi Karjalan kielellä // *Suomi*. 1865. Määrä 4. S. 1–112.

³ См.: Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков. Петрозаводск, 2007.

ской и Ленинградской областей), 6 – ливвиковские, 4 – людиговские. Для каждого из них приводится перевод порядка 1 400 лексем, тем самым данные этого словаря практически полностью покрывают переводы 285 довольно распространенных понятий, отобранных П. С. Палласом.

В ходе исследования в качестве основных применялись филологический и сравнительно-исторический методы. Внесение карельских материалов словаря Палласа⁴ и Сопоставительно-ономасиологического словаря⁵ на лингвистическую платформу ЛингвоДок и их предварительная подготовка, заключающаяся в работе по поиску этимологий, сделали возможным применение к ним инструмента «Анализ когнатов». Данный инструмент сравнивает материалы словарей по различным параметрам (начальный гласный, начальный согласный, гласный первого слога, согласный после гласного первого слога, гласный второго слога) и находит ряды соответствий (надежные, сомнительные, единичные). Соотнесение таких рядов позволяет программе рассчитывать расстояние между словарями, находить максимально близкие и распределять их на группы. Результат анализа визуализируется в виде графика и таблицы со списками соответствий, что дает возможность выделить основные фонетические позиции, влияющие на это распределение.

Для определения диалектной принадлежности языкового материала памятника привлекался ряд теоретических работ по карельской диалектологии [1; 13; 23; 24], а также данные Диалектной базы карельского языка MURREN⁶ и Открытого корпуса вепсского и карельского языков⁷.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты первого этапа исследования позволяют с уверенностью говорить о собственно карельском происхождении материала «карельской» части словаря

Палласа и ливвиковском – «олонецкой», в связи с чем в рамках настоящей статьи каждый из них будет проанализирован по отдельности.

Диалектная специфика «олонецких» словарных материалов

«Олонецкий» раздел словаря Палласа, несомненно, представляет собой один из первых лексикографических памятников ливвиковского наречия карельского языка, на что указывает наличие фонетических, фонологических, морфологических и лексических диалектных маркеров.

Материал словаря позволил выявить несколько ярких фонетических особенностей, характерных исключительно для ливвиковского карельского наречия. К ним относится в первую очередь конечная огласовка имен с основой на *a*, *ä*, которые в ауслaute формы номинатива единственного числа имеют гласные *u*, *y* (в кондушских говорах на *o*, *ö*) или нуль звука, за исключением двусложных имен с кратким первым слогом, например: *Линну* ‘город’, *Адру* ‘соха’, *Лэгмю* ‘корова’, *Силмю* ‘глаз’, *Корву* ‘ухо’, *Мадаль* ‘низко’, *ЮмалЪ* ‘Бог’, *Терявь* ‘остро’ [1, 27; 23, 19–21; 24, 15–16]. В источнике, однако, присутствуют несколько лексем, обнаруживающих исключение из данного правила: *Пойга* ‘мальчик’, *Віина* ‘вино’, *Война* ‘война’ (ср. ливв.: *roigu*, *viini*, *voini*). Нужно отметить, что и передача безударных гласных конца слова некоторых других имен также отличается от современного представительства, например: *Майда* ‘молоко’, *Рада* ‘труд’ (ср. ливв.: *maido*, *ruado*), что, очевидно, является результатом неточной фиксации.

Наличие дифтонгов на *i* на конце слова: *Кукой* ‘петух’, *Керой* ‘горло’, *Кебгей* ‘легок’, *Рускей* ‘красно’, *Коргей* ‘высоко’ – четко указывает на ливвиковское происхождение материала словаря [1, 12; 24, 16], как и отсутствие соответствующих дифтонгов перед сочетаниями

⁴ URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4976/1/perspective/4976/2/view>; <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4977/1/perspective/4977/2/view> (дата обращения: 05.05.2022).

⁵ URL: http://lingvodoc.ispras.ru/dashboard/dictionaries_all (дата обращения: 11.05.2022).

⁶ URL: <http://murreh.krc.karelia.ru> (дата обращения: 12.05.2022).

⁷ URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru> (дата обращения: 10.05.2022).

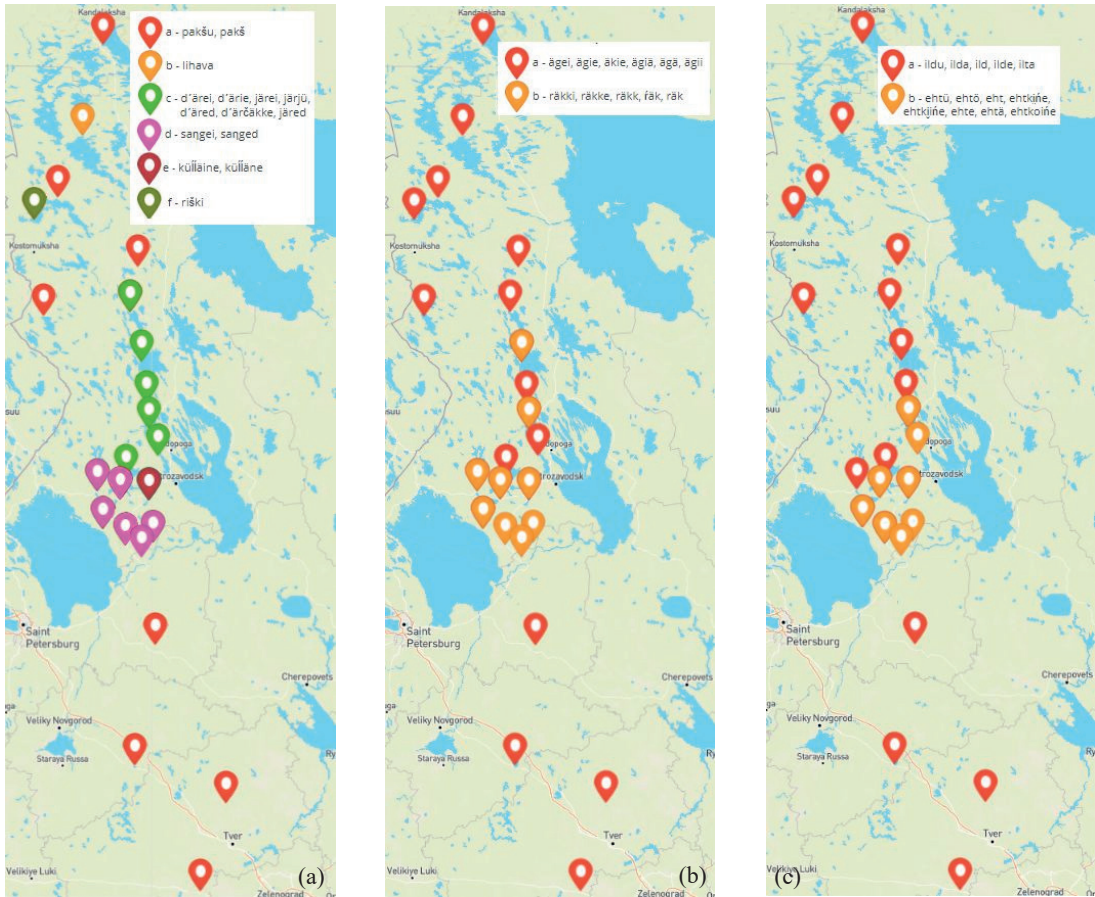

Рис. 2. Распределение лексем, обозначающих понятия «толстый» (а), «жар» (б), «вечер» (с) в диалектах карельского языка

Fig. 2. Distribution of lexemes for the concepts “fat” (a), “heat”(b), “evening”(c) in Karelian dialects

согласных *sk/šk, st/št* [1, 36]: *Лашку* ‘лень’, *Паста* ‘луч’ (букв.: ‘светить’).

Типичной чертой ливвиковской фонетической системы, нашедшей отражение в «олонецком» материале памятника, является обильное использование свистящих щелевых согласных, например: *Силмю* ‘глаз’, *Су* ‘рот’, *Ланци* ‘дитя’, *Кюнси* ‘ногти’, *Казва* ‘рост’, *Вуози* ‘год’, тогда как шипящие выступают преимущественно в позиции после гласного *i*: *Сеижю* ‘стой’, *Вижи* ‘пять’, *Лашку* ‘лень’, *Руишь* ‘рожь’.

Фонологическая система языка памятника позволяет обнаружить две ливвиковские черты. Речь идет об особенности альтернативной системы согласных, заключающейся в отсутствии чередования смычно-взрывных, находящихся в глухой фонетической позиции в отличие от

звонкой, например: *Лехтеть* ‘листья’ при *Ламмась* ‘баран’, *Гаммась* ‘зуб’, *Пеллоть* ‘поля’, *Кюнеть* ‘ногти’ (ср.: *lehti* ‘лист’, *lambahat* ‘овцы’, *hambahat* ‘зубы’, *peldo* ‘поле’, *kynzi* (*kynde-*) ‘ноготь’), а также об обобщении слабой степени количественного чередования перед дифтонгом на *i*: *Кукой* ‘петух’ [1, 63–67; 13, 73–79].

В морфологической системе на базе анализируемого словарного материала можно проследить две яркие черты. Первая относится к употреблению особых ливвиковско-людиковских форм личных местоимений единственного числа *Миня* ‘я’, *Синя* ‘ты’, *Гяй* ‘он’ [24, 16]. Вторая касается отличий в падежной системе, заключающихся в использовании усеченных аффиксов: *Ялесь* ‘после’, *Тесь* ‘здесь’, *Кусь* ‘где’, а также в совпадении падежей с внешнеместной семантикой: *Пелль* ‘над’,

Генель 'им' [1, 121, 123, 125–131; 23, 21–22; 24, 16].

Сравнение представленного в словаре Палласа материала со словарями, составленными на базе Сопоставительно-ономазиологического словаря, позволило выявить ряд лексем, характерных исключительно для южных (ливвиковского и людиковского) карельских наречий, например: *Сангей* 'толстый', *Рякки* 'жар', *Эхтю* 'вечер' (рис. 2).

В процессе анализа лексических материалов памятника встает вопрос о более конкретной географической локализации говора, послужившего источником диалектных данных. Ливвиковскому наречию в сравнении с двумя другими не свойственна пестрота диалектных ареалов, что объясняется относительно небольшой площадью расселения карелов-ливвиков и довольно густой плотностью населения в регионе, а следовательно, тесными контактами между носителями разных говоров. Отметим, что наличие некоторых диалектных отличий между собой обнаруживают группы восточных (вдл., тлз.) и западных (смз., влз., ктк., рпш., нкл., кнд.) ливвиковских говоров. При этом в восточной части ливвиковского наречия можно выделить северную и южную группы говоров.

Обработка материалов «олонецкого» словаря Палласа и данных словарей, составленных на основе Сопоставительно-ономазиологического словаря, отражающих диалектную систему шести ливвиковских говоров (распространенных в населенных пунктах Ведлозеро (влз.), Видлица (вдл.), Колатсельга (тлз.), Кондуши (кнд.), Олонец (нкл.), Проккойла (смз.)), с помощью инструмента «Анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок позволила получить подробные списки соответствий, демонстрирующие выявленные программой отличия в передаче фонетических систем говоров – источников материала. Работа с ними приводит к выводу о максимальной близости словарных материалов к юго-восточным ливвиковским говорам (нкл.), для которых характерны:

1) переход второго компонента долгих гласных и нисходящих дифтонгов на *и/у*

в аппроксимант: *Ловко* 'дырка', ср. нкл., влз.: *lowkko*, но ост.: *loukko*;

2) сохранение нисходящего дифтонга на *i* в безударном слоге слова: *Кярбяйне* 'муха', ср. смз., нкл., кнд., вдл., влз.: *kärbäine*, но тлз.: *kärbäne*;

3) выпадение конечного гласного в именах с трехсложной основой на *a/ä*: *Терявь* 'острый', ср. нкл., кнд.: *teräv*, но ост.: *terävy*;

4) преимущественное использование свистящих щелевых согласных в позиции начала слова: *Сюввя* 'есть', ср. нкл., тлз., вдл., влз.: *syvvä*, но смз., кнд.: *šyvvä*;

5) употребление шипящих щелевых в позиции после гласного *i* в середине и абсолютном конце слова: *Вижи* 'пять', *Руишь* 'рожь', ср. нкл., кнд.: *viiz(i)*, *ruiš*, но ост.: *viizi*, *ruis*;

6) сохранение среднеязычного *j*: *Юмалъ* 'бог', *Ялгу* 'нога', *Гобью* 'серебро', ср. нкл., кнд., тлз., влз.: *jumal*, *jawgu* / *jalgu/o*, *hobju/o*, но смз., вдл.: *d'umal*, *d'algu*, *hobd'u*.

Согласно А. Турунену и Н. Г. Зайцевой, переход *j > d'* возник под русским языковым влиянием и имеет в карельском и вепском языках общие корни [3, 72–74, 202–204; 22, 318]. Данный признак можно отнести к одному из главных, дифференцирующих диалектную принадлежность ливвиковского текста.

В отличие от перехода *j > d'*, переход *l > u* (*Ялгу* 'нога', ср. нкл.: *jawgu*, в остальных говорах *d'algu* / *jalgu/o*), характерный исключительно для современных юго-восточных ливвиковских и соседних михайловских людиковских говоров, т. е. не получивший широкого распространения в говорах карельского языка, следует относить к результату позднего воздействия фонетической системы вепского языка, в котором, в свою очередь, явление развилось в результате влияния русского языка [22, 309]. Вероятно, на момент сбора материала оно еще не успело распространиться в ливвиковских говорах.

В то же время расширение восходящих дифтонгов *ио*, *уо*, *ие*, присущее исключительно юго-восточным ливвиковским говорам, нашло в тексте памятника лишь частичное отражение, затрагивая дифтонг

*ie, что может свидетельствовать о неустоявшемся характере явления в период сбора данных для словаря, например: *Сiа* 'там', ср. нкл., вдл.: *siü*, но ост.: *sie*, при *Вуози* 'год', ср. нкл.: *vuazi*, но ост.: *vuozie*. Дефицит материала, вызванный передачей дифтонгов одиночными гласными, например: *Гондесь* 'утро', *ЛометЬ* 'ресницы', *Солу* 'соль', *Нури* 'молодой' (ср. ливв.: *hوندes*, *luomet*, *suolu*, *nuori*), не позволяет сделать какие-либо более определенные выводы, однако доминирование гласного *o* выступает косвенным признаком употребления в говоре, послужившем источником анализируемого материала, дифтонга *uo*. На это указывает и попытка передачи дифтонга *yö*: *Бю* 'ночь', *Мю* 'мы'. Таким образом, можно сделать осторожный вывод об относительно молодом возрасте явления расширения дифтонгов в юго-восточных ливвиковских говорах.

В консонантной системе памятника обращает на себя внимание отсутствие метатезы сочетания согласных *nh* по смежности (*Вангу* 'стар'), характерной для северных ливвиковских говоров (ср. нкл., вдл., ктк.: *vanhu*, но смз., влз., тлз., северные говоры ктк.: *vahnu*) [1, 51].

Особенность «олонецкой» части источника, заключающаяся в передаче долгих гласных и дифтонгов одиночными гласными (*Пя* 'голова', *Мярю* 'величина', *Кеите* 'варить', *Ма* 'земля', *Мата* 'спать', *Радо* 'работа', *Отта* 'брат'), что укладывается в правила интеграции прибалтийско-финских дифтонгов в русский язык, не позволяет применить для определения его диалектной принадлежности один из ярчайших диалектных маркеров карельской речи. Таким маркером являются расширяющиеся дифтонги, восходящие к прибалтийско-финским долгим гласным *ä, *aa, разделяющие ливвиковские говоры на пять групп.

Диалектная специфика «корельских» словарных материалов

В разделе словаря Палласа, в котором приводятся данные по «корельскому» языку, несомненно, речь идет о собственно карельском наречии, на что указывает большое число фонетических маркеров,

особо четко проявляющихся в сравнении с параллельно приведенным материалом на «олонецком» языке.

Обращает на себя внимание отсутствие отличий в конечной огласовке имен с основой на *a*, *ä* и их словарной формой, например: *Линна* 'город', *Адра* 'соха', *Лехмя* / *Лэзмя* 'корова', *Сильмя* / *Шильмя* 'глаз', *Корва* 'ухо'; *Юмала* 'Бог', *Терявя* 'остро' [1, 27; 24, 15–16]. Эта особенность находит отражение и в огласовке падежных показателей, например эссива: *Алагана* 'низко', *Юлягяня* 'высоко' (ср. ливв.: *alahan*, *ylähän*).

Для собственно карельского наречия характерны сохранение дифтонгов на *i* перед сочетаниями *sk/šk*, *st/št*: *Лайска* 'лень', *Пайста* 'луч', отсутствие дифтонгов на *i* на конце слова: *Кукко* 'петух', *Керо* 'горло'; *Кёбёе* 'легко', *Рушкёе* 'красно', *Коргёе* 'высоко', а также в позиции перед суффиксом *-nel/-ni*: *Гёбоне* 'лошадь' [1, 12, 36, 39; 24, 16]. Однако в «корельском» словнике понятие 'муха' передано двумя вариантами: *Кярябне* / *Кярябйне*.

Отличительной чертой собственно карельских говоров служит наличие всех видов альтернации согласных, в том числе чередования смычно-взрывных, находящихся в глухом фонетическом окружении, например: *Анна* 'дай', *ХаммашЬ* 'зуб', *Пеллоть* 'поля', *Кюнеть* 'ногти', *Виганноть* 'зелень', *Вуввать* 'лета' (ср.: *andua* 'давать', *hambahat* 'зубы', *peldo* 'поле', *kynži* (*kynde-*) 'ноготь', *vihanda* 'зелень', *vuözi* (*vuode-*) 'год'), *Няге* : *НiавiомЬ* 'щека : щеки', *Тукка* : *ТукатЬ* 'волос : волосы'; *Легеть* 'листья', *Аишу* 'иди' (ср.: *lehti* 'лист', *aštuo* 'шагать') [1, 63–67; 9, 67–129].

По сравнению с южными наречиями карельского языка (ливвиковским и людииковским) собственно карельская морфология представлена более богатой падежной системой, что объясняется сохранением в ней практически всех показателей местных падежей, за исключением совпавших адессива и аллатива. Эта особенность нашла отражение в тексте памятника, например инессив: *Тяшшiа* 'вот', *Тесся* 'здесь', *Мисься* 'где', адессив: *Иелля* / *Иялля* 'прежде', *Сiеля* 'там', *Шiеля* 'там', *Тiяля*

‘здесь’, аллатив: *Гешля* ‘им’ [1, 121, 123; 23, 21–22; 24, 16].

Анализ лексической системы также обнаруживает ряд диалектных лексем, характерных преимущественно для собственно карельского наречия, например: *Пакушу* ‘толстый’, *Яגיע* ‘жар’, *Ильда* ‘вечер’ (см. рис. 2).

Даже при наличии таких ярких диалектных различий между ливвиковскими и собственно карельскими материалами, позволяющими уверенно определить наречие – источник данных для словаря, обращает на себя внимание очевидный разнодиалектный характер происхождения «корельского» словника, в котором для многих понятий приводится по несколько соответствий, обнаруживающих в своем составе ряд дифференцирующих признаков различных собственно карельских диалектов.

В целях выявления диалектной специфики собственно карельской части словаря Палласа привлечен материал 15 словников, составленных на базе сопоставительно-ономасиологического словаря. Этот материал включает северокарельские говоры (распространенные в населенных пунктах Калевала (ухт.), Вокнаволок (вкн.), Кестеньга (кст.), Княжая Губа (кст.)); южнокарельские говоры Карелии (Тунгуда (тнг.), Ондозеро (ргз.), Реболы (рбл.), Паданы (пдн.), Юостозеро (мдс.), Койкары (мдс.)); южнокарельские говоры Центральной России (Селище (тхв.), Валдай (влд.), Весьегонск (всг.), Толмачи (тлм.), Держа (држ.)). Обработка этих материалов с помощью алгоритма «Анализ когнатов» позволила получить график суммарной матрицы соответствий по начальным согласным и гласным первого слога (рис. 3).

Собственно карельские говоры, рассредоточенные на довольно большой территории (от Твери до Кандалакши), в отличие от ливвиковских обнаруживают достаточное для автоматического анализа число ярких различий в позиции начала слова. На полученном графике прослеживается четкое разбиение привлеченных к

работе словарей на две группы. В первую вошли словари южнокарельских говоров Карелии (ргз., рбл., пдн., мдс.), во вторую – остальные. По результатам автоматического анализа «корельский» словарь Палласа расположился ближе ко второй группе.

По позиции начала слова между проанализированными источниками программой выявлена группа надежных рядов соответствий, демонстрирующих основные признаки, дифференцирующие собственно карельские диалекты. В языке памятника нашли отражение:

1) использование на месте второго компонента нисходящих дифтонгов на *u/y* полугласного *w* или согласного *v*, характерное преимущественно для говоров карельского языка Центральной России, например: *Ловко* ‘дырка’, *Тавды* ‘болезнь’, *Лювлу* ‘пар’, *Гавкунда* ‘брань’, ср. всг.: *lowkko*, *tawdi*, тлм., всг.: *löwly*, тлм., држ., всг., влд.: *hawkkuo/a* / *hawkuu*, но ост.: *loukko*, *taud/ti*, *löyly*, *haukkuo/a*. При этом для отдельных лексем в словаре параллельно приводятся соответствия, демонстрирующие широко распространенное в собственно карельских говорах сохранение дифтонгов на *u/y*: *Лоукко*, *Лю^илу*. Отметим, что в источнике наблюдается последовательное сохранение долгих гласных, например: *Луу* ‘кость’, *Куудома* ‘луна’. Анализируемый переход исследователи причисляют к относительно молодым [21, 9], в связи с чем зафиксированная в тексте памятника особенность может объясняться или неточной передачей нисходящих дифтонгов одним из собирателей – носителем русского языка, фонетической системе которого наличие аналогичных дифтонгов несвойственно, или начавшимся явлением перехода второго компонента дифтонга в аппроксимант в результате влияния русского языка в карельских диалектах Центральной России;

2) свойственное ударным⁸ слогам держанских и ругозерских говоров расширение восходящих дифтонгов **uo > ua*, **uö > üä*, **ie > iä/ia*, например: *Куалить* ‘смерть’, *Шуала* ‘соль’, *Вья* ‘пояс’, *Вуаж* ‘год’,

⁸ Для всех наречий карельского языка характерно наличие фиксированного на первом слоге слова ударения.

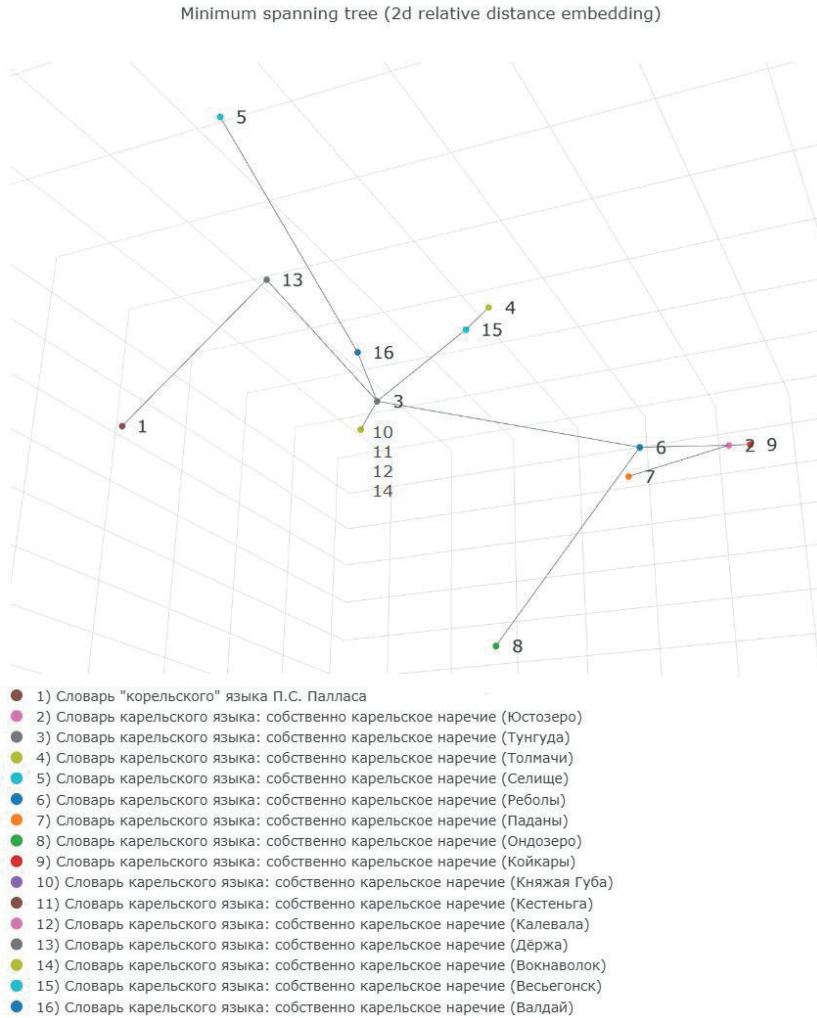

Рис. 3. График суммарной матрицы

Fig. 3. Summary matrix plot

Пiяни 'маленький' (ср. држ.: *kuall, šual, vuä, vuaž, piäni*, ргз.: *huagamet* 'ноздри', но ост.: *kuolla, š/suola, vuö, vuož/š/si, pieñi*), представленное в словнике параллельно с характерными для большинства собственно карельских говоров примерами, демонстрирующими их сохранение: *Шуола, Вiо, Вуози, Пiени*. Аналогичное явление зафиксировано и в заударных слогах, однако в держанских говорах здесь происходит сужение дифтонгов, расширение же отмечено в восточных ругозерских и северных паданских говорах, например: *Коргiе / Когiя* 'высокий', *Аштiметь* 'посуда', *Левiе* 'широкий', но *Гобiя / Гобiй* 'серебро' (ср. ргз., пдн.: *korgia, astiat, leviiä,*

hobia; држ.: *korgii, aštii, levii, hobii*, но ост.: *korg/kie, ašt/šč/stiet, levie, hob/pie*);

3) различные рефлексы прибалтийско-финских долгих гласных **aa, *ää* первого слога. Для большинства собственно карельских говоров, как и для говора, послужившего одним из источников данных для словаря, характерны дифтонги *ua, iä*, например: *Пiя* 'голова', *Руадо* 'работа', *Муа* 'земля', *Нуаглане* 'гвоздь', ср.: СКД, тнг., рбл., мдс., тлм., всг., држ.: *piä*, СКД, тнг., рбл., мдс., тхв., тлм., држ.: *ruado, tua, nuagla*. Особенностью западной части весьегонских, юго-западных толмачевских и отдельных паданских говоров выступает использование дифтонга *iä* на

месте **aa*, что также отмечено в словаре: *Рыадо*, *Мыа*, *Ныагла*. Вероятно, явление имеет общие корни, поскольку есть данные о переселениях карелов с территории Средней Карелии в Центральную Россию в XVIII в. Использование дифтонга *ja* в тексте памятника служит доказательством его наличия в языке на момент этих переселений.

От обнаруженных в словаре Палласа рефлексов долгих **aa*, **äa* отличается представление явления в паданских, восточных ругозерских, поросозерских и валдайских говорах, например: пдн.: *pää*, *roodo*, *moo*, *noogla*; ргз.: *piü*, *raado*, *maa*, *naagla*; прз., влд.: *pöö*, *roado*, *moa*, *noagla*. Тихвинские и северные мяндусельские говоры выделяет на общем фоне рефлекс **äa* – *ie* (*pie*) [1, 3–5].

Отличные варианты дифтонгов в «корельском» словаре представлены и в безударных слогах, например: *Оттуя* ‘брат’, *Кандоа* ‘нести’, *Кюндюя* ‘пахать’, *Кюльвие* ‘сеять’, ср. СКД, тнг., рбл., мдс., тхв., тлм.: *ottua*, *kand/tua*, пдн.: *ottoo*, *kandoa*, ргз.: *ottaa*, *kandaa*, држ.: *ottuu*, *kanduu*, всг.: *ottja*, *kandja*, прз., влд.: *ottoa*, *kandoa*, тлм., всг.: *kundiä*, СКД, тнг., рбл., мдс., тхв.: *kund/tyä*, тхв.: *kundie*, пдн.: *kundee*, ргз.: *kundää*, држ.: *kundii*, влд.: *kundöä*, тлм., всг.: *kylviiä*, СКД, тнг., рбл.: *kylvyü*, мдс., тхв.: *kylvie*, пдн.: *kylvee*, држ.: *kylvii*, влд.: *kylvöö*;

4) сохранение среднеязычного *j* в позиции начала и середины слова, что характеризует севернокорельские говоры и говоры Центральной России, в то время как большинству южнокарельских говоров Карелии свойственно использование на его месте палатализованного дентального согласного, например: *Ялга* ‘нога’, *Юмала* ‘Бог’, *Иувва* ‘пить’, ср. СКД, тнг., ДЦР: *jalg/k(a)*, при ЮКД: *d'alga*, *d'umala*, *d'uvva*;

5) особенности дистрибуции переднеязычных щелевых согласных – одного из самых ярких диалектных маркеров карельской речи. В карельском языке сосуществуют две противоположные системы представительства свистящих и шипящих согласных: севернокорельская, продолжающая древнекарельскую, и южнокарельская (ливвиковско-людиковская), обнару-

живающая мощным вепский субстрат. В районе Средней Карелии (южнокарельские говоры собственно карельского наречия) – в переходной зоне явления – использование того или иного варианта согласного зависит от ряда факторов (позиция в начале или середине слова, наличие в непосредственной близости гласного *i*, рядность гласных слова, качество второго компонента в сочетаниях согласных), выступающих в разных говорах в различных комбинациях.

В «корельском» материале памятника в начале слова в позиции перед гласным заднего ряда параллельно представлены оба варианта щелевых согласных, например: *Шуу* / *Су* ‘рот’, *Шуола* ‘соль’, *Шорми* ‘палец’, *Шауи* / *Сави* ‘глина’, *Шарьви* / *Сарви* ‘рог’, *Сорза* ‘утка’, ср. СКД, тнг., ргз., пдн. (северные говоры), рбл., ДЦР: *šuu/w*, *šuo(a)*, *šorm(i)*, *šavi*, *šarvi*, *šorž/ša*, но пдн. (южные говоры), мдс., прз.: *sui*, *suola*, *sormi*, *savi*, *sarvi*, *sorza*. В позиции перед гласным переднего ряда также представлен как шипящий, так и свистящий согласный, например: *Шіеля* / *Сіеля* ‘там’, *Шиль* / *Сільмя* ‘глаз’, *Шуби* ‘крыло’, *Сига* ‘свинья’, *Шія* ‘место’, *Шельга* ‘спина’, *Шейвяжъ* / *Сейвясь* ‘кол’, *Шюве* ‘глубокий’, ср. СКД, тнг., рбл., мдс., влд., тлм., држ.: *šielä*, *šilmä*, *šiibi/pi*, *šig/ka*, *šija*, *šelg/kä*, *šeiv/bäš/s*, *šyvä*, но вчт., пдж., пнз., ргз., пдн.: *sielä*, *silmä*, *siibi*, *siga*, *selgä*, *seiv/bäš*, *sy(v)ä*, при этом для говора д. Койкары, а также для тихвинских и весьегонских говоров Центральной России характерно отсутствие последовательности в употреблении щелевых в данной позиции, например: мдс. (Койкары): *šiel* / *siel*, *šilmä* / *silmä*, *šiibi*, *siga*, *šia*, *selgä*, *seibäs*, *šyvä*, тхв., всг.: *šielä*, *silmä*, *siibi*, *sija*, *šelgä* (тхв.) / *selgä* (всг.), *šeiv/bäš*, *šyvä*.

Таким образом, согласно анализу начальных фонем слова, наибольший процент соответствий материалы «корельского» словника обнаруживают с собственно карельскими севернокорельскими говорами и говорами Центральной России. При этом очевидным кажется привлечение материалов восточных говоров собственно карельского наречия Карелии, на что указывают преимущественно особенно-

сти употребления свистящих/шипящих согласных. Однако отсутствие фиксации палатализованного дентального согласного *d'*, повсеместно представленного в южнокарельских говорах Карелии, сокращает этот список до вычetaйбольских, панозерских и подужемских говоров.

Кроме включенных программой в автоматический обсчет рядов соответствий по начальной позиции слова, работа с подробными списками позволила также выделить следующие признаки, представляющие возможность более точно определить географическую локализацию говоров – источников «корельского» материала словаря:

1) отсутствие в определенных позициях палатализации дентальных смычно-взрывных, характерное для тверских карельских говоров: *Аитыеть*, *Тавды* [10, 79–84];

2) дистрибуция переднеязычных щелевых в позиции середины слова, в отличие от его начала зависящая кроме огласовки слова также от качества предшествующего согласному / сочетанию согласных гласного. В позиции после гласных *i*, *y* в словаре использованы преимущественно свистящие, например: *Виизи* ‘пять’, *Пайста* ‘печь’, *Лайска* ‘ленивый’, *Лукуы* ‘один’, но *Киоюнжи* ‘ноготь’, ср. СКД, тнг., ргз., пдн., рбл., ДЦР: *viiz/si, paistua, laiska, yksi, kunž/ši*, но рбл., мдс., прз.: *viiži, ykši*, пдн., мдс.: *paištoo/ua, laiška*, ргз., пдн., мдс.: *kunzi*. В словах переднерядного вокализма параллельно выступают оба варианта согласных: *Кэжа* / *Кезя* ‘лето’, ср. СКД, тнг., ргз., рбл., тхв., влд., тлм., држ.: *kež/šä*, пдн., прз., мдс., всг.: *kezä*. В словах заднерядного вокализма встречается использование как шипящих, так и свистящих, однако в большей части примеров все же употребляются шипящие, например: *Сорза* ‘утка’, *Конжа* ‘когда’, *Рушкйе* ‘красный’, *Мушта* ‘черный’, *Какши* ‘два’, *Аитыеть* ‘посуда’, *Буажу* / *Буози* ‘год’, *Кажу* ‘кошка’, ср. СКД, тнг., ргз., пдн., рбл., ДЦР: *šorž/ša, konž/ša, ruškje, mušta, kakši, aštiet, vuož/ši*, при *kaz/si*, но ргз., пдн.: *kaksi, astiat*, всг.: *astiet*, тнг., всг., држ.: *vuozi*, прз., мдс.: *sorza, konza, ruskje, musta*, но *kakši, aštiet, kaži, vuoži*.

В позиции ауслота после гласного *i* представлен свистящий согласный, в остальных случаях – чаще шипящий, но параллельно возможно использование свистящего, например: *Руись* ‘рожь’, *Шейвяжь* / *Сейвясь* ‘кол’, *ХаммаиЪ* ‘зуб’, *Кирвежь* ‘топор’, ср. СКД, тнг., ргз., рбл., мдс., ДЦР: *ruis*, пдн., мдс.: *ruiž*, СКД, тнг., ргз., рбл., пдн., ДЦР: *š/seiv/bäš, hammaš, kirveš*, но пдн. (южные говоры), прз., мдс., всг.: *s/šreibäs, hambas, kirves*;

3) наличие оппозиции по глухости/звонкости, широко представленное в карельском языке, за исключением северо-западной группы севернокарельских говоров (олг., кст., ухт., вкн., кнт., пнз.). В языке памятника в звонкой фонетической позиции используются звонкие смычно-взрывные и щелевые согласные, например: *Ялга* ‘нога’, *Шуби* ‘крыло’, *Кандо* ‘пень’, *Куужу* ‘шесть’, единственным исключением является лексема *Канта* ‘пень’ (ср. СКД: *kanto*), приведенная параллельно с аналогом, содержащим звонкий согласный;

4) отсутствие метатезы сочетания согласного *nh*, например: *Ванга* ‘старый’, ср. СКД, ЮКД, тхв., влд., тлм., држ.: *vanh(a)*, но пдн., прз., мдс., всг.: *vahna*;

5) сохранение/выпадение губного щелевого *v* в интервокальной позиции, например: *Шуваченда* / *Шуачень* ‘любить’, ср. СКД, ЮКД, всг.: *š/suvata*, ргз., пдн., тхв., тлм., држ.: *šuata/suaiija*;

6) огласовка понятия «град»: *Руагь*, ср. СКД, тнг., тхв.: *ruah*, но ост.: *rais/š*;

7) использование суффикса *-ne*, что роднит язык словаря с южнокарельскими говорами Карелии и Центральной России, а также с подужемскими и соседними говорами, например: *Гэбоне* ‘лошадь’, *Кярбяне* ‘муха’, ср. пдж., тнг., рбл., пдн., мдс., тхв., влд., тлм., всг.: *habone, kärpäne*, тогда как СКД, тнг., ргз., рбл.: *heh/poni, kärp/päni*;

8) употребление возвратного словообразовательного суффикса *-čče-*, характерного для диалектов Центральной России, а также тунгудских и соседних говоров, например: *Лаукичйеу* ‘опуститься’, ср. тнг., ДЦР: *laškiečče*.

Анализ позиции середины и конца слова, таким образом, подтвердил выводы,

Понятие / Concept	Словарь Палласа	с. к.	тнг.	ргз.	пдн.	рбл.	мдс.	тхв.	влд.	тлм.	всг.	држ.
Сестра / Sister	Сизяръ	sisar		sisär		sisär	sisär	šizär	šizär	sisär	šizar	šizär
	Чикко	čikko	čikko	čikko	čikko		čikko	čikko	čikko	čikko	čikko	
Я / I am	Мія	mie	mie	miä	mie	mie	mie	mie	mie	mie	mie	miä
	Миња						minä	minä				
Жар / Heat	Яѳе	äkie	ägie	ägiä	ägiä	ägie	ägie	ägie	ägie	ägie	ägie	ägi
	Рякке				räkki		räkki					
Горло / Throat	Кулку	kulkku	kulkku	kulkku	kulkku	kulkku	kulkku	kulku				
	Керо	keru	kerone	keroni	keru		keru	keru	keru	keru	keru	keru
Как / As	Куишь	kuin	kuin	kuin	kuin	kuin	kulleh	kuin	kuin	kuin	kuin	kuin
	Куи				kui		kui					
Баран / Ram	Бокко	pokko	bokko	bokko	bokko	bokko	bokko	bokko		bokko	bokko	boko
	Ойнашь	oinaš										
Берег / Shore	Ранда	ranta	randa	randa	randa	randa	randa		randa	randa	randa	
	Берега							ber'oga				ber'oga
Гора / Mountain	Мяги	mäki	mägi	mägi	mägi	mägi	mägi					
	Гора							gora	gora	gora		
Песок / Sand	Гека	hiekkä	hiekkä	hiekkä								
	Песку						pesku	pesku	pesku	pesku	pesku	pesku
Волна / Wave	Алда	ualto	ualdo	aaldo	ooldo	ualdo	ualdo					
	Вылуть							vualdo				
Утро / Morning	Гуо менешъ	huome-neš	huome-neš	huome-neš	huomuš	huome-neš	huonnus	huommeš	huome-neš	huome-neš	huome-neš	huame-neš
	Гондешъ						huondes					
Сердце / Heart	Сувианъ	švtän			švän	šydäm	šyvän					
	Генги			hengi	hengi		hengi		hengi	hengi		heng
Локоть / Elbow	Кюнга			kyngä	kyngä	kyngä	kyngä		kyngi			
	Кю'ю'няжъ / Кю'неста	kyynäs-piä	kyynäs-piä	kyynäs-piä	kyynäs-pee		kyynäs-piä	kynäšpie			kywneš-piä	kynuš-piä
Плечо / Shoulder	Олгу-Пиä	olkapiä	olgupiä	olgupiä	olgu-pee	olgupiä	olgupiä	olgupie	olgu-pöä	olgupiä	olgupiä	olgupiä
	Гардйи						hardija					
Дверь / Door	Укси						uksi					
Где / Where	Кусс			kussa	kussa		kus(sa)					
Песня / Song	Вирта						virzi	virži	virži	virži	virži	virži
Зеленый / Green	Виганда	vihan-ta	vihan-da	vihan-da	vihan-da		vihanda					
Свинья / Pig	Сига	šika	šiga		šiga	šiga	šiga		šiga	šiga		
Кора / Bark	Кетту						kettu	kettu	kettu	kettu	kettu	kettu
Беда / Sorrow	Кумма		kumma	kumma				kumma	kumma	kumma	kumma	

сделанные на основе обработки анлаутной позиции, однако особенность оппозиции звонких/глухих согласных позволила исключить из круга предполагаемых говоров-источников северо-западные говоры собственно карельского наречия.

Отдельного внимания заслуживает анализ лексики памятника в сравнении с дан-

ными Сопоставительно-ономасиологического словаря, представленный в таблице.

Анализ лексического материала подтверждает, что источниками данных могли послужить как говоры карельского языка Центральной России, так и собственно карельские говоры Карелии. При этом кроме возможного тунгудско-кемского

компонента, определенного ранее, ряд диалектных лексем указывает на самые южные говоры южнокарельской группы собственно карельского наречия. Согласно материалам Сопоставительно-ономасиологического словаря, это мяндусельгские и южные паданские говоры, содержащие в себе некоторые следы очевидного ливвиковского влияния.

Заключение

Анализ «олонецких» и «корельских» материалов словаря Палласа в сравнении с современной диалектной системой карельского языка позволил определить примерную географическую локализацию говоров, послуживших для них основой.

В случае с «олонецким» материалом речь, несомненно, идет о ливвиковском наречии карельского языка, отличающемся отсутствием большого числа ярких диалектных маркеров. Однако на основании выявленных особенностей данные «олонецкого» словника можно отнести к юго-восточным говорам ливвиковского наречия, на которых говорят (и говорили) карелы, проживающие в окрестностях Олонца.

Анализ «корельских» материалов четко указывает, с одной стороны, на их собственно карельское происхождение, а с другой – на разнодиалектный характер источников. Собственно карельскому наречию свойственно наличие большого числа диалектных маркеров, на основе которых его говоры подразделяются на несколько крупных групп: севернокарельские диалекты, южнокарельские диалекты, диалекты Центральной России. В материалах словаря были зафиксированы те или иные диалектные особенности, идентифицирующие каждую из них. Учитывая количество пересечений по комплексу выявленных диалектных маркеров с данными современных собственно карельских говоров, можно сделать вывод, что «корельские» материалы обнаруживают наибольшее число совпадений:

1) с юго-восточными говорами севернокарельской группы собственно карельского наречия и северо-восточными говорами его южнокарельской группы (тунгудско-кемский ареал);

Формирование карельских наречий – долгий и сложный процесс, связанный с переселением карелов, носителей древнекарельского языка, в XVI–XVII вв. из северо-западного Приладожья в регионы современной Карелии и Центральной России. На Олонецком перешейке – исторической вепсской территории – в результате интенсивных контактов между близкородственными языками сложились ливвиковское и людиковское наречия карельского языка. В то же время в Средней, Северной Карелии, как и на тверских и новгородских землях, язык переселенцев не подвергся подобному влиянию, послужив основой для диалектов собственно карельского наречия.

2) юго-восточными говорами южнокарельской группы собственно карельского наречия (паданско-мяндусельгский ареал);

3) говорами карельского языка Центральной России, при этом по ряду признаков материалы словаря обнаруживают близость то с современными весьегонскими, то с толмачевскими, то с держанскими, то с тихвинскими говорами.

Возможность использования в качестве основных трех источников (а их могло быть и больше) подтверждается и большим количеством понятий, представленных в «корельской» части словаря тремя (40 понятий) и даже четырьмя-пятью (3 понятия) соответствиями. Важно отметить, что в части случаев речь идет не о синонимах, не о диалектной лексике, а о фонетических вариантах одной лексемы, например: *Храменежь*, *Гуо менешь*, *Гондесь* 'утро', *Муа*, *Мыа*, *Ма* 'земля', *Эль*, *Иелля*, *Иялля* 'прежде', или о вариантах передачи на письме одного и того же слова, например: *Евло*, *Ю^ла*, *Еюле* 'нет'.

Исходя из выделенных ареалов допустимо предположить, что П. С. Палласом были получены данные из трех уездов

Олонецкого наместничества: Олонецкого, Кемского и Повенецкого. Очевидно, что языковые материалы были собраны в непосредственной близости к уездным центрам. Более точно определить географическую локализацию говоров карельского языка Центральной России на настоящий момент не представляется возможным, поскольку в языке памятника нашли отражение черты, свойственные разным диалектам, выделяемым языковедами в указанном регионе. В связи с этим требуется дополнительная работа по изучению истории расселения карелов, сопровождавшегося разнонаправленными перемещениями населения, а также притоком карельского населения с территории современной Карелии.

Важно отметить, что процесс уточнения диалектного ареала усложняется двумя моментами. Во-первых, определенные трудности может вызвать не всегда довольно качественно отраженные средствами русской графики особенности карельской диалектной системы. Речь идет, например, о явном наличии у собирателей сложностей в передаче специфических карельских гласных фонем *ä, ö, у* или о передаче дифтонгов / долгих гласных (**aa, *ää*) [12].

Во-вторых, за прошедший период (более 200 лет) границы диалектных ареалов могли сместиться, а сами диалекты – приобрести новые дифференцирующие черты. Однако лингвистический анализ чуть более молодых памятников карельской письменности – переводов Евангелий от Матфея и Марка на тверской толмачевский диалект (годы создания – 1817, 1820) – и их сравнение с современными толмачевскими говорами продемонстри-

ровали лишь незначительные отличия, особенно в фонетической системе [19, 20–24]. Это дает надежду на то, что в результате настоящего исследования удалось верно определить диалектную основу языкового материала словаря Палласа. Пролить свет на историю создания его разнодиалектной «корельской» части сможет привлечение архивных материалов рукописей отдельных словников словаря.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>вдл.</i>	видлицкий говор
<i>вкн.</i>	вокнаволоцкий говор
<i>влд.</i>	валдайский говор
<i>влз.</i>	ведлозерский говор
<i>всг.</i>	весьегонский говор
<i>вчт.</i>	вычтайбольский говор
<i>држж.</i>	держанский говор
<i>ДЦР</i>	диалекты Центральной России
<i>кнд.</i>	кондушский говор
<i>кнт.</i>	конткокский говор
<i>кст.</i>	кестеньгский говор
<i>ктк.</i>	коткозерский говор
<i>ливв.</i>	ливвиковское наречие
<i>мдс.</i>	мяндусельгский говор
<i>нкл.</i>	некульский говор
<i>олг.</i>	оулангский говор
<i>ост.</i>	остальные диалекты
<i>пдж.</i>	подужемский говор
<i>пдн.</i>	паданский говор
<i>пнз.</i>	панозерский говор
<i>прз.</i>	поросозерский говор
<i>рбл.</i>	ребольский говор
<i>ргз.</i>	ругозерский говор
<i>рпш.</i>	рыпушкальский говор
<i>с. к.</i>	собственно карельское наречие
<i>СКД</i>	севернокарельские диалекты
<i>смз.</i>	сямозерский говор
<i>тлз.</i>	тулмозерский говор
<i>тлм.</i>	толмачевский говор
<i>тнг.</i>	тунгудский говор
<i>тхв.</i>	тихвинский говор
<i>ухт.</i>	ухтинский говор
<i>ЮКД</i>	южнокарельские диалекты

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка / ред. Л. Сарвас. Хельсинки: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997. 10+209 с.
2. Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 294 с.
3. Зайцева Н. Г. Очерки вепской диалектологии: (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2016. 394 с.
4. Макаров Г. Н. Карельская рукопись полутора вековой давности // Вопросы фин-

- но-угорского языкознания: сб. ст. Вып. 2. Грамматика и лексикология. Л., 1964. С. 176–185.
5. Мещерский Н. А. Русско-карельские словарные записи XVII – начала XVIII в. // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. 1960. Вып. 23. С. 16–32.
 6. Муллонен И. И., Панченко О. В. Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 116 с.
 7. Нагурная С. В. Карельская письменность // Народы Карелии: ист.-этногр. очерки. Петрозаводск, 2019. С. 65–77.
 8. Новак И. П. Богослужебный текст как источник исследования диалектной специфики карельского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7. С. 90–95.
 9. Новак И. П. Становление альтернативной системы согласных карельской диалектной речи. Петрозаводск: Ин-т языка, литературы и истории Карельского науч. центра РАН, 2014. 220 с.
 10. Новак И. П. Тверские диалекты карельского языка: Фонетика. Фонология. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2016. 226 с.
 11. Новак И. П., Нагурная С. В. Определение диалектной принадлежности карельского языкового материала «Проводника и переводчика по отдаленнейшим окраинам России» А. В. Старчевского // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 20–32. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.20-32.
 12. Новак И. П., Нагурная С. В. Лингвистический анализ карельского языкового материала словаря П. С. Палласа // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 287–300. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.287-300.
 13. Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
 14. Норманская Ю. В. Коми-язьвинский – диалект коми-пермяцкого или отдельный язык? // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. № Т. 14, вып. 4. С. 628–641. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-628-641.
 15. Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А. Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа – ранее неизвестный мансийский диалект? // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1. С. 92–100. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-92-100.
 16. Родионова А. П. О первом печатном словаре на людиковском наречии карельского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, № 1. С. 6–15. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-6-15.
 17. Рягов В. Д. Начин перевода Евангелия от Матфея на «олонецкое наречие» карельского языка // Прибалтийско-финское языкознание: сб. ст., посвящ. 80-летию Г. М. Керта. Петрозаводск, 2003. С. 170–177.
 18. Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словарик-разговорники в рукописном сборнике 1668 года // Linguistica Uralica. 2021. Т. 57, № 4. С. 250–276. DOI: 10.3176/lu.2021.4.02.
 19. Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020. 295 с.
 20. Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta // Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, 1998. S. 352–382.
 21. Palmeos P. Karjala valdai murrak. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia, 1962. 226 lehel. (Emakeele Seltsi toimetised; 5).
 22. Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1946. 338 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia; 89).
 23. Virtaranta P. Die Dialekte des Karalischen // Советское финно-угроведение. 1972. № 8. С. 7–27.
 24. Zaikov P. M. Karjalan kielen murteet = Диалектология карельского языка: в 3 ч. Petroskoi: Изд-во ПетрГУ, 2017. Ч. 1. URL: <https://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=28659#t20c> (дата обращения: 13.05.2022).

Поступила 10.09.2023; одобрена 28.09.2023; принята 28.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

И. П. Новак – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; научный сотрудник лаборатории «Лингвистические платформы» Института системного программирования им. В. П. Иванникова РАН, novak@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>

Dialectal specification of Karelian material of P. S. Pallas's dictionary

Irina P. Novak

*Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia,
Ivannikov Institute for System Programming
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Introduction. A unique source for the study of the historical dialectology of the Karelian language from the moment of the formation of its main dialect areas until the beginning of their research in the middle of the XIX century is old-written monuments such as dictionary entries and translations of texts of spiritual content. This article is the first attempt to analyze and identify the dialectal features of the Karelian language material presented in two parts of the Comparative Dictionary of All Languages and Dialects by P. S. Pallas, to determine the possible geographical localization of its sources.

Materials and Methods. The object of the study was 479 lexemes "Korela way" and 275 lexemes "Olonets way" written down in Cyrillic symbols. To determine their dialectal affiliations, they were analyzed using modern dialectal data on 21 Karelian sub-dialects of Karelia and Central Russia from the "Contrastive onomasiological dictionary of the Karelian, Veps and Sami languages". The study was based on the use of the philological and the comparative historical methods. As all the above-listed materials were uploaded as separate dictionaries to the LingvoDoc linguistic platform, it became possible to apply the cognate analysis tool to them.

Results and Discussion. The results of the study confidently point to the Karelian-Proper origin of the material in the "Korela" part and the Livvi origin of the material in the "Olonets" part of the dictionary, as evidenced by vivid phonetic, phonological, morphological, and lexical dialectal markers. Noteworthy is the obvious dialectal heterogeneity of the sources of the "Korela" glossary, where many concepts are supplied with several matches containing some differential features of various Karelian-Proper dialects. Comparison against data from modern Karelian dialects permitted the presumable source sub-dialects to be identified.

Conclusions. Judging by some specific features identified in the "Olonets" part of the dictionary, the data therein can be traced to south-eastern sub-dialects of the Livvi supradialect. Considering the scope of dialectal markers overlap with data from modern Karelian-Proper sub-dialects, "Korela" material most often shows coincides with sub-dialects of the Tunguda-Kem' and Padany-Myanduselga ranges and with the sub-dialects of Karelian spoken in Central Russia. A valid assumption would be that the language material for the dictionary was collected in the immediate vicinity of the administrative centers of the Olonets, Kem', and Povenets Uyezds of the Olonets Viceroyalty. More studies are needed to specify the geographic ranges of sub-dialects in Central Russia more precisely.

Keywords: Karelian language, P. S. Pallas, dictionary, old-written language heritage, supradialect, dialect, sub-dialect, dialectal marker

Acknowledgments: The paper was prepared within state assignment of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. The work on the introduction and processing of dictionaries on the LingvoDoc platform was supported by the Russian Science Foundation grant No. 20-18-00403 "Digital description of dialects of the Uralic languages based on big data analysis".

For citation: Novak IP. Dialectal specification of Karelian material of P. S. Pallas's dictionary. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2024;16;1:33-49. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.33-49.

REFERENCES

1. Bubrikh DV, Beliakov AA, Punzhina AV. Dialect atlas of the Karelian language. Helsinki; 1997. (In Russ.)
2. Zaikov PM. Verb in the Karelian language. Petrozavodsk; 2000. (In Russ.)
3. Zaitseva NG. Essays on Veps dialectology: (linguo-geographical aspect). Petrozavodsk; 2016. (In Russ.)
4. Makarov GN. Karelian manuscript of a century and a half ago. *Voprosy finno-ugorskogo*

- iazykoznaniiia: sb. st. Vyp. 2. Grammatika i leksikologiia* = Questions of Finno-Ugric linguistics. Collection of articles. Grammar and lexicology. Leningrad; 1964;2:176–185. (In Russ.)
5. Meshcherskii NA. Russian-Karelian dictionary entries of the XVII – early XVIII centuries. *Trudy Karelskogo filiiala Akademii nauk SSSR* = Proceedings of the Karelian branch of the USSR Academy of Sciences. 1960;23:16–32. (In Russ.)
 6. Mullonen II, Panchenko OV. The first Karelian-Russian dictionary and its author, Archimandrite Feofan, Athos. Petrozavodsk; 2013. (In Russ.)
 7. Nagurnaya SV. Karelian writing. *Narody Karelii: ist.-etnogr. ocherki* = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays. Petrozavodsk; 2019:65–77. (In Russ.)
 8. Novak IP. Liturgical text as a source for studying dialect specifics of the Karelian language. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Petrozavodsk State University. 2019;7:90–95. (In Russ.)
 9. Novak IP. Formation of the alternating consonant system of Karelian dialect speech. Petrozavodsk; 2014. (In Russ.)
 10. Novak IP. Tver dialects of the Karelian language: Phonetics. Phonology. Petrozavodsk; 2016. (In Russ.)
 11. Novak IP, Nagurnaya SV. Dialectal attribution of the Karelian language in “Guide and translator to remote outskirts of Russia” by A. V. Starchevsky. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:20–32. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.20-32.
 12. Novak IP, Nagurnaya SV. Linguistic analysis of Karelian language material in P. S. Pallas’s dictionary. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;3:287–300. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.287-300.
 13. Novak I, Penttonen M, Ruuskanen A, Siilin L. Karelian language in grammars. Comparative study of phonetic and morphological systems. Petrozavodsk; 2019. (In Russ.)
 14. Normanskaja JuV. Is Komi-Yazva separate language or Komi-Permian’s dialect? *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2020;14;4:628–641. (In Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-628-641.
 15. Normanskaja JuV, Kosheliuk NA. The unpublished Mansi dictionary of P. S. Pallas – an earlier unknown Mansi dialect? *Uraloaltaiskie issledovaniia* = Ural-Altaiic Studies. 2020;1:92–100. (In Russ.). DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-92-100.
 16. Rodionova AP. About the first printed dictionary in the Ludic dialect of the Karelian language. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2021;15;1:6–15. (In Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-6-15.
 17. Riagoev VD. Beginning of the translation of the Gospel of Matthew into the “Olonets dialect” of the Karelian language. *Pribaltiisko-finskoe iazykoznanie: sb. st., posviashch. 80-letiiu G. M. Kerta* = Baltic-Finnish linguistics. Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of G. M. Kert. Petrozavodsk; 2003:170–177. (In Russ.)
 18. Saveleva N, Mullonen I, Fedyuneva G. Karelian-Russian and Komi-Zyrian-Russian dictionaries in a hand-written volume dated 1668. *Linguistica Uralica*. 2021;57;4:250–276. (In Russ.). DOI: 10.3176/lu.2021.4.02.
 19. Tver translated monuments of Karelian writing in the early XIX century. Petrozavodsk; 2020. (In Russ.)
 20. Leskinen H. Karjala ja karjalaiset kielen-tutkimuksen näkökulmasta. *Karjala: historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki; 1998:352–382.
 21. Palmeos P. Karjala valdai murrak. Tallinn; 1962;5.
 22. Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit. Helsinki; 1946;89.
 23. Virtaranta P. Die Dialekte des Karelischen. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* = Soviet Finno-Ugric Studies. 1972;8:7–27.
 24. Zaikov PM. Karjalan kielen murteet. Petroskoi; 2017;1. URL: <https://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=28659#t20c> (accessed 13.05.2022).

Submitted 10.09.2023; reviewing 28.09.2023; accepted 28.12.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

I. P. Novak – Candidate Sc. {Philology}, Senior Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences; Research Fellow, Linguistic Platforms Laboratory, Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences, novak@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>

Динамика нормативных основ и институциональных механизмов политики патриотического воспитания в субъектах Российской Федерации (на примере финно-угорских республик Приволжского федерального округа)

Ольга Владимировна Бахлова
Игорь Владимирович Бахлов

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. В политике патриотического воспитания в России, несмотря на ее несомненную актуальность, обусловленную нарастанием современных вызовов, сохраняется недостаточно высокая степень институционализации, проявляющаяся, в частности, в нормативной плоскости. Позитивная активность субъектов Федерации в данной области способна уменьшить существующие уязвимости и пробелы. Исследование предпринято с целью выявления специфики процесса институционализации регионального уровня в сфере патриотического воспитания на примере финно-угорских республик Приволжского федерального округа.

Материалы и методы. Главные источники – нормативные правовые акты и концептуально-стратегические документы Российской Федерации и субъектов Федерации, материалы официальных сайтов полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе, официальных сайтов/порталов органов государственной власти финно-угорских республик – субъектов РФ в рамках Приволжского федерального округа, данные информационно-правовых и справочно-правовых систем. Основные методы – сравнительного, синхронного и диахронного анализа, качественного анализа документов, декомпозиции и кейс-стади.

Результаты исследования и их обсуждение. Проанализирована совокупность документальных источников в сфере патриотического воспитания. Показаны ход и результаты процесса ее законодательной институционализации в субъектах Федерации в целом начиная с 2010 г., выделены временные интервалы, на которые пришлись пиковые значения. Акцентированы особенности участия республик Марий Эл, Мордовия и Удмуртия в данном процессе. Осуществлено сопоставление их нормативных правовых актов, концептуально-стратегических и программных документов, действующих на современном этапе, а также проведено ретроспективное сравнение. Особое внимание уделено изучению историко-патриотической составляющей нормативных и программных ориентиров, реализуемых проектов и мероприятий на уровне республик.

Заключение. Опыт республик Марий Эл, Мордовия и Удмуртия оценивается как конструктивный и отвечающий современным тенденциям протекания процесса институционализации политики патриотического воспитания общероссийского масштаба. Выявленная вариативность их подходов и практик в историческом и современном ракурсах достаточно умеренна и не предполагает ухудшения ситуации на перспективу. Вместе с тем требуются их дальнейшее совершенствование, устранение обнаруженных уязвимостей.

Ключевые слова: законодательная институционализация, историко-патриотическое воспитание, историческая память, молодежная политика, национальные проекты, патриотизм, Приволжский федеральный округ, регионы финно-угорского пространства России, российская гражданская идентичность, субъект Российской Федерации

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00371, <https://rscf.ru/project/23-28-00371/>.

Для цитирования: Бахлова О. В., Бахлов И. В. Динамика нормативных основ и институциональных механизмов политики патриотического воспитания в субъектах Российской Федерации (на примере финно-угорских республик Приволжского федерального округа) // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 1. С. 50–72. DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.50-72.

Введение

Патриотизм сегодня представляет собой одну из стержневых опор активно транслируемой политической повестки развития –

как для Российского государства, так и для общества. Содержание и значение патриотизма как ценности (политической и

духовно-нравственной) на разных этапах исторического пути неоднократно переосмысливались, менялись подходы к его обоснованию, продвижению и закреплению. Постсоветский опыт в этом ракурсе был весьма противоречивым, демонстрируя порой очевидное пренебрежение им властью либо использование в качестве манипулятивного инструмента. Вместе с тем стоит вспомнить, что формально актуализация патриотизма в официальном дискурсе относится еще к периоду 1990-х гг. – тогда он интерпретировался в сопряжении с фундаментальными идеалами и ценностями, гордостью за национальные традиции, за принадлежность к великой стране, но скорее как «личное чувство»¹. Его институционализация в политической повестке и нормативной плоскости в русле «державнической» версии произошла уже в 2000-е гг. Важные элементы данного процесса в концептуально-стратегическом смысле – разработка и реализация государственных программ патриотического воспитания. Примечательно, что в первой программе (на 2001–2005 гг.) предусматривался комплекс мер государственного воздействия на пропаганду патриотизма в средствах массовой информации, в том числе активное противодействие фактам искажения и фальсификации истории Отечества².

По ряду причин в анализируемой области до сих пор сохраняются серьезные пробелы. Концепция патриотического воспитания одобрена лишь на уровне Правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей (2003 г.)³. Профильный федеральный закон до сих пор не принят. Соответствующий

законопроект был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ в ноябре 2017 г. и окончательно отклонен в марте 2023 г.⁴ Неоднократно в политических, общественных и экспертных кругах обсуждалось продление действия госпрограммы на последующий период. Но было выбрано другое решение, и сфера патриотического воспитания оказалась включенной в систему национальных проектов РФ (федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» в рамках проекта «Образование»). Государственные программы перестали быть главным ее механизмом. Однако корреспондирующие связи выявляются в направлении «Возможности для самореализации и развития талантов», в частности в госпрограмме «Развитие туризма» (2022–2030 гг.)⁵.

Эволюция политики патриотического воспитания в РФ показывает обретение ею интегративной сущности не только в силу принципиальных ценностных начал, но и ввиду комплексного характера ее нормативного базиса. Сложившаяся в РФ совокупность составляющих его актов охватывает прежде всего такие сферы государственной политики, как национальная безопасность и оборона, культурная, образовательная и молодежная политика. Заметим, что отнесение общих вопросов воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодежной политики Конституцией РФ к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. «е» ст. 72) – новация конституционной реформы 2020 г.⁶ Следовательно, в большинстве названных сфер, как и непосредственно в сфере патриотического воспита-

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации от 23.02.1996 б/н. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36349/> (дата обращения: 23.12.2023).

² См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 16.02.2001 № 122 «О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы”». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901781482> (дата обращения: 23.12.2023).

³ См.: Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901867597> (дата обращения: 23.12.2023).

⁴ См.: Законопроект № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации (в части определения целей, принципов и направлений патриотического воспитания граждан)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7> (дата обращения: 23.12.2023).

⁵ См.: Направления госпрограмм. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/home> (дата обращения: 23.12.2023).

⁶ См.: Конституция Российской Федерации (с изм. на 04.10.2022). URL: <https://docs.cntd.ru/document/9004937> (дата обращения: 23.12.2023).

ния, чрезвычайно важны «сотворчество» и взаимодополняемость усилий РФ и ее субъектов.

Практики федерального и регионального уровней последних лет свидетельствуют о существенных позитивных результатах на данном направлении. Обобщая, отнесем к ним прежде всего усиление аксиологической составляющей Конституции РФ в рамках конституционной реформы (ст. 67.1 и др.) и последовавших за ней концептуально-стратегических документов (Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. и др.), а также все более пристальное внимание субъектов Федерации к институционализации политики патриотического воспитания. В целом нормативная база патриотического воспитания в РФ, имеющая комплексный многоуровневый характер, что обусловлено спецификой данной области и федеративной формой России, включает весомое количество федеральных, региональных и муниципальных актов и документов.

Предположим, что накопление и приращение конструктивного опыта субъектов Федерации в рассматриваемом ключе могут послужить дополнительным стимулом для окончательного конституирования политики патриотического воспитания в масштабах Федерации. В этом смысле отметим принципиальность активизации и поощрения импульсов развития «снизу» для совершенствования модели общественного и государственного устройства – с неременным соблюдением принципов верховенства федерального права, этнического и иного своеобразия регионов. В обеспечении эффективной координации и взаимосвязей между различными уровнями значимую роль призваны сыграть федеральные округа. Фактически они выступают медиаторами в налаживании и поддержании совокупности межрегиональных коммуникаций. Не исключение – и сфера патриотического воспитания. Так, на уровне Приволжского

федерального округа (ПФО) реализуются проекты «Герои Отечества», «Зарница Поволжья», «Слет поисковых отрядов ПФО “Никто не забыт”», «Гвардеец»⁷. Организуется окружной образовательный форум для представителей сферы патриотического воспитания. В нормативной плоскости главная работа ведется в регионах. Однако и на уровне ПФО возникают актуальные инициативы. Сошлемся на решение, принятое на заседании Ассоциации законодательных органов субъектов Российской Федерации Приволжского федерального округа (существует с 2002 г.), об инициировании разработки проекта федерального закона «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» и его внесении на рассмотрение в Государственную Думу⁸. Отметим, что почти половина из 14 регионов в составе ПФО – национальные республики (6), 3 из них – финно-угорские: Республика Марий Эл (РМЭ), Республика Мордовия (РМ) и Удмуртская Республика (УР).

Цель данной статьи – выявление специфики процесса институционализации регионального уровня в сфере патриотического воспитания на примере финно-угорских республик ПФО. Основные задачи: общая характеристика процесса институционализации политики патриотического воспитания с учетом особенностей исторического развития Российской Федерации в постсоветский период; определение ключевых параметров эволюции подходов финно-угорских республик в рассматриваемой области, совпадений и различий между ними с артикуляцией историко-патриотического вектора; верификация координационных взаимосвязей.

Обзор литературы

Патриотическая тематика на протяжении последних лет привлекает все более пристальное внимание исследователей. Она изучается в самых разных ракурсах и с различных позиций. На постоянной основе предпринимаются попытки раскрыть

⁷ См.: Проекты. URL: <http://pfo.gov.ru/projects/> (дата обращения: 23.12.2023).

⁸ Законодатели ПФО предложили принять федеральный закон о патриотическом воспитании. URL: <https://admin.permkrai.ru/news/zakonodateli-pfo-predlozhili-prinyat-federalnyy-zakon-o-patrioticheskom-vospitanii/> (дата обращения: 23.12.2023).

смысловую и содержательную стороны патриотизма, пояснить значение патриотического воспитания для общества и государства, определить круг его субъектов и пр. В одну из доминант теоретического дискурса на текущем этапе превращается увязка с изменениями, происходящими в стране и мире в целом, постсоветской трансформацией, обеспечением национальной безопасности, сохранением и защитой традиционных ценностей и исторической правды, легитимацией консервативного дискурса идентичности, базирующегося на нарративе «государства-продолжателя» и патриотизме как консолидирующей политической ценности [9; 14; 22], динамикой патриотической легитимации в свете конституционной реформы в России 2020 г. [24], с так называемым патриотическим поворотом в политике памяти, который в зарубежной либеральной традиции далеко не всегда оценивается положительно [25]. Это касается вопросов как общегосударственного, так и регионального масштаба.

Концентрируясь на региональном уровне, можно выделить несколько групп работ. Первая ориентирована на изучение практик регионов РФ в области патриотического воспитания с артикуляцией ряда теоретико-методологических и проблемных моментов. В частности, поднимаются проблемы институциональной эффективности системы патриотического воспитания [2], дефицита гражданственности в патриотических практиках и невысокой инициативности молодежи в проектировании собственных патриотических практик [5; 6; 8], недостаточной подкрепленности манифестируемой любви к Родине и гордости за ее исторические достижения фактором «личного участия» и ответственности за происходящее в стране [10]. С другой стороны, патриотизм интерпретируется как идейное основание, объединяющее этносы и нации в рамках единого государства и выступающее движущей силой развития общественных отношений [20]. Подобная аргументация особо актуальна для национальных регионов.

Вторая группа работ затрагивает плоскость взаимодействия государства и об-

щества в реализации политики патриотического воспитания, нормативного регулирования, функционирования правительственных и неправительственных институтов. Здесь отмечаются позитивные подвижки (рост активности молодежных организаций, волонтерского движения и пр.) [3], анализируется практический опыт военно- и гражданско-патриотического воспитания в общественных объединениях [4; 12; 17]. Нормативный аспект, особенно в региональном разрезе, интересует авторов в меньшей степени, о чем свидетельствует наличие применительно к этому вектору лишь отдельных публикаций [1]. В целом акцентируются направления патриотического воспитания в субъектах РФ, такие как военно-патриотическое, краеведческое и художественное, роль акторов в рамках каждого из них [19].

Конкретизируем некоторые позиции, чьи авторы концентрируются на проявлении определенных детерминант и характеристик, показательных в ракурсе постсоветского развития. Так, А. С. Титов и Д. К. Григорян подчеркивают важность позитивного опыта регионов, отстаивающих императивы патриотического воспитания как конституирующего элемента гражданской идентичности [21]. Д. А. Казанцев, Т. А. Асеева и Д. А. Качусов, изучая специфику формирования у молодых людей гражданской идентичности и патриотических чувств как основ легитимации политических институтов и структур, выявляют тенденцию к нивелированию в деятельности патриотических организаций этнического и локального компонентов [16].

Третья группа охватывает исследования, непосредственно посвященные опыту РМЭ, РМ и УР в сфере патриотического воспитания. Сразу оговоримся, что пока подобных работ относительно мало. Как правило, их авторы обращаются к отдельным аспектам интересующей нас проблематики, довольно часто – к историко-патриотической работе с молодежью, формированию ее исторического сознания [11; 18]. Особо отметим научные публикации, в которых опыт соответствующих регионов проанали-

зировав более предметно и системно [7; 13; 23]. М. Н. Казаковой и И. Г. Напалковой предложена аргументированная классификация механизмов политики патриотического воспитания [15]. Однако указанные работы появились некоторое время назад и, следовательно, не отражают в полной мере существенные новации, в том числе в нормативно-институциональном измерении.

Подытоживая, констатируем наличие лагун в исследуемом проблемном поле. В существующих работах недостаточно четко показаны сложность структуры системы патриотического воспитания и ее ключевые компоненты, корреляции уровней. За некоторыми исключениями из поля зрения авторов «выпадает» окружной уровень патриотических практик. Это обусловлено разными причинами, не в последнюю очередь – невнятистью политико-правового статуса федеральных округов. Не всегда прослеживается увязка эволюции политики патриотического воспитания с новыми тенденциями внутреннего и внешнего происхождения. По нашему мнению, требуются дополнительные усилия в плоскости исторического и политико-правового анализа данной проблематики, тем более что регионы «опережают» Федерацию в законодательной институционализации политики патриотического воспитания.

Материалы и методы

Главными источниками исследования явились нормативные правовые акты (НПА) и концептуально-стратегические документы Российской Федерации и субъектов Федерации в анализируемой области, материалы официального сайта полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе, официальных сайтов/порталов органов государственной власти финно-угорских республик – субъектов РФ в рамках ПФО, данные информационно-правовых и справочно-правовых систем.

Основные методы исследования – сравнительного, синхронного и диа-

хронного анализа, качественного анализа документов, декомпозиции и кейс-стади. Благодаря их использованию были выделены и систематизированы общие и особенные черты в эволюции подходов к институционализации политики патриотического воспитания в указанных субъектах РФ, определена совокупность НПА, регулирующих ее ключевые вопросы, акцентирована взаимосвязь осуществляемых в субъектах РФ патриотических проектов федерального, окружного и регионального уровней. Поставленная проблема рассматривалась как многоаспектная, комплексная ввиду влияния совокупности факторов внутреннего и внешнего плана. Конкретизировались параметры иерархической структуры системы патриотического воспитания в РФ, сложившейся к настоящему времени.

Были отобраны и изучены в обозначенном ракурсе случаи (кейсы) трех финно-угорских республик в составе ПФО. Все они являются национально-государственными образованиями со сложным этнонациональным составом населения и значительным представительством титульных этносов (большим по сравнению с Республикой Карелия и Республикой Коми); дотационными субъектами. Межрегиональные диспропорции и внутренние трудности, безусловно, могут рассматриваться как сдерживающие факторы общего процесса институционализации, особенно если рассуждать о потенциале повышения общественной активности. История пребывания республик в составе Российского государства насчитывает много столетий. Они располагаются достаточно далеко от государственных границ РФ и относительно удалены от Москвы, но находятся довольно близко друг от друга. Названные республики являлись тыловыми территориями в годы Великой Отечественной войны, внесшими весомый вклад в достижение общей Победы. Трудовой и ратный подвиг их жителей и населенных пунктов отмечен на самом высоком уровне. Следует вспомнить, что столица Удмуртской Республики

Ижевск еще в 2020 г. обрела почетное звание «Город трудовой доблести»⁹.

Есть серьезные различия между республиками в символических политических характеристиках. Так, согласно опубликованному в ноябре 2023 г. Агентством политических и экономических коммуникаций (АПЭК) рейтингу влияния глав субъектов РФ главы республик занимают места: 34-е (Глава Республики Мордовия А. А. Здунов), 36-е (Глава Удмуртской Республики А. В. Бречалов) – это зона сильного влияния; 86-е (Глава Республики Марий Эл Ю. В. Зайцев) – зона среднего влияния¹⁰. X рейтинг эффективности управления в субъектах РФ по итогам 2022 г., подготовленный АПЭК, свидетельствует, что названные регионы оказались в разных группах: наиболее высокие позиции заняла РМ (общий итог – 30-е место, политико-управленческий блок – 21-е, социальный – 24-е, финансово-экономический – 42-е); в проблемной группе (70–79-е места) остается РМЭ (75, 77, 53 и 77-е места по блокам соответственно; прирастила балл эффективности); в группе аутсайдеров (80–89-е места) – УР (84, 75, 80 и 86-е места; ухудшила позиции)¹¹. Приведенные показатели нельзя считать доминантными для сферы патриотического воспитания, но они могут быть дополнительными аргументами для федерального центра при принятии определенных решений.

Хронологические рамки исследования – 2010/2012–2023 гг. Нижняя граница обусловлена активизацией в патриотической плоскости различных акторов федерального и регионального уровней, усилением тенденции к конституированию государственной политики в области патриотического воспитания, что отразилось на их дискурсивных практиках и воплотилось в содержании и результатах общественно-политической и законо-

дательной деятельности. Важный драйвер – ухудшение внешней среды и, как следствие, новые потребности власти в преобразовании ранее декларируемых и внедряемых подходов (к образованию, культуре и пр.) во внутреннем измерении, что существенно затронуло также сферу политики патриотического воспитания. Принципиально значимые события в указанных рамках во внутреннем и внешнем измерениях – «Русская весна», конституционная реформа, создание единой системы публичной власти, начало СВО, вхождение новых регионов в состав РФ. Во внутреннем контексте в этот период произошли существенные изменения в составе правящих элит всех трех республик и частичные изменения в структуре органов власти и управления.

Результаты исследования и их обсуждение

Законодательная институционализация политики патриотического воспитания на уровне субъектов РФ – важный отличительный параметр общего процесса институционализации в данной сфере в масштабах Федерации. Проиллюстрируем его с учетом разных групп субъектов (табл. 1).

В абсолютном большинстве субъектов РФ (61 из 89) на текущий момент приняты профильные законы, регулирующие довольно широкий круг вопросов либо отдельные вопросы в сфере патриотического воспитания: в 18 республиках, 8 краях, 28 областях, 2 городах федерального значения, в Еврейской АО, во всех 4 автономных округах. Некоторое промедление демонстрирует прежде всего значительная группа государственно-территориальных образований, в первую очередь областей в составе РФ. Это касается и отдельных республик.

В хронологическом разрезе обнаруживается несколько иная картина. «Пио-

⁹ См.: Указ о присвоении почетного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63596> (дата обращения: 19.12.2023).

¹⁰ См.: Рейтинг влияния глав субъектов РФ. Российские регионы и региональная политика в ноябре 2023 года. URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=101&ELEMENT_ID=8982 (дата обращения: 19.12.2023).

¹¹ См.: Орлов Д., Туровский Р. X Рейтинг эффективности управления в субъектах РФ в 2022 году. URL: <https://regcomment.ru/regions/rossiya/h-rejting-effektivnosti-upravleniya-v-subektah-rf-v-2022-godu/> (дата обращения: 19.12.2023).

Table 1. Legislative acts of the subjects of the Russian Federation in the field of patriotic education

Субъекты РФ / Subjects of the Russian Federation	Наличие (+) / отсутствие (-) профильных законодательных актов, при наличии – год принятия / Availability (+) / absence (-) of relevant legislative acts, if available – the year of adoption
Республики / Republics	
Республика Адыгея (Адыгея) / Republic of Adygea (Adygea)	+ 2015
Республика Алтай / Republic of Altai	+ 2015
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	+ 2023
Республика Бурятия / Republic of Buryatia	+ 2015
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	+ 2018
Донецкая Народная Республика / Donetsk People's Republic	Разработан законопроект / A draft law has been developed
Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	+ 2019
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkarian Republic	–
Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	–
Карачаево-Черкесская Республика / Karachay-Cherkess Republic	+ 2016
Республика Карелия / Republic of Karelia	–
Республика Коми / Komi Republic	+ 2015
Республика Крым / Republic of Crimea	+ 2022
Луганская Народная Республика / Luhansk People's Republic	+ 2015
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	–
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	+ 2023
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	+ 2022
Республика Северная Осетия – Алания / Republic of North Ossetia – Alania	+ 2017
Республика Татарстан (Татарстан) / Republic of Tatarstan (Tatarstan)	+ 2023
Республика Тыва / Republic of Tyva	+ 2018
Удмуртская Республика / Udmurt Republic	+ 2018
Республика Хакасия / Republic of Khakassia	+ 2016
Чеченская Республика / Chechen Republic	–
Чувашская Республика – Чувашия / Chuvash Republic – Chuvashia	+ 2022
Края / Territory	
Алтайский край / Altai Territory	+ 2016
Забайкальский край / Trans-Baikal Territory	+ 2017
Камчатский край / Kamchatka Territory	–
Краснодарский край / Krasnodar Territory	+ 2013
Красноярский край / Krasnoyarsk Territory	+ 2021
Пермский край / Perm Territory	+ 2018
Приморский край / Primorsky Territory	+ 2016
Ставропольский край / Stavropol Territory	+ 2021
Хабаровский край / Khabarovsk Territory	+ 2018
Области / Regions	
Амурская область / Amur Region	–
Архангельская область / Arkhangelsk Region	Разработан законопроект / A draft law has been developed
Астраханская область / Astrakhan Region	+ 2023
Белгородская область / Belgorod Region	–
Брянская область / Bryansk Region	+ 2015
Владимирская область / Vladimir Region	+ 2015
Волгоградская область / Volgograd Region	+ 2016
Вологодская область / Vologda Region	+ 2020
Воронежская область / Voronezh Region	+ 2010
Запорожская область / Zaporozhye Region	–
Ивановская область / Ivanovo Region	Разработан законопроект / A draft law has been developed
Иркутская область / Irkutsk Region	+ 2023
Калининградская область / Kaliningrad Region	Разработан законопроект / A draft law has been developed
Калужская область / Kaluga Region	+ 2013
Кемеровская область – Кузбасс / Kemerovo Region – Kuzbass	–
Кировская область / Kirov Region	–
Костромская область / Kostroma Region	+ 2023
Курганская область / Kurgan Region	+ 2018
Курская область / Kursk Region	+ 2016
Ленинградская область / Leningrad Region	+ 2015

Липецкая область / Lipetsk Region	+ 2018
Магаданская область / Magadan Region	–
Московская область / Moscow Region	+ 2015
Мурманская область / Murmansk Region	Разработан законопроект / A draft law has been developed
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	+ 2016
Новгородская область / Novgorod Region	–
Новосибирская область / Novosibirsk Region	+ 2015
Омская область / Omsk Region	–
Оренбургская область / Orenburg Region	–
Орловская область / Oryol Region	+ 2015
Пензенская область / Penza Region	+ 2020
Псковская область / Pskov Region	+ 2023
Ростовская область / Rostov Region	+ 2016
Рязанская область / Ryazan Region	+ 2015
Самарская область / Samara Region	–
Саратовская область / Saratov Region	+ 2020
Сахалинская область / Sakhalin Region	Разработан законопроект / A draft law has been developed
Свердловская область / Sverdlovsk Region	+ 2016
Смоленская область / Smolensk Region	+ 2014
Тамбовская область / Tambov Region	Обсуждается необходимость / The need is being discussed
Тверская область / Tver Region	+ 2017
Томская область / Tomsk Region	–
Тульская область / Tula Region	–
Тюменская область / Tyumen Region	+ 2015
Ульяновская область / Ulyanovsk Region	+ 2014
Херсонская область / Kherson Region	–
Челябинская область / Chelyabinsk Region	–
Ярославская область / Yaroslavl Region	+ 2016
Города федерального значения / Cities of federal significance	
Москва / Moscow	–
Санкт-Петербург / Saint-Petersburg	+ 2016
Севастополь / Sevastopol	+ 2018
Автономная область / Autonomous Region	
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	+ 2015
Автономные округа / Autonomous districts	
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous district	+ 2015
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра / Khanty-Mansiysk Autonomous district – Yugra	+ 2015
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous district	+ 2022
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenets Autonomous district	+ 2017

* В таблице имеются в виду лишь профильные НПА в сфере патриотического воспитания. Кроме них в субъектах РФ приняты иные законы, регулирующие вопросы молодежной политики, культуры, спорта и пр., затрагивающие данную сферу. Указанные акты носят различные названия («О патриотическом воспитании», «Об отдельных вопросах патриотического воспитания» и др.).

Источник: Данные информационно-правовых систем «Официальное опубликование правовых актов» (<http://publication.pravo.gov.ru/>) и «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов» (<https://docs.cntd.ru/>).

Source: Data from the legal reference systems “Official publication of legal acts” (<http://publication.pravo.gov.ru/>) and the “Electronic Fund of Legal and Regulatory documents” (<https://docs.cntd.ru/>).

нерами» в рассматриваемой плоскости выступили именно государственно-территориальные образования – ряд краев и областей в составе РФ (Воронежская область в 2010 г., Калужская область и Краснодарский край в 2013 г., Смоленская и Ульяновская области в 2014 г.). В 2015 г. начинается «повышательная» волна как для других групп субъектов, так и для остальных

государственно-территориальных образований. Кульминационный период по охвату субъектов – 2015–2016 гг. (16 и 11 соответственно). Еще два пиковых значения приходятся на 2018 (8) и 2023 (7) гг., а по двухлетним интервалам – на 2017–2018 (4 и 8) и 2022–2023 (4 и 7) гг. Очевидно, что процесс законотворчества в этом направлении продолжится – в ближайшее

время соответствующие законопроекты намерены обсудить еще несколько субъектов РФ.

В обеспечении эффективной координации и взаимосвязей между различными уровнями значимую роль призваны сыграть федеральные округа. Фактически они выступают медиаторами в налаживании и поддержании совокупности межрегиональных коммуникаций. Не исключение – и сфера патриотического воспитания. Так, на уровне Приволжского федерального округа (ПФО) реализуются проекты «Герои Отечества», «Зарница Поволжья», «Слет поисковых отрядов ПФО “Никто не забыт”», «Гвардеец». Организуется окружной образовательный форум для представителей сферы патриотического воспитания.

Регионы финно-угорского пространства России в целом вписываются в общую схему динамики процесса (за исключением республик Карелия и Марий Эл). Ранее других из числа рассматриваемых в данной статье субъектов РФ профильный закон приняла УР (2018 г.).

Обозначив некоторые общесистемные параметры, перейдем к анализу непосредственно практик РМЭ, РМ и УР, фокусируясь не только на динамических компонентах, но и на степени внимания законодателя к историко-патриотическому вектору.

Республика Марий Эл

Несмотря на отсутствие профильного закона, в республике сложилась необходимая нормативная база в сфере патриотического воспитания (табл. 2).

Государственная программа РМЭ исходит из утверждения значимости россий-

ского патриотизма для граждан России как духовного ориентира, способствующего сохранению и развитию гордости за героическое прошлое России, приобщению к боевым и трудовым традициям, формированию причастности к историческим свершениям российского общества. В программе актуализирована проблема патриотического воспитания граждан в условиях второго десятилетия XXI в. – в ракурсе консолидации российского общества, укрепления национальной безопасности и формирования российской гражданской идентичности. В свете нашего исследования акцентируем также некоторые ожидаемые результаты реализации подпрограммы 1 – увеличение количества молодых людей, вовлеченных в деятельность поисковых отрядов и объединений; обеспечение участия делегаций РМЭ в окружных и федеральных конкурсных мероприятиях патриотической направленности¹².

В практической плоскости выделим одно из многих достижений РМЭ – она вошла в число первых 10 российских регионов, успешно исполнивших президентское поручение о создании центров «Авангард». В целом на территории республики действуют 5 патриотических центров, 105 военно-патриотических клубов, более 150 юнармейских отрядов. Поддерживаются деятельность региональных отделений всероссийских военно-патриотических объединений «Юнармия», «Поисковое движение России», «Волонтеры Победы», взаимодействие с ветеранскими организациями республики¹³. Проводятся разнообразные патриотические мероприятия (слет военно-патриотических объединений РМЭ, патриотический форум «Время твоих Побед!» и пр.). Примечательны активное участие в патриотической работе представителей общественных национальных организаций, востребованность этнокультурного аспекта гражданско-

¹² См.: Постановление Правительства Республики Марий Эл от 10.10.2016 № 440 «О государственной программе Республики Марий Эл “Патриотическое воспитание граждан и допризывная подготовка молодежи к военной службе” на 2016–2025 годы» (с изм. на 04.04.2023). URL: <https://docs.cntd.ru/document/441766841> (дата обращения: 24.12.2023).

¹³ См.: Марий Эл занимает лидирующие позиции по военно-патриотическому воспитанию молодежи. URL: <https://mariel-news.net/society/2023/11/24/81808.html> (дата обращения: 24.12.2023).

Таблица 2. Нормативная база политики патриотического воспитания в Республике Марий Эл*

Table 2. The regulatory framework of the policy of patriotic education in the Republic of Mari El

НПА / The regulatory framework	Выраженность патриотической составляющей / The severity of the patriotic component
<p>Конституция Республики Марий Эл от 24.06.1995 (с изм. на 19.10.2023) /</p> <p>The Constitution of the Republic of Mari El dated 24.06.1995 (as amended on 19.10.2023)</p>	<p>Положения о подтверждении исторического единства с народами России (преамбула) и об обязанности заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ч. 3 ст. 44) /</p> <p>Provisions on the confirmation of historical unity with the peoples of Russia (preamble) and on the obligation to take care of the preservation of historical and cultural heritage, to protect historical and cultural monuments (Part 3 of Article 44)</p>
<p>Закон Республики Марий Эл от 28.10.2021 № 54-З «О молодежной политике в Республике Марий Эл» (предшествующий НПА – Закон Республики Марий Эл от 29.09.1998 № 94-З «О государственной молодежной политике в Республике Марий Эл» /</p> <p>Law of the Republic of Mari El No. 54-Z dated 28.10.2021 “About youth policy in the Republic of Mari El” (the previous NPA is the Law of the Republic of Mari El dated 29.09.1998 No. 94-Z “On State Youth Policy in the Republic of Mari El”)</p>	<p>К основным направлениям реализации молодежной политики отнесено среди прочего воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации (ст. 7) /</p> <p>The main directions of the implementation of youth policy include, among other things, the education of citizenship, patriotism, continuity of traditions, respect for national history, historical, national and other traditions of the peoples of the Russian Federation (Article 7)</p>
<p>Закон Республики Марий Эл от 01.12.1997 № 51-З «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в Республике Марий Эл» (с изм. на 05.05.2021) /</p> <p>Law of the Republic of Mari El dated 01.12.1997 No. 51-Z “On state support for youth and children's public associations in the Republic of Mari El” (as amended on 05.05.2021)</p>	<p>Среди принципов государственной поддержки молодежных и детских объединений – приоритет общих гуманистических и патриотических ценностей (ст. 3) /</p> <p>Among the principles of state support for youth and children's associations is the priority of common humanistic and patriotic values (Article 3)</p>
<p>Постановление Правительства Республики Марий Эл от 10.10.2016 № 440 «О государственной программе Республики Марий Эл “Патриотическое воспитание граждан и допризывная подготовка молодежи к военной службе” на 2016–2025 годы» (с изм. на 04.04.2023) (предшествующие документы – республиканские целевые программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации, проживающих в Республике Марий Эл, на 2001–2005, 2006–2010 и 2011–2015 гг.) /</p> <p>Resolution of the Government of the Republic of Mari El dated 10.10.2016 No. 440 “On the State program of the Republic of Mari El “Patriotic education of citizens and pre-conscription training of youth for military service” for 2016–2025” (as amended on 04.04.2023) (previous documents – republican target programs for patriotic education of citizens of the Russian Federation living in in the Republic of Mari El, for 2001–2005, 2006–2010 and 2011–2015)</p>	<p>Цели госпрограммы предполагают обеспечение условий для развития патриотического воспитания граждан, формирования потребности в ценностях патриотизма как основополагающего условия воспроизводства у современных поколений мотивов и смыслов созидания и защиты Отечества; воспитание патриотизма, уважения к историческому прошлому России и ее Вооруженных Сил и др. Включает подпрограммы 1 «Патриотическое воспитание граждан» и 2 «Допризывная подготовка молодежи к военной службе» /</p> <p>The goals of the state program are to provide conditions for the development of patriotic education of citizens, the formation of the need for the values of patriotism as a fundamental condition for the reproduction of motives and meanings of creation and protection of the Fatherland among modern generations; education of patriotism, respect for the historical past of Russia and its Armed Forces, etc. It includes subprograms 1 “Patriotic education of citizens” and 2 “Pre-conscription training of young people for military service”</p>

* Приведены данные по региональным НПА, хотя все они основываются на предписаниях федерального права.

Источник: Данные информационно-правовых систем «Официальное опубликование правовых актов» (<http://publication.pravo.gov.ru/>) и «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов» (<https://docs.cntd.ru/>).

Source: Data from the legal reference systems “Official publication of legal acts” (<http://publication.pravo.gov.ru/>) and the “Electronic Fund of Legal and Regulatory documents” (<https://docs.cntd.ru/>).

патриотического воспитания¹⁴. В качестве субъектов патриотического воспитания выступают органы государственного управления (особую роль играет Комитет молодежной политики РМЭ), образовательные организации, учреждения культуры (Дворец молодежи республики и др.), молодежной политики, общественные объединения и иные организации (Центр патриотического воспитания и спорта, Союз детских и подростковых организаций «Эр вий» – «Юная сила» и др.). Большое значение в целом в РМЭ придается институциональному уровню системы патриотического воспитания. Работает Межведомственный координационный совет по патриотическому воспитанию граждан.

В абсолютном большинстве субъектов РФ (61 из 89) на текущий момент приняты профильные законы, регулирующие довольно широкий круг вопросов либо отдельные вопросы в сфере патриотического воспитания: в 18 республиках, 8 краях, 28 областях, 2 городах федерального значения, в Еврейской АО, во всех 4 автономных округах. Некоторое промедление демонстрирует значительная группа государственно-территориальных образований, в первую очередь областей в составе РФ. Это касается и отдельных республик.

Итак, нормативные основы политики патриотического воспитания, реализуемой в РМЭ, сложились еще в период 1990-х гг. Однако они были существенно расширены в более позднее время, причем кульминационные события произошли в 2016–2021 гг. В последующем в действующие акты и документы были внесены

изменения, поддерживающие тренд на укрепление общероссийских патриотических ориентаций. Преимущественно политика патриотического воспитания в РМЭ интерпретируется в рамках молодежной политики. Отличительная характеристика республики при этом – непрерывность в разработке и осуществлении профильных программ патриотического воспитания начиная с 2001 г. Историко-патриотический вектор в действующих актах и документах обозначен, но не столь явно. С другой стороны, четко проводится связь с современными вызовами и угрозами, к которым они адаптированы в достаточной мере.

Республика Мордовия

Нормативная база РМ в сфере патриотического воспитания образуется совокупностью НПА, в том числе профильным законом (табл. 3).

Отметим нацеленность Закона РМ «О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Республике Мордовия» на консолидацию общества для решения задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития РФ; укрепление чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России; обеспечение преемственности поколений и пр. Осязаемая историко-патриотическая составляющая прослеживается в формулировках задач и направлений деятельности в области патриотического и духовно-нравственного воспитания. В частности, речь идет об организации и проведении мероприятий, связанных с днями воинской славы России и памяtnыми датами России и РМ, увековечением памяти российских воинов и воинов – уроженцев РМ, отличившихся в сражениях; проведении поисковых мероприятий, патриотических акций; установлении и благоустройстве памятников, обелисков, других мемориальных сооружений и объектов (ст. 3)¹⁵.

¹⁴ См.: Взаимодействие с детскими и молодежными общественными объединениями. URL: <http://www.dm-mari.ru/tpost/hdcuygoi41-vzaimodeistvie-s-detskimi-i-molodezhnimi> (дата обращения: 24.12.2023); Международный патриотический для детей и молодежи прошел в Марий Эл. URL: <https://mari-centr.ru/index.php> (дата обращения: 24.12.2023).

¹⁵ См.: Закон Республики Мордовия от 27.01.2023 № 3-3 «О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Республике Мордовия» (с изм. на 05.06.2023). URL: <https://docs.cntd.ru/document/406471840> (дата обращения: 24.12.2023).

Таблица 3. Нормативная база политики патриотического воспитания в Республике Мордовия*
 Table 3. The regulatory framework of the policy of patriotic education in the Republic of Mordovia

НПА / The regulatory framework	Выраженность патриотической составляющей / The severity of the patriotic component
Конституция Республики Мордовия от 21.09.1995 (с изм. на 03.07.2023) / The Constitution of the Republic of Mordovia dated 21.09.1995 (as amended on 03.07.2023)	Положения об осознании Мордовии частью Великой России (преамбула) и аналогично РМЭ – об обязанности заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ч. 4 ст. 42) / Provisions on the recognition of Mordovia as a part of Great Russia (preamble) and, similarly to the RME, on the obligation to take care of the preservation of historical and cultural heritage, to protect historical and cultural monuments (Part 4 of Article 42)
Закон Республики Мордовия от 27.01.2023 № 3-З «О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Республике Мордовия» (с изм. на 05.06.2023) / Law of the Republic of Mordovia dated 27.01.2023 No. 3-Z “On Patriotic and spiritual and moral education in the Republic of Mordovia” (as amended on 05.06.2023)	Раскрываются основополагающие понятия «патриотическое и духовно-нравственное воспитание» и пр.; цели, задачи, направления патриотического и духовно-нравственного воспитания и соответствующей деятельности, закрепляются полномочия органов государственной власти, возможность участия органов местного самоуправления и пр. / The fundamental concepts of “patriotic and spiritual and moral education”, etc. are revealed; goals, objectives, directions of patriotic and spiritual and moral education and related activities, the powers of state authorities, the possibility of participation of local governments, etc. are consolidated
Закон Республики Мордовия от 12.11.1996 № 36-З «О молодежной политике в Республике Мордовия» (с изм. на 05.06.2023) / Law of the Republic of Mordovia dated 12.11.1996 No. 36-Z “On Youth Policy in the Republic of Mordovia” (as amended on 05.06.2023)	В ст. 9 определяются пути формирования условий, направленных на физическое, гражданско-патриотическое, социально-культурное и духовное развитие молодежи / Article 9 defines the ways of creating conditions aimed at the physical, civil-patriotic, socio-cultural and spiritual development of youth
Постановление Правительства Республики Мордовия от 23.12.2013 № 579 «О государственной программе Республики Мордовия “Развитие культуры и туризма”» (с изм. на 13.07.2023) (срок действия – 2014–2026 гг.) (важнейшие предшествующие документы – республиканские целевые программы патриотического воспитания граждан, проживающих на территории Республики Мордовия, на 2002–2005, 2007–2010, 2012–2015 гг.) / Resolution of the Government of the Republic of Mordovia dated 23.12.2013 No. 579 “On the State program of the Republic of Mordovia “Development of Culture and Tourism” (as amended on 13.07.2023) (the most important previous documents are the republican target programs for patriotic education of citizens living in the territory of the Republic of Mordovia for 2002–2005, 2007–2010, 2012–2015)	Цель госпрограммы предполагает реализацию стратегической роли культуры как духовно-нравственного основания для формирования гармонично развитой личности, создание условий для духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан и др. Среди задач – сохранение культурного и исторического наследия. Включает подпрограмму «Патриотическое воспитание граждан, проживающих на территории Республики Мордовия» / The purpose of the state program involves the implementation of the strategic role of culture as a spiritual and moral foundation for the formation of a harmoniously developed personality, the creation of conditions for the spiritual, moral and patriotic education of citizens, etc. Among the tasks is the preservation of cultural and historical heritage. It includes the subprogram “Patriotic education of citizens living in the territory of the Republic of Mordovia”

* Приведены данные только по региональным НПА.

Источник: Данные информационно-правовых систем «Официальное опубликование правовых актов» (<http://publication.pravo.gov.ru/>) и «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов» (<https://docs.cntd.ru/>).

Source: Data from the legal reference systems “Official publication of legal acts” (<http://publication.pravo.gov.ru/>) and the “Electronic Fund of Legal and Regulatory documents” (<https://docs.cntd.ru/>).

Однако представляется не совсем удачным отказ республики от принятия новой профильной программы в сфере патриотического воспитания. Включение подпрограммы «Патриотическое воспитание

граждан, проживающих на территории Республики Мордовия» в госпрограмму «Развитие культуры и туризма» не вполне корреспондирует с положениями республиканского закона «О культу-

ре в Республике Мордовия», где вопросы патриотического воспитания не регулируются¹⁶. Вместе с тем названная госпрограмма в целом отражает общие тенденции в данной сфере. Ее главными приоритетами являются реализация стратегической роли культуры как духовно-нравственной основы развития личности и государства, единства российского общества, развитие внутреннего и въездного туризма для приобщения граждан к культурному и природному наследию, создание системы патриотического воспитания граждан, проживающих на территории РМ. При этом прослеживается приверженность «экономическому» подходу: собственно реализация данной госпрограммы привязывается к трем значимым сферам региональной экономики (культура, туризм и образование)¹⁷. Считаем желательным внедрить в программу детальные предложения по развитию патриотического туризма. Это будет отвечать и смыслу ст. 3 профильного закона, предусматривающей разработку туристских маршрутов по историческим и иным памятным местам РМ, организацию изучения краеведческого материала.

Отметим, что историко-патриотическая составляющая содержится и в госпрограмме РМ «Развитие образования в Республике Мордовия», рассчитанной на 2021–2026 гг. В число задач госпрограммы входят, в частности, формирование и развитие у обучающихся чувства патриотизма, активной гражданской позиции, сопричастности к героической истории Российского государства. Подпрограмма 2 «Развитие системы дошкольного и общего образования детей в Республике Мордовия» включает региональный проект 2.13 «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», введенный постановлением Правительства РМ 27.02.2023. Проект направлен на включение

в содержание обучения и воспитания государственных символов РФ с целью приобщения обучающихся общеобразовательных организаций РМ к российским духовно-нравственным ценностям, культуре и исторической памяти. Основное мероприятие 5.3 подпрограммы 5 «Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи в Республике Мордовия» предусматривает организацию и проведение ежегодных мероприятий военно-патриотической направленности («Движение юных патриотов» и др.). В подпрограмму 6 «Реализация молодежной политики и вовлечение молодежи в социальную практику» входит региональный проект 6.8 «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», реализуемый в рамках нацпроекта «Образование»¹⁸.

Круг субъектов патриотического и духовно-нравственного воспитания в РМ определяется достаточно широко (ст. 1 профильного закона). Образованы организационный комитет по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации как совещательный и координационный орган при Главе РМ и Общественный совет по духовно-нравственному, военно-патриотическому и гражданскому воспитанию граждан, проживающих на территории Республики Мордовия, как межведомственный орган при Правительстве РМ. Примечательна роль Мордовского республиканского молодежного центра – подведомственного учреждения Министерства спорта и молодежной политики РМ. Гражданско-патриотическая работа Центра охватывает направления «Мордовское республиканское патриотическое объединение “Поиск”» (проекты «Судьба солдата», «Вахта памяти», «Без срока давности», «Дорога к обелиску», «Нам доверена память», «Богоявленский ме-

¹⁶ См.: Закон Республики Мордовия от 02.02.2016 № 2-3 «О культуре в Республике Мордовия» (с изм. на 26.11.2021). URL: <https://docs.cntd.ru/document/432866087> (дата обращения: 24.12.2023).

¹⁷ См.: Постановление Правительства Республики Мордовия от 23.12.2013 № 579 «Об утверждении государственной программы Республики Мордовия “Развитие культуры и туризма”» (с изм. на 13.07.2023). URL: <https://docs.cntd.ru/document/460226488> (дата обращения: 24.12.2023).

¹⁸ См.: Постановление Правительства Республики Мордовия от 06.09.2021 № 416 «Об утверждении государственной программы Республики Мордовия “Развитие образования в Республике Мордовия” и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства Республики Мордовия» (с изм. на 23.11.2023). URL: <https://docs.cntd.ru/document/574868008?marker> (дата обращения: 24.12.2023).

морал»); Мордовское региональное объединение Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы» (проекты «Мобильные бригады помощи ветеранам», «Письмо Победы», «Слово Победителя. Блокада», «Моя история», «Наши победы»); всероссийское детско-юношеское общественное движение «Юнармия» (проекты «Наставничество», «Юнармеец в сети», «Спортивная игра “Победа”» и др.). Функционируют 87 поисковых отрядов¹⁹. Принято решение о создании Центра военно-патриотического воспитания «Авангард». Проводятся республиканские патриотические акции «Блокадный хлеб», «Ушаков. Россия. Флот», «Дорогами Героев», «Снежный десант» и пр. Состоялся Республиканский гражданско-патриотический форум. РМ принимает активное участие во всероссийских и окружных проектах и акциях²⁰.

Опыт Мордовии позволяет говорить о вполне выраженных корреспондирующих взаимосвязях в патриотической плоскости общероссийского, окружного и регионального уровней. Нормативная база республики в сфере патриотического воспитания также складывалась постепенно, в нее были внесены существенные коррективы на современном этапе. РМ вошла в последнюю на данный момент «волну» (2022–2023 гг.) субъектов РФ, принявших профильный закон. Законодатель трактует его назначение более объемно. Патриотическое воспитание корреспондирует с духовно-нравственным. В этом плане подход РМ сопоставим с некоторыми другими субъектами РФ, в том числе одним из «пионеров» в данной области – Краснодарским краем. В РМ, как и в РМЭ, с начала 2000-х гг. разрабатывались и действовали профильные программы, но с 2013 г. республика переориентировалась на иной подход,

предполагающий инкорпорацию вопросов патриотического воспитания в первую очередь в сферы культуры, туризма и образования, которые одновременно парадоксально мыслятся с экономико-центричных позиций. В этом, как думается, есть серьезное противоречие с установками, декларируемыми законом 2023 г. Есть некоторые институциональные отличия опыта РМ в плоскости создания координационных органов.

Удмуртская Республика

Нормативная база УР в рассматриваемой сфере также образуется рядом законов и подзаконных актов (табл. 4).

В профильном законе УР артикулирован историко-патриотический аспект. Так, в довольно обширный перечень задач патриотического воспитания включены формирование и утверждение в общественном сознании уважения к культуре, традициям и истории населяющих Россию народов, их историческому прошлому; создание условий для активного вовлечения граждан, некоммерческих организаций и иных общественных объединений в мероприятия историко-патриотической, героико-патриотической и гражданско-патриотической направленности и др. В свете современных событий весьма актуален акцент на усилении патриотической направленности в работе средств массовой информации при освещении событий и явлений общественной жизни, предотвращении манипулирования информацией, искажения и фальсификации военной истории. Историко-патриотическое воспитание выделено в качестве одного из основных направлений патриотического воспитания. Подчеркивается его направленность на активизацию интереса к изучению истории, повышение уровня знания и уважения к российской истории и культуре, ее героям, развитие краеведе-

¹⁹ См.: Гражданско-патриотическое направление. URL: <http://mmordovii.mytrusite.com/napravleniya/grazhdansko-patrioticheskoe-napravlenie> (дата обращения: 24.12.2023).

²⁰ См.: В Мордовии реализуется проект по патриотическому воспитанию. URL: <https://vestnik-rm.ru/articles/obshchestvo/v-mordovii-realizuetsya-proekt-po-patrioticheskomu-vozpitaniiyu> (дата обращения: 24.12.2023); В Республике Мордовия завершился Республиканский гражданско-патриотический форум. URL: <https://saransk-news.net/society/2023/10/24/182357.html> (дата обращения: 24.12.2023); Реализация проекта «Патриотическое воспитание граждан» в Мордовии. URL: <https://izvmor.ru/novosti/natsproekty/realizacziya-proekta-patrioticheskoe-vozpitanie-grazhdan-v-mordovii/> (дата обращения: 24.12.2023).

Таблица 4. Нормативная база политики патриотического воспитания в Удмуртской Республике (Начало)*

Table 4. The regulatory framework of the policy of patriotic education in the Udmurt Republic (Start)

НПА / The regulatory framework	Выраженность патриотической составляющей / The severity of the patriotic component
<p>Конституция Удмуртской Республики от 07.12.1994 (с изм. на 13.11.2023) /</p> <p>The Constitution of the Udmurt Republic dated 07.12.1994 (as amended on 13.11.2023)</p>	<p>Положения о воле народа Удмуртской Республики к сохранению исторически сложившейся государственности и признанию народа Удмуртской Республики частью многонационального народа Российской Федерации (преамбула); о создании органами государственной власти Удмуртской Республики условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим... (ч. 3 ст. 6 – введена в 2021 г.) /</p> <p>Provisions on the will of the people of the Udmurt Republic to preserve the historically established statehood and recognition of the people of the Udmurt Republic as part of the multinational people of the Russian Federation (preamble); on the creation by the state authorities of the Udmurt Republic of conditions conducive to the comprehensive spiritual, moral, intellectual and physical development of children, education in them patriotism, citizenship and respect for elders... (Part 3 Article 6 – introduced in 2021)</p>
<p>Закон Удмуртской Республики от 25.12.2018 № 91-ПЗ «О патриотическом воспитании в Удмуртской Республике» (с изм. на 14.11.2023) /</p> <p>Law of the Udmurt Republic No. 91-RZ dated 25.12.2018 “On patriotic education in the Udmurt Republic” (as amended on 14.11.2023)</p>	<p>Цели патриотического воспитания – формирование у граждан патриотических ценностей, развитие у них высокой социальной активности, гражданской ответственности, способности проявить себя в укреплении и защите государства, обеспечении его жизненно важных интересов и устойчивого развития; законом закрепляется адресный подход к формированию патриотизма, предполагающий использование особых форм и методов работы с каждой возрастной, социальной, профессиональной и другими группами граждан (ст. 4) /</p> <p>The goals of patriotic education are the formation of patriotic values among citizens, the development of high social activity, civic responsibility, and the ability to express themselves strengthening and protecting the state, ensuring its vital interests and sustainable development; the law establishes a targeted approach to the formation of patriotism, involving the use of special forms and methods of work with each age, social, professional and other groups of citizens (Article 4)</p>

ния, укрепление чувства сопричастности к деяниям предков, исторической ответственности за происходящее в обществе и государстве, развитие национального самосознания и уважение национального достоинства граждан²¹. Отметим внимание к историко-патриотической составляющей в Законе о реализации молодежной политики, прежде всего в ст. 4 и 13²².

Историко-патриотический вектор прослеживается и в подпрограмме «Патриотическое воспитание и подготовка молодежи к военной службе» соответствующей госпрограммы УР. В частности, среди ее задач – укрепление чувства сопричастности граждан к истории и культуре своей страны, сохранение преемственности поколений²³. В то же время,

²¹ См.: Закон Удмуртской Республики от 25.12.2018 № 91-ПЗ «О патриотическом воспитании в Удмуртской Республике» (с изм. на 14.11.2023). URL: <https://docs.cntd.ru/document/550295919> (дата обращения: 24.12.2023).

²² См.: Закон Удмуртской Республики от 11.10.2021 № 107-ПЗ «О реализации молодежной политики в Удмуртской Республике» (с изм. на 14.11.2023). URL: <https://docs.cntd.ru/document/577923646> (дата обращения: 24.12.2023).

²³ См.: Постановление Правительства Удмуртской Республики от 28.09.2015 № 460 «О государственной программе Удмуртской Республики “Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики”» (с изм. на 23.01.2023). URL: <https://docs.cntd.ru/document/432804621> (дата обращения: 24.12.2023).

Таблица 4. Нормативная база политики патриотического воспитания в Удмуртской Республике* (Окончание)

Table 4. The regulatory framework of the policy of patriotic education in the Udmurt Republic (Finish)

<p>Закон Удмуртской Республики от 11.10.2021 № 107-РЗ «О реализации молодежной политики в Удмуртской Республике» (с изм. на 14.11.2023) (заменил Закон Удмуртской Республики от 29.12.2005 № 79-РЗ «О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике») /</p> <p>The Law of the Udmurt Republic from 11.10.2021 No. 107-RZ “On the implementation of youth Policy in the Udmurt Republic” (as amended on 14.11.2023) (replaced the Law of the Udmurt Republic dated 29.12.2005 No. 79-RZ “On State Youth Policy in the Udmurt Republic”)</p>	<p>Согласно ст. 4 одно из основных направлений реализации молодежной политики в республике – воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации (ст. 3 предшествующего акта намечала лишь создание условий для патриотического воспитания молодежи, причем это направление располагалось не на 1-м, а на 10-м месте) /</p> <p>According to Article 4, one of the main directions of the implementation of youth policy in the republic is the education of citizenship, patriotism, continuity of traditions, respect for national history, historical, national and other traditions of the peoples of the Russian Federation (Article 3 of the previous act outlined only the creation of conditions for patriotic education of youth, and this direction was located not on the 1st, but in 10th place)</p>
<p>Постановление Правительства Удмуртской Республики от 28.09.2015 № 460 “О государственной программе Удмуртской Республики “Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики”» (с изм. на 23.01.2023) (срок действия – 2015–2025 гг.) (важнейшие предшествующие документы – республиканские целевые программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации, проживающих на территории Удмуртской Республики, на 2003–2005, 2006–2009, 2010–2014 гг.; государственные программы “Развитие физической культуры, спорта и туризма» на 2013–2020 гг. и “Реализация молодежной политики”» /</p> <p>Resolution of the Government of the Udmurt Republic dated 28.09.2015 No. 460 “On the State program of the Udmurt Republic “Development of Physical Culture, Sports and Youth Policy” (as amended on 23.01.2023) (valid for 2015–2025) (the most important previous documents are the republican target programs for patriotic education of citizens of the Russian Federation living in the territory of the Udmurt Republic, on 2003–2005, 2006–2009, 2010–2014; state programs “Development of physical culture, sports and tourism” for 2013–2020 and “Implementation of youth policy”</p>	<p>Среди целей госпрограммы – вовлечение граждан Удмуртии в процесс возрождения духовного, патриотического становления в интересах укрепления единства нации, формирование сознательного отношения к выполнению конституционных обязанностей. Одна из задач – развитие системы патриотического воспитания граждан РФ, проживающих на территории УР. Включает подпрограмму «Патриотическое воспитание и подготовка молодежи к военной службе». Цель подпрограммы – совершенствование системы патриотического воспитания с учетом инновационных технологий и механизмов воспитания патриотизма в современных условиях /</p> <p>Among the goals of the state program is to involve the citizens of Udmurtia in the process of reviving spiritual and patriotic formation in the interests of strengthening the unity of the nation, forming a conscious attitude to fulfilling constitutional duties. One of the tasks is to develop a system of patriotic education for citizens of the Russian Federation living in the territory of the Udmurt Republic. It includes the subprogram “Patriotic education and preparation of youth for military service”. The purpose of the subprogram is to improve the system of patriotic education, taking into account innovative technologies and mechanisms for the education of patriotism in modern conditions</p>

* Приведены данные только по региональным НПА.

Источник: Данные информационно-правовых систем «Официальное опубликование правовых актов» (<http://publication.pravo.gov.ru/>) и «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов» (<https://docs.cntd.ru/>).

Source: Data from the legal reference systems “Official publication of legal acts” (<http://publication.pravo.gov.ru/>) and the “Electronic Fund of Legal and Regulatory documents” (<https://docs.cntd.ru/>).

как и в РМ, в УР, вероятно, было бы более целесообразно вернуться к профильным программам в сфере патриотического воспитания. Разумеется, сферы, ею охватываемые, тесно взаимосвязаны. Однако в перечне задач госпрограммы собственно развитие системы патриотического воспитания граждан РФ, проживающих на территории УР, находится не на 1-м

месте (на 5-м) и несколько «теряется» на фоне довольно большого общего списка. Если рассуждать о госпрограмме как об инструменте реализации законодательно установленных ориентиров, то следует заметить, что она видится не вполне адекватной предписаниям профильного закона. Это касается и подхода РМ к программно-целевым продуктам.

Эволюция политики патриотического воспитания в РФ показывает обретение ею интегративной сущности не только в силу принципиальных ценностных начал, но и ввиду комплексного характера ее нормативного базиса. Сложившаяся в РФ совокупность составляющих его актов охватывает прежде всего такие сферы государственной политики, как национальная безопасность и оборона, культурная, образовательная и молодежная политика.

Круг субъектов патриотического воспитания в УР ст. 5 профильного закона определяется еще более широко, чем в двух других республиках. Действует межведомственный координационный орган по организации патриотического воспитания в Удмуртской Республике. Важные функции осуществляет Молодежный центр УР, проводящий Республиканскую спартакиаду «Гвардия» на кубок имени М. Т. Калашникова, Республиканский смотр-конкурс по строевой подготовке «Равняемся на Героев», Республиканскую гражданско-патриотическую акцию «Во славу Отечества» и др. Реализуются проекты «Судьба солдата. Онлайн», #СтраныПобеды, «Военный урок» и др.²⁴ Большое внимание уделяется участию в окружных проектах и всероссийских акциях («Дорога памяти» и др.). На территории республики организуются смены военно-исторического лагеря «Страна Героев». Создан и функционирует Центр военно-патриотического воспитания молодежи «Авангард». Активно развиваются юнармейское и поисковые движения

(Удмуртская республиканская молодежная организация «Долг» и др.), кадетское образование²⁵. Упомянем о патриотическом форуме «Сохраняя историю» при грантовой поддержке Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых» (ноябрь 2023 г.)²⁶.

Опыт УР в нормативной плоскости весьма показателен и может трактоваться применительно к современности как менее противоречивый и более целостный в сравнении с двумя другими республиками. Профильный закон по своему содержанию и закрепляемому инструментарию отражает не только общие установки, но и особенности патриотического воспитания на разных направлениях, в том числе историко-патриотическом. Ключевой период для коррекции ранее сложившихся нормативных основ – 2015–2018 гг. Также важной вехой на этом пути можно признать принятие в 2021 г. Закона «О реализации молодежной политики в Удмуртской Республике». Однако УР, как и РМ, в 2015 г. отказалась от профильных программ в сфере патриотического воспитания. Уязвимости действующей в данной области госпрограммы могут побудить законодателя к дальнейшему совершенствованию нормативной базы.

Приведенные данные не охватывают всей совокупности нормативных актов и концептуально-программных документов РМЭ, РМ и УР, а также патриотических мероприятий. Патриотический компонент присутствует, например, в документах, ориентированных на сферу этносоциального развития и межнациональных отношений. В текущих условиях он превращается в лейтмотив дискурсивных практик руководителей регионов, других политических акторов, что может стать пред-

²⁴ См.: Патриотическое воспитание. URL: <https://molcentr18.ru/patriotic> (дата обращения: 24.12.2023).

²⁵ См.: Владимиру Путину доложили о проектах по патриотическому воспитанию в Удмуртии. URL: <https://vestnik18.ru/rubrics/obshchestvo/517894-vladimiru-putinu-dolozhili-o-proektakh-po-patrioticheskomu-vospitaniiyu-v-udmurtii/> (дата обращения: 24.12.2023); Патриотическое воспитание. URL: <https://old.udmurt.ru/region/voenkom/pv.php> (дата обращения: 24.12.2023); Президиум Госсовета проанализировал исполнение закона «О патриотическом воспитании в Удмуртской Республике». URL: <https://udmgossoveta.ru/press/news/33273/> (дата обращения: 24.12.2023).

²⁶ См.: Студенческие отряды Удмуртской Республики организуют патриотический форум. URL: <https://www.udrso.ru/blog/glavnye-novosti/studenceskie-otrady-udmurtskoj-respubliki-organizуют-patrioticeskij-forum> (дата обращения: 24.12.2023).

метод самостоятельного исследования. Общая динамика нормативных основ и институциональных механизмов в сфере патриотического воспитания на уровне рассматриваемых субъектов РФ с учетом достигнутых результатов видится в целом положительной, притом для каждого из них. Характерно сопряжение патриотической проблематики с проблематикой формирования российской гражданской идентичности. Сохраняется ее увязка и с решением этнокультурных и социальных – в более широком смысле – задач, но первые не являются преобладающими.

Заключение

Субъекты Федерации превращаются в важных иницилирующих субъектов процесса институционализации политики патриотического воспитания в России. Примечателен в первую очередь нормативный аспект, а именно законодательная институционализация. Ее начальный период на уровне субъектов РФ относится еще к рубежу 2000–2010-х гг. При этом регионы следуют патриотическому тренду, задаваемому на федеральном уровне, и ориентируются, устанавливаемым преимущественно концептуально-стратегическими документами, ввиду отсутствия профильного федерального закона. Вместе с тем стимулирующее влияние на повышение темпов поступательной динамики в нормативной плоскости оказали конституционная реформа и законодательное конституирование Федерацией молодежной политики, являющейся одной из ключевых в более широком предметном поле политики патриотического воспитания.

Регионы финно-угорского пространства России в целом и финно-угорские республики – субъекты РФ в составе ПФО в частности вполне вписываются в общесистемные параметры рассматриваемого процесса, хотя республики Карелия и Марий Эл пока воздерживаются от принятия профильных законов в сфере патриотического воспитания. Инициативы Удмуртии и Мордовии на этом направлении охватывают временные рамки 2018–2023 гг. Ранее были показаны и иные принципиально значимые для трех

республик реперные точки и временные интервалы в данной области.

Историко-патриотическому направлению в РМЭ, РМ и УР придан весомый статус, пусть и не всегда четко фиксируемый нормативными правовыми актами, концептуально-стратегическими и иными документами. Особенно выделяется в этом отношении подход Удмуртии. Все три республики демонстрируют насыщенные конструктивные практики в разработке и реализации историко-патриотических проектов, участие в общероссийских и окружных проектах и акциях. Концептуальная и деятельностная составляющие политики патриотического воспитания в них отличаются несомненными достоинствами, но одновременно – определенными недостатками и уязвимостями и нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Есть очевидные несостыковки между законодательными актами, прежде всего недавними, и госпрограммами республик. Мордовия и Удмуртия отказались от принятия профильных программ патриотического воспитания; Марий Эл придерживается в данном случае принципа преемственности. Каждая из республик обладает соответственно сильными и слабыми сторонами в нормативно-институциональном ракурсе. Востребованными векторами адаптации к меняющейся ситуации для них, как и для других субъектов РФ, на ближайшую и среднесрочную перспективу видятся дальнейшая концептуализация сферы патриотического воспитания путем принятия профильных концепций и стратегий (что уже сделали некоторые субъекты), продолжение работы на муниципальном уровне, устранение выявленных рассогласований.

Представляется, что федеральные округа, включая Приволжский, потенциально способны играть роль не только координирующую, но и аккумулирующую инициативы субъектов – в этом смысле они могут превратиться в инновационные модельные площадки для актуализации, обсуждения и формирования спектра возможных решений насущных вопросов в сфере патриотического воспитания, в том числе в плане продвижения ее законодательной

институционализации в масштабах Федерации. Не исключаем также вероятности поступления непосредственных законодательных инициатив в данной плоскости от конкретных субъектов, предположительно – от регионов, главы которых считают-

ся наиболее политически влиятельными. Вряд ли в этом качестве будут выступать финно-угорские республики ПФО. Однако их опыт также может использоваться при разработке профильного федерального закона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асеев С. Ю. Законодательные основы патриотического воспитания в субъектах Сибирского федерального округа // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2021. № 14. С. 6–9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46389904> (дата обращения: 17.12.2023).
2. Асеева Т. А. Проблема институциональной эффективности системы патриотического воспитания в регионах Сибирского федерального округа // Социально-политические исследования. 2022. № 2. С. 59–75. DOI: 10.20323/2658-428X-2022-2-15-59-75.
3. Брагина Д. Г., Ноев А. И. Молодежные организации и объединения как институты гражданского общества в Якутии на рубеже XX–XXI веков // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11, № 2А. С. 68–77. DOI: 10.34670/AR.2022.35.10.009.
4. Будаговский В. Л. Сущность и специфика военно-патриотического воспитания молодежи в процессе социально-культурной деятельности общественных объединений поисковой направленности // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 116–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-spetsifika-voenno-patrioticheskogo-vozpitaniya-molodezhi-v-protssesse-sotsialno-kulturnoy-deyatelnosti-obschestvennyh> (дата обращения: 17.12.2023).
5. Вагина В. О. Патриотизм и патриотические практики в молодежной среде на Юге России. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2019. 124 с.
6. Вагина В. О. Формальные и неформальные патриотические практики в молодежной среде полиэтничного Юга России // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10, № 2. С. 103–113. DOI: 10.18522/2227-8656.2021.2.9.
7. Винтин И. А. Модель гражданской идентичности и патриотическое воспитание в полиэтничских регионах России (на примере Республики Мордовия) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 4. С. 88–94. URL: https://jg.isi.mrsu.ru/assets/gumanitary_2013_24.pdf (дата обращения: 17.12.2023).
8. Волков Ю. Г., Вагина В. О. Доминантные формы патриотических практик молодежи на Юге России (по материалам социологических опросов) // Социология. 2022. № 3. С. 109–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dominantnye-formy-patrioticheskikh-praktik-molodezhi-na-yuge-rossii-po-materialam-sotsiologicheskikh-oprosov/viewer> (дата обращения: 17.12.2023).
9. Воскобойников С. Г., Щукина Т. В. Историческая память как инструмент патриотического воспитания и ориентир на консолидацию в условиях современных вызовов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Сер.: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2023. № 1. С. 18–22. DOI: 10.23672/HSCP.2023.65.16.001.
10. Габеркорт А. И. Патриотизм и формирование гражданской идентичности в политическом сознании населения Югры // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7, № 5А. С. 137–147. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2018-5/16-gaberkorn.pdf> (дата обращения: 17.12.2023).
11. Даньшина С. А. Формирование исторического сознания и патриотизма студенческой молодежи Удмуртской Республики // Наука Удмуртии. 2016. № 3. С. 121–130. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27346022> (дата обращения: 17.12.2023).
12. Деева Е. В., Матренин П. В. Теоретические подходы и опыт формирования ценностного отношения подростков к истории малой родины в деятельности общественных объединений // Известия Российской академии образования. 2014. № 4. С. 93–106. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=tiiiqf> (дата обращения: 17.12.2023).
13. Егошина Н. Г. Гражданско-патриотическое воспитание в Марий Эл: опыт и перспективы развития // Вестник Вятского государственного университета. 2013. № 2. С. 51–55. URL: <https://cyberleninka.ru>

- ru/article/n/grazhdansko-patrioticheskoe-vospitanie-v-mariy-el-opyt-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 17.12.2023).
14. Иохим А. Н., Лагузова М. А. «Как нам обустроить Россию»: проблема общественного согласия в дискурсе постсоветской идентичности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 77–96. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-77-96.
 15. Казакова М. Н., Напалкова И. Г. Формирование патриотического сознания и гражданско-патриотическое воспитание как основа укрепления общероссийской гражданской идентичности: опыт Республики Мордовия (2012–2020 гг.) // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 430–446. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.04.430-446.
 16. Казанцев Д. А., Асеева Т. А., Качусов Д. А. Патриотические организации в национальных республиках Сибирского федерального округа: между национальной и этнической идентичностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 266–278. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-266-278.
 17. Качусов Д. А. Патриотические организации Сибирского федерального округа и их деятельность в условиях новой политической повестки // Социально-политические исследования. 2023. № 1. С. 57–74. DOI: 10.20323/2658_428X_2023_1_18_57.
 18. Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н. Региональное отделение Российского военно-исторического общества в Республике Мордовия – одна из наиболее эффективных НКО в регионе: летопись десятилетия // Центр и периферия. 2023. Т. 18, № 1. С. 18–25. URL: <http://centrniign.ru/gallery/C-1-2023-st02.pdf> (дата обращения: 17.12.2023).
 19. Подъячев К. В. Патриотическое воспитание молодежи как поле взаимодействия политических институтов и гражданского общества в регионах РФ // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 4. С. 126–136. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socnp/article/view/3230> (дата обращения: 17.12.2023).
 20. Ромадыкина В. С. Патриотизм и этнонациональные отношения как составляющие элементы процесса становления правового государства // Kant. 2022. № 2. С. 175–178. DOI: 10.24923/2222-243X.2022-43.30.
 21. Титов А. С., Григорян Д. К. Патриотическое воспитание как фактор политической жизни в современной России: институциональный опыт Ростовской области // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 1. С. 117–127. DOI: 10.35775/PSI.2023.89.1.012.
 22. Узунова О. Ю. Теоретические аспекты изучения патриотизма в его связи с формированием гражданской идентичности молодежи в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 5. С. 220–231. DOI: 10.23683/2227-8656.2017.5.19.
 23. Чуракова Е. А. Патриотическое и национально-культурное воспитание молодежи в современном мире (на примере Удмуртской Республики) // Социум и власть. 2015. № 1. С. 32–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskoe-i-natsionalno-kulturnoe-vospitanie-molodyozhi-v-sovremennom-mire-na-primere-udmurtskoy-respubliki> (дата обращения: 17.12.2023).
 24. Goode J. P. Patriotic legitimation and everyday patriotism in Russia's constitutional reform // Russian Politics. 2021. Vol. 6, issue 1. P. 112–129. DOI: 10.30965/24518921-00601007.
 25. Kończal K., Moses A. D. Patriotic histories in global perspective // Journal of Genocide Research. 2022. Vol. 24, issue 2. P. 153–157. DOI: 10.1080/14623528.2021.1968136.

Поступила 27.11.2023; одобрена 14.12.2023; принята 28.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

О. В. Бахлова – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, olga.bahlova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>

И. В. Бахлов – доктор политических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, bahlov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>

Dynamics of the normative foundations and institutional mechanisms of the policy of patriotic education in the subjects of the Russian Federation (on the example of the Finno-Ugric Republics of the Volga Federal District)

Olga V. Bakhlova
Igor V. Bakhlov

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. In the policy of patriotic education in Russia, despite its undoubted relevance due to the increase in modern challenges, an insufficiently high degree of institutionalization remains. It manifests itself, among other things, in the normative plane. The positive activity of the subjects of the Federation in this area can reduce existing vulnerabilities and gaps. The study was undertaken in order to identify the specifics of the process of institutionalization of the regional level in the field of patriotic education on the example of the Finno-Ugric republics of the Volga Federal District.

Materials and Methods. The main sources are normative legal acts and conceptual and strategic documents of the Russian Federation and the subjects of the Federation, materials from the official websites of the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Volga Federal District, official websites / portals of public authorities of the Finno-Ugric republics-subjects of the Russian Federation within the Volga Federal District, data from information and legal and reference systems. The main methods are comparative, synchronous and diachronic analysis, qualitative analysis of documents, decomposition and case study.

Results and Discussion. A set of documentary sources in the field of patriotic education is analyzed. The progress and results of the process of its legislative institutionalization in the subjects of the Federation since 2010 are shown, the time intervals at which the peak values occurred are highlighted. The peculiarities of the participation of the Republic of Mari El, Mordovia and Udmurtia in this process are emphasized. A comparison of their normative legal acts, conceptual, strategic and program documents in force at the present stage, as well as a retrospective comparison was carried out. Special attention is paid to the study of the historical and patriotic component of normative and programmatic guidelines, ongoing projects and activities at the republic level.

Conclusion. The experience of the Republic of Mari El, Mordovia and Udmurtia is assessed as constructive and consistent with current trends in the process of institutionalization of the policy of patriotic education on a nationwide scale. The revealed variability of their approaches and practices in historical and modern perspectives is quite moderate and does not imply a deterioration of the situation in the future. At the same time, their further improvement and elimination of detected vulnerabilities are required.

Keywords: legislative institutionalization, historical and patriotic education, historical memory, youth policy, national projects, patriotism, Volga Federal District, regions of the Finno-Ugric space of Russia, Russian civil identity, subject of the Russian Federation

Acknowledgments: This work was financially supported by the Russian Science Foundation, grant number 23-28-00371, <https://rscf.ru/project/23-28-00371/>.

For citation: Bakhlova OV, Bakhlov IV. Dynamics of the normative foundations and institutional mechanisms of the policy of patriotic education in the subjects of the Russian Federation (on the example of the Finno-Ugric Republics of the Volga Federal District). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2024;16;1:50–72. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.50-72.

REFERENCES

1. Aseev SIu. Legislative foundations of patriotic education in the constituent entities of the Siberian Federal District. *Rossiiskii politicheskii protsess v regional'nom izmenenii: istoriia, teoriia, praktika* = Russian political process in the regional dimension: history, theory, practice. 2021;14:6–9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46389904> (accessed 12.17.2023). (In Russ.)

2. Aseeva TA. The issue of institutional effectiveness of the system of patriotic education in the regions of Siberian Federal District. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniia* = Social and Political Researches. 2022;2:59–75. (In Russ.). DOI: 10.20323/2658-428X-2022-2-15-59-75.
3. Bragina DG, Noev AI. Youth organizations and associations as institutions of civil society in Yakutia at the turn of the XX–XXI centuries. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniï* = Theories and Problems of Political Studies. 2022;11;2A:68–77. (In Russ.). DOI: 10.34670/AR.2022.35.10.009.
4. Budagovsky VL. Essence and specificity of military-patriotic education of youth in process of socio-cultural activity of social unions of search direction. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* = Tambov University Review. Series: Humanities. 2014;2:116–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-spetsifika-voenno-patrioticheskogo-vospitaniya-molodezhi-v-protssesse-sotsialno-kulturnoy-deyatelnosti-obshchestvennyh> (accessed 17.12.2023). (In Russ.)
5. Vagina VO. Patriotism and patriotic practices in the youth environment in the South of Russia. Rostov-on-Don; 2019. (In Russ.)
6. Vagina VO. Formal and informal patriotic practices in the youth environment of the multi-ethnic South of Russia. *Gumanitarii Iuga Rossii* = Humanities of the South of Russia. 2021;10:2:103–113. (In Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2021.2.9.
7. Vintin IA. Model of civil identity and patriotic education in the multi-ethnic regions of Russia (by the example of the Republic of Mordovia). *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2013;4:88–94. URL: https://jg.isi.mrsu.ru/assets/gumanitary_2013_24.pdf (accessed 12.17.2023). (In Russ.)
8. Volkov YuG, Vagina VO. Dominant forms of patriotic practices of youth in the South of Russia (based on sociological surveys). *Sotsiologiia* = Sociology. 2022;3:109–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dominantnye-formy-patrioticheskikh-praktik-molodezhi-na-yuge-rossii-po-materialam-sotsiologicheskikh-oprosov/viewer> (accessed 17.12.2023). (In Russ.)
9. Voskoboïnikov SG, Schukina TV. Historical memory as a tool for patriotic education and a focus for consolidation in conditions of modern challenges. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. Ser.: Istoricheskie nauki. Kulturologiia. Politicheskie nauki* = Humanities, socio-economic and social sciences. Series: Historical sciences. Culturology. Political science. 2023;1:18–22. (In Russ.). DOI: 10.23672/HSCP.2023.65.16.001.
10. Gaberkorn AI. Patriotism and formation of civic identity in political consciousness of population of Ugra. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniï* = Theories and Problems of Political Studies. 2018;7;5A:137–147. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2018-5/16-gaberkorn.pdf> (accessed 12.17.2023). (In Russ.)
11. Danshina SA. Historical consciousness and patriotism formation among young people in Udmurt Republic. *Nauka Udmurtii* = Science of Udmurtia. 2016;3:121–130. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27346022> (accessed 12.17.2023). (In Russ.)
12. Deeva EV, Matrenin PV. Theoretical approaches and experience in formation of axiological attitude of adolescents to the history of small Motherland in activity of public associations. *Izvestiia Rossiiskoi akademii obrazovaniia* = Izvestia of the Russian Academy of Education. 2014;4:93–106. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=tiijqf> (accessed 12.17.2023). (In Russ.)
13. Egoshina NG. Civic and patriotic education in Mari El: look in the past and future. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta* = Herald of Vyatka State University. 2013;2:51–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-patrioticheskoe-vospitanie-v-mariy-el-opyt-i-perspektivy-razvitiya> (accessed 12.17.2023). (In Russ.)
14. Iokhim AN, Laguzova MA. “How do we arrange Russia”: the problem of social harmony in the discourse of post-Soviet identity. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ser.: Politologiia* = RUDN Journal of Political Science. 2023;25;1:77–96. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-77-96.
15. Kazakova MN, Napalkova IG. Patriotic education as a basis for strengthening Russian national civic identity: experience of the Republic of Mordovia (2012–2020). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020;12;4:430–446. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.04.430-446.
16. Kazantsev DA, Aseeva TA, Kachusov DA. Patriotic organizations in the national republics of the Siberian Federal District: between national and ethnic identity. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ser.: Politologiia* = RUDN Journal of Political Science. 2023;25;1:266–278. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-266-278.
17. Kachusov DA. Patriotic organizations of the Siberian Federal District and their activities in context of new political agenda. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniia* = Social and Political Researches. 2023;1:57–74. (In Russ.). DOI: 10.20323/2658 428X 2023 1 18 57.
18. Kursheva GA, Bikeykin EN. Regional branch of the Russian Military Historical Society in the Republic of Mordovia – one of the most

- effective NPOs in the region: chronicle of the decade. *Tsentr i periferiia* = Center and Periphery. 2023;18;1:18–25. URL: <http://centrniign.ru/gallery/C-1-2023-st02.pdf> (accessed 12.17.2023). (In Russ.)
19. Podyachev KV. Patriotic upbringing of youth as a field of interaction between political institutions and civil society in Russian regions. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* = Sociological Science and Social Practice. 2015;4:126–136. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socnp/article/view/3230> (accessed 12.17.2023). (In Russ.)
 20. Romadykina VS. Patriotism and ethnonational relations as constituent elements of the process of formation of the rule of law. *Kant*. 2022;2:175–178. (In Russ). DOI: 10.24923/2222-243X.2022-43.30.
 21. Titov AS, Grigorian DK. Patriotic education as a factor in political life in modern Russia: institutional experience of the Rostov region. *Voprosy politologii* = Political Science Issues. 2023;13;1:117–127. (In Russ). DOI: 10.35775/lb/sq. inch.2023.89.1.012.
 22. Uzunova OYu. Theoretical aspects of the study of patriotism in its connection with civil identity formation of the youth in modern Russian society. *Gumanitarii Iuga Rossii* = Humanities of the South of Russia. 2017;6:5:220–231. (In Russ). DOI: 10.23683/2227-8656.2017.5.19.
 23. Churakova YeA. Patriotic and national culture youth education in modern world (in example of Udmurt Republic). *Sotsium i vlast'* = Society and Power. 2015;1:32–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskoe-i-natsionalno-kulturnoe-vozpitanie-molodyozhi-v-sovremennom-mire-naprimer-udmurtskoy-respubliki> (accessed 12.17.2023). (In Russ.)
 24. Goode JP. Patriotic legitimization and everyday patriotism in the constitutional reform of Russia. *Russian Politics*. 2021;6;1:112–129. DOI: 10.30965/24518921-00601007.
 25. Kończal K, Moses AD. Patriotic histories in global perspective. *Journal of Genocide Research*. 2022;24;2:153–157. DOI: 10.1080/14623528.2021.1968136.

Submitted 27.11.2023; reviewing 14.12.2023; accepted 28.12.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

O. V. Bakhlova – Doctor of Political Science, Professor, Department of General History, Political Science and Area Studies, National Research Mordovia State University, olga.bahlova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>

I. V. Bakhlov – Doctor of Political Science, Head of the Department of General History, Political Science and Area Studies, National Research Mordovia State University, bahlov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>

Из истории эрзя-мордовского села Кураево Теньгушевского района Республики Мордовия (социально-экономические, этнополитические, демографические аспекты)

Елена Николаевна Мокшина
Михаил Ильич Святкин
Денис Андреевич Смолин
Константин Андреевич Суслов

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Истории небольших сельских поселений, за некоторым исключением, обычно не посвящаются отдельных работ. Как правило, краткие исторические сведения о них приводятся лишь в специализированных энциклопедических и справочных изданиях, топонимических словарях. Данная статья посвящена истории старинного эрзя-мордовского села Кураево Теньгушевского района Республики Мордовия.

Материалы и методы. Статья в основном базируется на архивных материалах. При проведении исследования применялись различные методы: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, историко-генетический, наблюдения, статистический, описательный, логический, а также метод актуализации, позволивший связать развитие современных процессов с историческим опытом прошлого.

Результаты исследования и их обсуждение. Первые исторические сведения о поселении Кураево относятся к началу XVII в. Именно в это время с земель арзамасской мордвы снялись жители одной из деревень, которые вместе со своим старейшиной Кураем Толбаевым отправились к р. Мокше, где среди леса поставили починок, дав ему имя первопоселенца. За долгий период своего становления и развития поселение росло и укреплялось. В имперскую эпоху население Кураева составляли государственные крестьяне, платившие в казну ясак и оброк, занимавшиеся в основном хлебопашеством. В советское время в селе был образован колхоз «Обновление». Коллективное хозяйство функционировало до 1997 г. В последующем были организованы крестьянские (фермерские) хозяйства. На сегодняшний день Кураево переживает те же проблемы, что и многие современные села: миграцию молодежи в города, старение и убыль жителей.

Заключение. Изучение истории одного поселения более детально раскрывает своеобразие исторических судеб народа, его прошлого и настоящего, преломляя события и процессы, происходившие в масштабах страны, сквозь призму локальной истории ее регионов.

Ключевые слова: Республика Мордовия, Теньгушевский район, Кураево, мордва-эрзя, крестьяне, хозяйство, исторический очерк, краеведение

Для цитирования: Мокшина Е. Н., Святкин М. И., Смолин Д. А., Суслов К. А. Из истории эрзя-мордовского села Кураево Теньгушевского района Республики Мордовия (социально-экономические, этнополитические, демографические аспекты) // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 1. С. 73–81. DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.73-81.

Введение

Истории небольших сельских поселений, за некоторым исключением, обычно не посвящаются отдельных работ. Как правило, краткие исторические сведения о них приводятся лишь в специализированных

справочных и энциклопедических изданиях, топонимических словарях¹. Данная статья посвящена истории старинного эрзя-мордовского села Кураево Теньгушевского района Республики Мордовия, располо-

¹ См., например: Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии 1913 г. Тамбов, 1913; Всё о Мордовии: энцикл. справ. / [сост.: Н. С. Крутов, Е. М. Голубчик, С. С. Маркова]. Саранск, 2005; Города и села Мордовии: ист.-экон. справ. / сост. А. Н. Поршаков; науч. ред. А. В. Клеянкин. Саранск, 1977; Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР: Названия населенных пунктов. Саранск, 1987; Цыганкин Д. В. Память, запечатленная в слове: Словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск, 2005.

женного на правобережье Мокши, в 8 км от районного центра (с. Теньгушево) и 103 км от железнодорожной станции Потьма Zubovo-Полянского района. Недалеко от села находится реликтовая дубовая роща (особо охраняемая природная территория), обнаружены археологические памятники бронзового века и эпохи Средневековья (исследованы археологами Е. И. Горюновой в 1939 г., В. Н. Шитовым в 1977 и 1995 гг.)² [2].

Объект исследования расположен на территории Примокшанья. Известно, что вхождение этого региона в состав Московской Руси связано с победами в Куликовской битве 1380 г. и в сражении на р. Листани под Рязанью в 1444 г., где мордва вместе с русскими участвовала в разгроме татарских войск. Впоследствии территория Примокшанья окончательно закрепилась за Москвой [20, 132]. Таким образом, уже в XV в. местное мордовское население края вошло в состав Московского государства – немного ранее, чем его восточные соплеменники (конец XV–XVI в.) [8; 10; 16].

Обзор литературы

История исследуемого села скудно освещена в научной литературе; в связи с этим авторами были привлечены работы дореволюционных, советских и современных авторов, посвященные отдельным проблемам истории, археологии и этнографии Мордовии в целом и Теньгушевского края в частности. Так, нами были использованы труды И. И. Дубасова [5], И. Н. Смирнова [18], А. А. Гераклитова [4], В. П. Ежовой [6], А. П. Новицкой, Т. П. Федянович [17], Н. Ф. Мокшина [8–12], А. С. Лузгина [7; 10], В. А. Юрченкова [20], В. Н. Шитова [2], Е. Н. Мокшиной [11–15], Ю. Н. Сушковой [19], М. М. Акчурина [1], А. В. Белякова [1; 3], М. И. Святкина [14; 15] и др.

Материалы и методы

Основу работы составили архивные материалы Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ).

Кроме того, для уточнения демографических сведений по селу были привлечены материалы из текущего архива администрации села.

При проведении научного исследования применялись различные методы: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, историко-генетический, наблюдения, статистический, описательный, логический, а также метод актуализации, позволивший связать развитие современных процессов с историческим опытом прошлого.

Результаты исследования и их обсуждение

Первые исторические сведения о поселении Кураево относятся к началу XVII в. Источники отсылают нас к Смутному времени, к событиям крестьянской войны под предводительством И. И. Болотникова (1606–1607 гг.). Многонациональное движение протеста стало следствием глубоких процессов в социально-экономическом и политическом развитии страны, когда многие представители ясачного и дворцового крестьянства, в том числе мордовских уездов, притесняемые феодалами, выступили против своих угнетателей³. В разгар Смуты народы Среднего Поволжья, далекие от столичных перипетий, выступили против боярского царя Василия Шуйского и начали борьбу с бесчинствами царской администрации. В одной из грамот Шуйского от 25 ноября 1606 г. среди городов, перешедших на сторону повстанцев, названы Арзамас, Темников, Шацк и Кадом с окрестностями. Царское правительство, обеспокоившись протестным движением в Среднем Поволжье, населенном в то время в основном нерусскими народами, к тому же неоднократно бравшими в осаду Нижний Новгород (1606, 1608 гг.), направило ратных людей из числа дворян, детей боярских и стрельцов из соседних уездов на усмирение восставших. По сути это были карательные отряды⁴.

² См.: Всё о Мордовии. С. 319.

³ См.: История Мордовской АССР с древнейших времен до наших дней / под ред. А. В. Клеянкина и др. Саранск, 1984. С. 42.

⁴ Там же. С. 45.

Именно в рассматриваемое время с земель арзамасской мордвы снялись жители одной из деревень. Вместе со своим старейшиной Кураем Толбаевым они отправились к р. Мокше, где среди леса поставили починок, дав ему имя первопоселенца. Среди новопоселенцев были также предки жителей Стандрова, Нароватова, Широмазова и других поселений мордвы. В писцовой книге мордовских сел Кадомского уезда за 1629/30 гг. упомянут «починок Кураев на речке на Варжамелеи». Тут же перечислены имена жителей: «Кичемас Мелчеватов, Митка Мелчеватов, Парамза Далманов, Пятуня Кирдяпшин, Сыскей Кичевов, Ачка Чермоватова, Клишко бобыль, бобылиха, вдова Далга Паружевская жена...». Всего названо восемь дворов, которые являлись податными единицами. Описаны состояние пашен, сенных покосов, лесных угодий по р. Мокше, размеры ясака и оброка, в том числе с бортного ухоя и за рыбную ловлю. Следовательно, крестьяне тогда занимались борничеством и рыболовством, выращивали рожь и овес. В документе говорится и о мертвой мордве, платившей когда-то посоп – ясак хлебом: «А той мертвой мордве имена Агушка Анков, Нолкай Кечов, Долгуж Кечов, Кирдемаска Мельсаев да Парушка вымерли и побиты в Смутные годы» [3, 162, 180]. По некоторым сведениям, пришедшая мордва-эрзя даже платила дань мокшанским феодалам. Мелкие князья-инякозей получали от переселенцев меха и мед⁵.

Спустя годы из-за нестерпимого налогового, крепостнического и религиозного гнета в Поволжье вновь разразилась крестьянская война – на этот раз под предводительством С. Т. Разина (1670–1671 гг.). Известно, что с осени 1670 г. сподвижник Разина Михаил Харитонов встал во главе народного восстания, охватившего мордовские земли, в том числе Темниковский и Кадомский уезды. Повстанцы были остановлены у г. Шацка в конце ноября 1670 г., а уже в 1671 г. восстание было окончательно подавлено⁶. Указанные события, вероятно, затронули и Кураево, как

и многие соседние поселения, но документов об этом нами не обнаружено.

В XVII в. Кураев – починок, часть Чепчрянского (Чепчерского) беляка Кадомского уезда. В то время беляком называлось феодальное владение, ясачный округ татарских князей. До XVIII в. беляк находился в ведении приказа Казанского дворца, а в 1708 г. вошел в состав Казанской губернии. Губернии в то время делились на провинции, провинции – на уезды, а уезды – на волости и станы.

Кураевцы-переселенцы были язычниками, поклонялись традиционным мордовским божествам. Но уже с середины – конца XVII в. среди них появляются первые новокрещены. Вероятно, христианство они исповедовали весьма поверхностно. Как известно, в 1655 г. недалеко от Кадома в д. Ямбирно во время миссионерской поездки, связанной с крещением мордвы, был убит архиепископ Мисаил Рязанский [11; 12].

XVIII в. отмечен усилением дворянских привилегий и эксплуатации крестьян, увеличением размера барщины и оброка. Так, 1736 г. датируется «Дело о захвате земель у крестьян Кураево и Потяшки Темниковского уезда землевладельцем купцом Миляковым»⁷. Почти через 30 лет, в 1765 г., началось Генеральное межевание, которое также сопровождалось захватом крестьянских земель. В коллективной памяти жителей деревни запечатлелись события, связанные с произволом и самодурством помещиков. Согласно одному из воспоминаний, местный барин проиграл в карты обширные земельные угодья помещику из соседнего села Куликово. Жизнь крестьян отягощали подушная подать, натуральный хлебный налог, выплаты недоимок и административный произвол.

В соответствии с административно-территориальным устройством Российской империи с 1719 г. поселение Кураево входило в состав Кадомского уезда Шацкой провинции Воронежской (Азовской) губернии. В петровский период тяжелыми повинностями для крестьян стали стро-

⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-3315. Оп 1. Д. 35. Л. 46.

⁶ См.: История Мордовской АССР с древнейших времен до наших дней. С. 64.

⁷ Инжеватов И. К. Указ. соч.

ительные работы по Азовской губернии, заготовка и сплав леса для флота, рекрутчина. Когда усиление социального гнета достигло своего апогея, началась крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева (1773–1775 гг.). С особой силой протестное движение вспыхнуло в западной части Мордовии. В одном из донесений властям говорилось, что в уезде не осталось ни одного селения, которое бы не бунтовало⁸.

После подавления восстания в 1775 г. была проведена губернская реформа, целью которой являлось укрепление власти дворянства на местах для предотвращения крестьянских выступлений. В 1779 г. значительная часть Кадомского уезда вошла в состав Тамбовского наместничества. В Кураеве в 1779 г. проживали, согласно документам, 260 чел. В 1796 г. Кадомский уезд был упразднен, и Кураево оказалось в составе Широмазовской волости Темниковского уезда Тамбовской губернии.

В имперский период население деревни составляли государственные крестьяне, платившие в казну ясак и оброк, занимавшиеся в основном хлебопашеством. В то время господствовали традиционные способы возделывания земли. Крестьяне выращивали рожь, ячмень, лен, коноплю, с 1840-х гг. – картофель и другие сельскохозяйственные культуры⁹. Некоторые занимались извозом купеческих товаров в разные города, бурлачеством. Женщины, помимо полевых работ, пряли шерсть, ткали холсты и сукна на продажу¹⁰. По сведениям 1862 г., в Кураеве имелись мельница и почтовая станция. В «Списке населенных мест Тамбовской губернии» (1866 г.) говорится, что Кураево – деревня казенная, 110 дворов¹¹. На 1868 г. здесь числилось 311 ревизских душ мужского пола. Всего во владении крестьян было 1 574,4 дес. земли, находившейся в об-

щинном уравнительном пользовании крестьян по числу ревизских душ, за что они платили оброчную подать и лесной налог. Крестьяне деревни, участвовавшие в общинном владении земель, были ответственны круговой порукой за взнос причитающейся с них оброчной подати¹².

С 1 января 1887 г. оброчная подать и лесной налог заменялись выкупными платежами. Пореформенный период был озаменован развитием капитализма, одним из главных показателей которого стало усиленное расслоение крестьянства: появление сельской буржуазии и полупролетарской массы. В то время по традиции состоятельность крестьянских семей определялась обеспеченностью их землей и рабочим скотом. Так, в 1882 г. в Кураеве было 51 безлошадное хозяйство. В 1912 г. из 220 хозяйств 123 не имели лошадей, 46 – коров, 24 – скота вообще. Быстро шло сокращение количества наделной земли на душу населения в связи с естественным его приростом. Наделные угодья распределялись неравномерно, из-за чего нередко крестьянам приходилось арендовать землю. 12 хозяйств были безземельными, 58 – арендовали землю на стороне. Чтобы прокормить семьи, многие уходили на заработки. В конце XIX в. в Широмазовской волости насчитывалось большое количество отходников¹³.

В 1893 г. в Кураеве на средства крестьян открылась одноклассная земская школа, где учителем на протяжении долгого времени трудился потомственный почетный гражданин П. М. Кедрин. Обязательными предметами были Закон Божий, Евангелие, Псалтырь и Часослов. Занятия велись по учебникам славянского чтения, грамматики, задачку по арифметике, разрезной азбуке и таблице Бобровского. В 1906 г. школу посещали 69 учеников из 120 детей школьного возраста¹⁴. На тот момент

⁸ См.: Село Покровское, Стандрово тож: сб. ст., очерков и стихов / [сост. А. Н. Дементьев, В. И. Чембулатов]. Рузаевка, 2014. С. 21.

⁹ См.: История Мордовской АССР с древнейших времен до наших дней. С. 103.

¹⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-3315. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.

¹¹ См.: Тамбовская губерния: Списки населенных мест Российской империи по сведениям 1862 года. СПб., 1866. С. 120.

¹² ЦГА РМ. Ф. Ф-18. Оп. 1. Д. 67.

¹³ Там же. Ф. Р-3109. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

¹⁴ Там же. Ф. Ф-57. Оп. 4. Д. 1313. Л. 438.

в Кураеве был 201 двор. Имелись сберегательная касса при почтово-телеграфном отделении и ветряная мельница¹⁵.

В начале XX в. в селе насчитывалось 1 340 жителей. В 1905 г. волна революции охватила и Теньгушевский край, но до осени крупных выступлений не было. Революционная работа велась в основном в соседних уездах¹⁶. В то же время в волостях отмечались «самовольные действия» крестьян по овладению и переделу земельных угодий. В 1914 г. с началом Первой мировой войны ряд сельчан ушли воевать на Восточный фронт.

3 марта 1917 г. в Темниковском и Кадомском уездах узнали об отречении Николая II от престола и о свержении в стране монархии. За считанные дни на местах образовались уездные исполнительные комитеты, в которых преобладали представители партий эсеров и кадетов. До прихода к власти большевиков на собраниях Темниковского уездного земельного комитета летом 1917 г. решался вопрос об организации волостных земельных комитетов. Вернувшийся с фронта Р. Платонов разъяснял жителям Кураева, что после свержения прежнего строя власть и богатства должны принадлежать трудовому народу. К концу 1917 г. большевик А. Мушкаев организовал в Кураеве партийную ячейку из 5 чел. Коммунисты боролись за претворение в жизнь первых декретов советской власти. Большинство населения встретило революционный переворот в октябре 1917 г. настороженно. Сказались общее недовольство и усталость от тяжелой жизни и малоземелья. Когда же революция оказалась в опасности, многие мужчины села ушли защищать ее на фронтах Гражданской войны¹⁷.

В 1918 г. был организован Кураевский сельский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Широмазовской волости Темниковского уезда Пензенской губернии. В ходе районирования в 1925 г. Широмазовская волость

была ликвидирована. Кураево вошло в Теньгушевскую волость Краснослободского уезда Пензенской губернии, а после образования Мордовского округа (в соответствии с постановлением ВЦИК от 16 июля 1928 г.) – в состав Теньгушевского района Мордовского округа Средне-Волжской области¹⁸. С началом коллективизации в стране в 1929 г. 8 бедняцких хозяйств Кураева объединились в колхоз. Его председателем был избран Варлам Павлович Миузов. Через год, в январе 1930 г., колхоз получил название «Обновление». В него вступили почти все крестьяне, за исключением 12 выселенных кулацких хозяйств. С 10 января 1930 г. с. Кураево Теньгушевского района – в составе Мордовской автономной области, а с 20 декабря 1934 г. – Мордовской АССР. В 1930 г. в селе насчитывалось 369 дворов (1 689 чел.).

В советский период многое делалось для улучшения быта населения, формирования коммунистического мировоззрения, трудового воспитания, вовлечения в общественную деятельность и т. д. Существенно повысился культурный уровень сельчан. Если в 1920–1930-е гг. в Кураеве имелась лишь изба-читальня, то за довольно короткое время был достигнут рубеж сплошной грамотности¹⁹. В селе открылись восьмилетняя школа, медпункт, клуб, библиотека, почта, магазин. В период колхозного строительства здесь, как и во многих других сельских поселениях Мордовской АССР, избы с соломенными крышами уступили место добротным деревянным и кирпичным домам, покрытым железом и шифером. В домах появились электричество, радио, телевидение, современная мебель и бытовая техника [14; 15]. Многие кураевцы, получив высшее образование, стали работать учителями, врачами, инженерами и т. д.²⁰ Среди наиболее известных уроженцев села – заслуженный учитель школы МАССР Д. Я. Храмова, кандидат географических наук Ю. Ф. Машков,

¹⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 4. Л. 42.

¹⁶ Там же. Ф. Р-3109. Оп. 1. Д. 12. Л. 36.

¹⁷ Там же. Л. 7.

¹⁸ Там же. Ф. Р-2819. Оп. 1. Д. 1а.

¹⁹ Там же. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 3. Л. 86.

²⁰ См.: Всё о Мордовии. С. 319.

кандидат сельскохозяйственных наук, ученый-агроном Г. С. Бардин, председатель колхоза, депутат Верховного Совета РСФСР И. М. Храмов и др.²¹

С началом в 1941 г. Великой Отечественной войны многие мужчины села ушли на фронт, оставшиеся кураевцы вели активную трудовую деятельность в тылу. Силами крестьянства осуществлялся сбор продовольствия и денежных средств для фронта, для скорейшей победы над врагом. Так, на собранные в 1944 г. деньги сельчане купили танк «Кураевский колхозник», который передали в танковую часть, за что удостоились благодарности Верховного главнокомандования. Сдавая хлеб, продукты животноводства и теплые вещи для Красной армии, сами жители села при этом часто недоедали, питались гнилой картошкой и лебедой²². Многие кураевцы не вернулись с войны – погибли, пропали без вести. В память о них в селе был возведен обелиск.

После войны началось восстановление экономики по всей стране. Жители села старались побыстрее восстановить народное хозяйство. В колхозе развернулось большое строительство. При этом людские потери среди трудоспособного населения, безусловно, негативно сказывались на состоянии дел. Позднее его усугубила естественная убыль населения. Так, на 1 января 1952 г. в колхозе «Обновление» насчитывалось всего 278 дворов, в которых проживали 1 108 чел.²³ В 1972 г. Кураево вошло в колхоз им. Карла Маркса (центр в с. Нароватово). В 1978 г. возродился колхоз «Обновление». В Ку-

раевский сельский совет тогда входили соседние поселки Березняк и Мокшанка. Коллективное хозяйство функционировало до 1997 г. В последующее время были организованы крестьянские (фермерские) хозяйства Н. В. Ермакова и И. П. Храмова. В 2004–2009 гг. населенный пункт был административным центром Кураевского сельского поселения, затем вошел в Куликовское сельское поселение. В 2001 г. население Кураева составляло 225 чел., в 2002 г. – 227, в 2005 г. – 218, а в 2010 г. – 178 чел.²⁴ Ныне в поселении функционируют клуб, медпункт, библиотека, магазин, почта. Школа из-за малого числа учеников была закрыта.

На сегодняшний день Кураево переживает те же проблемы, что и многие современные села: миграцию молодежи в города из-за отсутствия работы, в погоне за лучшими условиями для жизни, старение и убыль населения.

Заключение

Таким образом, изучение истории одного поселения более детально раскрывает своеобразие исторических судеб народа, его прошлого и настоящего, преломляя события и процессы, происходившие в масштабах страны, сквозь призму локальной истории ее регионов. Этот вывод наглядно подтверждается нами на примере изучения истории возникновения и развития старинного эрзя-мордовского села Кураево Теньгушевского района Республики Мордовия, жители которого принимали деятельное участие в исторических событиях Российского государства.

²¹ ЦГА РМ. Ф. Р-3109. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

²² См.: Войной расстрелянная молодость / [сост.: В. И. Лапшинов и др.]. Рузаевка, 2010. С. 164.

²³ ЦГА РМ. Ф. Р-2537. Оп. 1. Д. 1.

²⁴ Текущий архив администрации с. Куликово Теньгушевского района Республики Мордовия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин М. М., Беляков А. В. Мордовские беляки и татарские князья // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 94–101.
2. Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы: моногр. / под общ. ред. В. В. Ставицкого, В. Н. Шитова. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. 552 с.
3. Беляков А. В. Писцовая книга мордовских сёл Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. 2013. Вып. 5. С. 154–210.

4. Гераклитов А. А. Избранное: в 2 ч. Саранск: НИИГН, 2011. Ч. 1. 463 с.
5. Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края: Исслед. И. И. Дубасова. М.: Тип. Губ. правл., 1890. Вып. 1. 225 с.
6. Ежова В. П. О некоторых этнографических особенностях в культуре мордовского населения Теньгушевского района Мордовской АССР // Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып. 1. Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 210–226.
7. Лузгин А. С. Жизнь промыслов: Промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX – начале XX в.: (Этнокультур. аспекты). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001. 215 с.
8. Мокшин Н. Ф. Мордовский этнос. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. 159 с.
9. Мокшин Н. Ф. Финно-угры в русской и мировой культуре // Актуальные проблемы исследования финно-угорской культуры: кол. моногр. Саранск, 2014. С. 4–10.
10. Мокшин Н. Ф., Лузгин А. С. Мордовский народ в истории и культуре Российского государства. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2012. 255 с.
11. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Митрополит родом с Вада. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2012. 99 с.
12. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Мордва и вера. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. 532 с.
13. Мокшина Е. Н. Этническая ситуация в Республике Мордовия на современном этапе. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1998. 177 с.
14. Мокшина Е. Н., Святкин М. И. Традиционные хозяйственные постройки мордвы // Экономическая история. 2019. Т. 15, № 2. С. 154–165. DOI: 10.15507/2409630X.045.015.201902.154-165.
15. Мокшина Е. Н., Святкин М. И. Религиозные обряды и праздники мордвы-эрзи, связанные с жилищем и хозяйственными постройками // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20, № 2. С. 145–153. DOI: 10.15507/20789823.50.020.202002.145-153.
16. Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / под общ. ред. Н. П. Макаркина. Изд. 2-е, доп. и перераб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2012. 719 с.
17. Новицкая А. П., Федянович Т. П. Сельскохозяйственные орудия мордовских крестьян в XIX – начале XX в. // Исследования по материальной культуре мордовского народа. М., 1963. С. 77–103. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; т. 86, вып. 2).
18. Смирнов И. Н. Мордва: Ист.-этногр. очерк / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия; авт. вступ. ст. В. А. Юрченков. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2002. 296 с. (Сер. «Наследие»).
19. Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 575 с.
20. Юрченков В. А. Мордовский народ: вехи истории = The Mordovian people: landmarks of the history / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. Саранск, 2007. Т. 1. 459 с.

Поступила 29.08.2023; одобрена 30.11.2023; принята 28.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Е. Н. Мокшина – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, enm2112@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-6563>

М. И. Святкин – преподаватель кафедры истории России Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, mihail_svyatkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8091-7713>

Д. А. Смолин – аспирант Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, mrdensmol@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0468-4895>

К. А. Суслов – магистрант направления «История» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, suslov_konstantin_2002@vk.com, <https://orcid.org/0000-0003-2068-1758>

From the history of the Erzya-Mordovian village of Kuraevo of the Tengushevsky district of the Republic of Mordovia (socio-economic, ethnopolitical, demographic aspects)

Elena N. Mokshina
Mihail I. Svyatkin
Denis A. Smolin
Konstantin A. Suslov

*National Research Mordovia State University,
 Saransk, Russia*

Introduction. The history of small rural settlements, with some exceptions, is usually not considered in individual research works. As a rule, brief historical information about them is provided only in specialized encyclopedic and reference publications, toponymic dictionaries. This article discusses the history of the old Erzya-Mordovian village of Kuraevo, Tengushevsky district of the Republic of Mordovia.

Materials and Methods. The article is mainly based on archival materials. Various methods were used in the research: problem-chronological, comparative-historical, historical-genetic, observation, statistical, descriptive, logical, as well as the method of actualization, which allowed to connect the development of modern processes with the historical experience of the past.

Results and Discussion. The first historical information about the settlement of Kuraevo dates to the beginning of the XVII century. At that time from the lands of the Mordovian Arzamas people left a village, and together with its elder Kurai Tolbaev went to the river Moksha. There, among the woods they built a camp, giving it the name of the first settler. Over the long period of its formation and development the settlement grew and became stronger. During the imperial period the population of Kuraevo were state peasants who paid yasak and tribute to the treasury and were mostly engaged in bread-growing. In soviet times it established a collective farm "Renewal". The collective farm functioned until 1997. Later, peasant (farmer) households were organized. At present, the village is undergoing the same processes that are typical of many villages today: the migration of the youth to the cities, ageing and loss of residents.

Conclusion. The study of the history of a settlement reveals in more detail the uniqueness of the historical fate of the people, its past and present, refracting the events and processes that took place on a national scale, through the prism of the local history of its regions.

Keywords: Republic of Mordovia, Tengushevsky district, village Kuraevo, Mordva-Erzya, peasants, economy, historical sketch, local history

For citation: Mokshina EN, Svyatkin MI, Smolin DA, Suslov KA. From the history of the Erzya-Mordovian village of Kuraevo of the Tengushevsky district of the Republic of Mordovia (socio-economic, ethnopolitical, demographic aspects). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2024;16;1:73–81. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.73-81.

REFERENCES

1. Akhchurin MM, Belyakov AV. Mordovian belyaks and Tatar princes. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2017;1:94–101. (In Russ.)
2. Stavitskii VV, Shitov VN, eds. Archeology of the Mordovian region. Stone Age, Bronze Age. Monograph. Saransk; 2008. (In Russ.)
3. Belyakov AV. Pistsovy book of the Mordovian villages of the Kadomsky district of the 138th (1629/30) years. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva* = Medieval Turkic-Tatar States. 2013;5:154–210. (In Russ.)
4. Heraklitov AA. Selected works. Saransk; 2011;1. (In Russ.)
5. Dubasov II. Essays from the history of the Tambov region: Research by I. I. Dubasov. Tambov; 1890;1. (In Russ.)
6. Ezhova VP. About some ethnographic features in the culture of the Mordovian population of the Tengushevsky region of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist

- Republic. *Trudy Mordovskoi etnograficheskoi ekspeditsii. Vyp. 1. Voprosy etnicheskoi istorii mordovskogo naroda* = Proceedings of the Mordovian ethnographic expedition. Questions of the ethnic history of the Mordovian people. Moscow; 1960;1:210–226. (In Russ.)
7. Luzgin AS. Life of trades: Trades activity of peasants of Mordovia in the second half of the XIX – early XX centuries: (Ethnocultural aspects). Saransk; 2001. (In Russ.)
 8. Mokshin NF. Mordovian ethnoses. Saransk; 1989. (In Russ.)
 9. Mokshin NF. The Finno-Ugrians in the Russian and world culture. *Aktual'nye problemy issledovaniia finno-ugorskoj kul'tury: kol. monogr.* = Actual problems of the study of Finno-Ugric culture. Collective monograph. Saransk; 2014:4–10. (In Russ.)
 10. Mokshin NF, Luzgin AS. Mordovian people in the history and culture of the Russian state. Saransk; 2012. (In Russ.)
 11. Mokshin NF, Mokshina EN. Metropolitan comes from Vad. Saransk; 2012. (In Russ.)
 12. Mokshin NF, Mokshina EN. Mordva and faith. Saransk; 2005. (In Russ.)
 13. Mokshina EN. Ethnic situation in the Republic of Mordovia at the present stage. Saransk; 1998. (In Russ.)
 14. Mokshina EN, Svyatkin MI. Traditional out-buildings of the Mordovians. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2019;15:2:154–165. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409630X.045.015.201902.154-165.
 15. Mokshina EN, Svyatkin MI. Religious rites and holidays of Mordovian-Erzya, related to housing and economic buildings. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2020;20:2:145–153. (In Russ.). DOI: 10.15507/20789823.050.020.202002.145-153.
 16. Makarkin NP, ed. Mordva: essays on the history, ethnography and culture of the Mordovian people. 2nd edition, supplement and revision. Saransk; 2012. (In Russ.)
 17. Novitskaia AP, Fedianovich TP. Agricultural implements of Mordovian peasants in the XIX – early XX century. *Issledovaniia po material'noi kul'ture mordovskogo naroda* = Research on the material culture of the Mordovian people. Moscow; 1963;86:2:77–103. (In Russ.)
 18. Smirnov IN. Mordva: Historical and ethnographic essay. Saransk; 2002. (In Russ.)
 19. Sushkova YuN. Ethnojustice among the Mordovians. Monograph. Saransk; 2009. (In Russ.)
 20. Yurchenkov VA. The Mordovian people: landmarks of the history. Saransk; 2007;1. (In Russ.)

Submitted 27.11.2023; reviewing 14.12.2023; accepted 28.12.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

E. N. Mokshina – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University, enm2112@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-6563>

M. I. Svyatkin – Lecturer, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University, mihail_svyatkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8091-7713>

D. A. Smolin – Post-graduate Student (PhD), National Research Mordovia State University, mrdensmol@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0468-4895>

K. A. Suslov – MA Student, History, Institute of History and Sociology, National Research Mordovia State University, suslov_konstantin_2002@vk.com, <https://orcid.org/0000-0003-2068-1758>

Денежные налоги и сборы крестьян Коми края в XVIII в.

Анна Капитоновна Гагиева

*Коми республиканская академия государственной службы и управления,
Сыктывкар, Россия*

Введение. Статья посвящена истории денежных налогов и сборов в государственной деревне XVIII в. В изучаемый период в России наблюдалась перестройка системы налогообложения, осуществлялся переход к подушному обложению, изменялась номенклатура денежных сборов. Государственные крестьяне Севера и Коми края также были включены в эти изменения. Вместе с тем выплата государственных налогов здесь имела свои особенности. Цель статьи – рассмотреть сбор денежных налогов и сборов на территории Коми края.

Материалы и методы. Исследование проводилось на материалах опубликованных и неопубликованных (архивных) источников. Последние делились на директивные (постановления и решения); организационные (протоколы заседаний); коммуникативные (переписка) и учетно-отчетные (отчеты). В основу их анализа был положен системный подход, что предопределило использование базовых методов – системно-структурного, исторического, формально-юридического и некоторых других.

Результаты исследования и их обсуждение. Как показало изучение исторических источников и литературы, на территории Коми края (Яренский и Усть-Сысольский уезды Вологодской губернии) до начала XVIII в. проживали черносошные, а в более позднее время – государственные крестьяне. Они выплачивали ряд денежных налогов, выполняли повинности в пользу государства. В XVIII в. правительство изменило систему налогообложения, введя подушную подать, оброчный сбор, которые были строго регламентированы и обязательны для всех. Кроме них, в государственной деревне Коми края существовали и так называемые земские сборы. Они не были регулярными и четко фиксированными.

Заключение. Усиление налогового пресса, с одной стороны, приводило к ухудшению экономического положения крестьян, а с другой – активизировало население на поиск новых источников дохода. Постепенно возрастала роль внеземледельческих занятий, шло пространственное расширение территорий, появлялись новые производства. Доходы от внеземледельческих занятий стали вытеснять доходы от сельскохозяйственных и превращались в главный источник при выплате денежных налогов и сборов.

Ключевые слова: оброчный сбор, Яренский уезд, Усть-Сысольский уезд, подушная подать, налоги, крестьяне

Для цитирования: Гагиева А. К. Денежные налоги и сборы крестьян Коми края в XVIII в. // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 1. С. 82–91. DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.82-91.

Введение

Изучение фискальных отношений в государственной деревне на протяжении феодальной эпохи представляется актуальным, поскольку они определяли жизнь каждой крестьянской семьи и оказывали существенное влияние на развитие всей системы феодальных отношений. Исследуемый период характеризовался изменением системы налогообложения, появлением новых видов денежных налогов и сборов, переходом к подушному обложению. Крестьянство при этом оставалось основным налогоплательщиком.

Применительно к изучаемой территории отсутствуют специальные исследования, посвященные данному сюжету. Цель

статьи – проанализировать основные денежные налоги и сборы государственных крестьян Коми края в XVIII в. При этом решались следующие задачи: определялась номенклатура налогов и сборов, анализировалась динамика, выявлялись особенности изменений в налоговой политике и их результат.

Обзор литературы

История фискальных отношений Европейского Севера России имеет обширную историографию, особенно это касается XVII в. Первыми работами в этом направлении были труды М. М. Богословского «Земское самоуправление на Русском Се-

вере в XVII в.» [4] и С. Б. Веселовского «Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства» [5]. Представив номенклатуру налогов и сборов северных черносошных крестьян в XVII в., авторы совершенно справедливо указали на ведущую роль крестьянской общины, которая принимала активное участие в их раскладке. Вместе с тем в работах наблюдалось не всегда оправданное перенесение данных о номенклатуре и размерах налогов и повинностей, падавших на черносошных крестьян, на крестьян монастырских и наоборот. Не стала предметом изучения исследователей и выплата денежных налогов и сборов в XVIII в., когда налоговая система была изменена кардинально.

В советский период изучение вопросов налогообложения крестьян в северной деревне продолжилось. Н. М. Дружинин [7], П. А. Колесников [14; 15] и А. И. Копанев [17] впервые ввели в научный оборот исторические источники, которые не только показали динамику выплаты налогов и исполнение натуральных повинностей в XVII–XVIII вв., но и представили специфику фискальных взаимоотношений государственного крестьянства Европейского Севера и государства. При этом были доказаны их постоянный рост и ужесточение налогового давления на население.

В конце XX – начале XXI в. исследование налогообложения вышло на новый уровень. Появились интересные методики [18; 24], где объектом изучения стали фискальные отношения у финно-угорских народов [11; 13; 25; 27], а также крестьян Центральной России [1; 26] и Сибири [22]. В настоящее время история налогообложения крестьянства продолжает сохранять актуальность. Работы Д. В. Конкина [16] и О. И. Марискина [19] хотя и не посвящены непосредственно фискальным взаимоотношениям государственных крестьян в XVIII в., но помогают по-новому взглянуть на проблему и определить ориентиры для дальнейшего исследования этой сложной темы. То же можно сказать и о работах зарубежных исследователей [28–30].

Во второй половине XVIII в. правительство приступило к крупномасштабным мероприятиям по регламентации всех денежных налогов и сборов, получаемых с государственной деревни. Начало было положено указами Екатерины II, в соответствии с которыми в стране была проведена денежная реформа. Кроме введения в оборот бумажных денег и отмены медных, она привела к тому, что к концу исследуемого периода все денежные налоги и сборы были условно разделены на две большие группы – государственные и «земские».

Отдельного внимания заслуживает региональная историография. К вопросам фиска в контексте изучения истории крестьянства Коми края XVIII в. обращалась Д. Д. Балуева [2; 3]. Выполнение населением денежных налогов рассматривалось ею лишь в контексте ухудшения экономического положения крестьянства и обострения социальных конфликтов. К этим же выводам пришли и авторы обобщающих работ по истории Республики Коми эпохи феодализма [8–10; 23]. Изучением истории налогообложения в северной деревне в XVII – начале XVIII в. занимался М. А. Мацук [20; 21]. Автор не только ввел в научный оборот новый источниковедческий материал, но и представил новую методику анализа денежных налогов и сборов в черносошной деревне. Разработанная им система подсчета позволила показать реальную систему налоговой эксплуатации местного населения и выйти на вопросы бюджетирования крестьянской семьи.

Вопросы динамики фискального номинального и реального уровня налогов населения Коми края в XIX в. рассматривал П. П. Котов [18]. При подготовке обобщающего труда по истории Республики Коми он связал номинальный ряд окладов подушной и оброчной подати с курсом рубля и заключил, что «в реальности в последней трети XVIII в. тяжесть

этих налогов оставалась на одном уровне» [10, 273].

Если история государственного налогообложения в России в XVIII в. достаточно хорошо изучена [5; 12; 24], то история денежных сборов в конкретных административных единицах и конкретных регионах пока ждет своего исследования. Отсутствие в литературе по истории Коми края работ по данному вопросу еще более актуализирует заявленную тему.

Материалы и методы

Исследование проводилось на материалах опубликованных и неопубликованных (архивных) источников. Последние делились на директивные (постановления и решения), организационные (протоколы заседаний), коммуникативные (переписка) и учетно-отчетные (отчеты). Они были представлены материалами Российского государственного архива древних актов (РГАДА)¹ и Научного архива Коми научного центра Уральского отделения РАН (НА КНЦ УрО РАН)². Были изучены постановления воеводской канцелярии, уездного суда по вопросам крестьянского налогообложения, отчеты и донесения представителей волостной и уездной администраций о выплатах населением налогов и выполнении повинностей.

Для решения задач исследования также был привлечен массив опубликованных источников – нормативные и законодательные акты, вошедшие в Полное собрание законов Российской империи³. Необходимо признать, что исследователям, которые занимались и сегодня занимаются проблемами феодализма, указанные исторические источники хорошо известны. Тем не менее для изучения системы налогообложения крестьянства Коми края в рассматриваемое время они привлечены впервые.

В основу анализа источников был положен системный подход, что предопределило использование базовых методов – системно-структурного, исторического, формально-юридического и некоторых других.

Результаты исследования и их обсуждение

Как уже неоднократно отмечалось, «Коми край» – термин условный. Им обозначаются территории бассейнов текущих в разных направлениях рек: Печоры, Вычегды, Сысолы и их притоков. Население края было представлено коми-зырянами и издавна проживало в крестьянских общинах. Административными центрами к концу изучаемого периода были Яренск и Усть-Сысольск, относящиеся к Вологодской губернии. Северные районы – Пустозерский уезд и Пысская волость – входили в Мезенский уезд Архангелогородской, а южные – район Лузы и Летки – в Лальский уезд Вологодской губернии [6, 447].

Крестьяне, живущие здесь, в большинстве своем относились к категории черносошных, а с начала XVIII в. – государственных. Они не знали крепостной зависимости, выплачивали налоги и исполняли государственные повинности в пользу государства, которое являлось собственником всей земли в крае, включая удобные и неудобные для хлебопашества земли. Власть в лице императора передавала право пользования землей крестьянским организациям, за что последние должны были выплачивать денежные налоги и исполнять повинности [6, 447].

Во второй половине XVIII в. правительство приступило к крупномасштабным мероприятиям по регламентации всех денежных налогов и сборов, получаемых с государственной деревни. Начало было положено указами Екатерины II, в соответствии с которыми в стране была проведена денежная реформа. Кроме введения в оборот бумажных денег и отмены медных, она привела к тому, что к концу исследуемого периода все денежные налоги и сборы были условно разделены на две большие группы – государственные и «земские». К первой группе были отнесены денежные налоги и сборы, которые были узаконены имперскими правитель-

¹ РГАДА. Ф. 609. Оп. 1–3.

² НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 12. Д. 45; Ф. 5. Оп. 2. Д. 401.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. СПб., 1830–1851 (далее – ПСЗ).

ственными актами, а также всевозможные налоговые подати, утвержденные центральными органами власти и управления. И те и другие поступали в Коми край из Москвы, Вологды, Архангельска. Вторая группа – это денежные сборы, которые накладывались на крестьян на мирском сходе. Крестьянское собрание должно было определить суммы, расходуемые на содержание крестьянского управления и мирской избы, выплату денежного вознаграждения для сопровождения заключенных, отправку собранных налогов и сборов в Яренск и Усть-Сысольск, командирование крестьянского представителя в уездный город для решения текущих дел волости и др.

Следует отметить, что к концу XVIII в. наблюдалась строгая регламентация налогов первой группы, вторая же группа была унифицирована лишь в 1843 г. В изучаемое время отсутствовали законы и иные распоряжения правительства о сборе денег на нужды волости и деревни. Они становились обязательными только после принятия решений на мирском сходе и вводились по потребности крестьян.

Известно, что на протяжении XVIII в. изменялась не только номенклатура денежных налогов и сборов, но и принцип их взимания. К началу изучаемого периода в России существовал подворный принцип сбора налогов. В основе оклада лежало зафиксированное в писцовых книгах число крестьянских дворов. В 1718 г. Петром I было инициировано кардинальное изменение фискальной политики. Этому была посвящена целая серия законодательных актов. Так, если за период с 1650 по 1825 г. было издано в общей сложности 142 распоряжения по данному вопросу, то с 1718 по 1800 г. – 92⁴. В них прописывались не только изменения в системе налогообложения, но и основные виды денежных налогов и сборов. С 1724 г. вводился новый принцип сбора денежных налогов – не со двора, а с «души мужского пола», внесенной в кадастровые росписи (ревизские сказки). Этот принцип налогообложения

просуществовал в течение всего изучаемого периода.

У государственных крестьян Коми края, как и России в целом, основная ответственность за сбор налогов и различных сборов возлагалась на крестьянскую общину и выборное крестьянское управление. Последнее должно было исправно следить за выполнением повинностей⁵. В узаконениях говорилось о наказаниях за невыплату налогов, предлагались меры по борьбе с недоимками, «учинившимися при сборе оных»⁶. Параллельно с этим неоднократно указывалось на недопустимость излишних сборов с крестьян со стороны администрации, как уездной, так и волостной. Подтверждалось наказание должностных лиц за подобные действия.

Как и на всей территории имперской России, в Коми крае местные административные власти прилагали все усилия, чтобы собрать государственные налоги в полном объеме. До 1780 г. налоги поступали в уездную канцелярию, а в последующее время – в уездные казначейства. Уездные органы получали указ о начале сбора из провинциального, а позднее – из губернского центра. В нем была обозначена сумма, которую требовалось собрать с населения уезда.

В исторической литературе высказывается мнение, что причиной изменения фискальной политики государства стала «постоянная нехватка денег для ведения русско-шведской войны» [10, 270]. С этим трудно не согласиться. Однако не только война со Швецией привела к изменениям в системе сбора денежных налогов. Существовали и экономические причины, связанные с продолжающейся модернизацией страны, появлением новых промышленных центров и т. д. Всё это требовало дополнительных денежных поступлений. Расширение налоговой базы, повышение

⁴ Подсчеты наши. Источник: ПСЗ. Т. 8. № 5226; Т. 9. № 7205; Т. 12. № 9244; Т. 15. № 1112 и др.

⁵ Там же. Т. 23. № 1546; Т. 24. № 17082 и др.

⁶ Там же.

налогов проходило в русле укрепления собственности государства на землю и соотнесенной с ней системы бюрократического контроля, что усиливало политическое могущество императора и утверждало новый порядок фискального надзора. Таким образом, переход на подушное обложение рассматривался властью как территориально-силовой ресурс, подкрепляющий независимость имперской власти перед лицом крупных феодалов.

В исследуемое время кардинально изменилась номенклатура налогов и повинностей крестьян. По данным автора раздела обобщающей работы «История Республики Коми», посвященного вопросам фиска в конце XVII – начале XVIII в. М. А. Мацука, черносошные крестьяне страны и Коми края платили множество денежных налогов. Кроме окладных денег, со двора в казну собирались стрелецкие деньги, деньги ратным людям на жалование и на выполнение ряда натуральных повинностей в денежной форме: ямской, по поставке даточных людей в стрелецкие и солдатские полки и т. д. [10, 271]. Стрелецкие деньги собиралась вплоть до 1724 г., т. е. до введения подушной подати.

Подушная подать в XVIII в. определялась исходя из размера оклада двора стрелецкими деньгами. Так, по первой ревизии, в стране насчитывалось 5 603 тыс. «тягловых» душ – и подушный налог в 1724 г. составил 74 коп. После уточнения числа налогоплательщиков он снизился до 70 коп. [7, 48]. Возникло противоречие, связанное с тем, что повинности государственных крестьян, определенные законодателем, оказались ниже, чем у крепостных. Последние, кроме подушной подати, исполняли еще и всевозможные натуральные повинности в пользу помещика, который сам определял их номенклатуру и сроки выполнения. Для того чтобы решить эту проблему, император одновременно с введением подушной подати ввел для черносошных крестьян и других сословий оброчный сбор – 40 коп. с души мужского пола [10, 271]. При этом им было гаранти-

ровано, что «больше того никаких денежных и хлебных податей и подвод иметь и платить неповинны» [12, 139].

Сумма подушного налога постоянно менялась. Так, в 1740 г. она снизилась до 53 коп., но на следующий год снова поднялась до 70 коп. В 1742–1743 гг. с каждой души мужского пола взималось по 60 коп., а в 1744–1750 гг. – по 70 коп. В 1751 г. налог составил 67 коп., в 1752 – 66,75, в 1757–1758 – 62, в 1759–1793 – 70, в 1793 (по курсу ассигнационного рубля) – 72, в 1794 – 87, в 1795 – 1 руб. 02 коп. и в 1798 г. – 1 руб. 46 коп. Аналогичная ситуация была и с оброчным сбором: с 1724 по 1760 г. он составлял 40 коп. с души, по указу от 12 октября 1760 г. был повышен до 60 коп., в 1769 г. достиг 2 руб., а в 1783 г. – 3 руб. 57 коп.⁷

В 1797 г. правительство в отношении выплаты оброчного сбора ввело принцип учета и сбора денег исходя из «экономических выгод состояния губерний». Все губернии были разделены на четыре класса, в пределах которых определялись принципы введения оброка. Яренский и Усть-Сысольский уезды (Вологодская губерния) вошли в 3-й класс, но оброчная выплата была назначена по уровню 4-го класса, намного более низкому. В итоге все государственные крестьяне Коми края выплачивали до 1810 г. 3 руб. 57 коп. оброчного сбора с души мужского пола⁸.

Кроме основных денежных налогов, с крестьянства взимались и другие. В Яренском уезде в 1701–1712 гг. существовал «провиантский сбор» – для отправки «своими силами ржаной муки для воинских людей в г. Архангельск», а также денежный налог «в военный приказ ратным людям на жалование» [10, 271]. Последний имел и другие названия: «полуполтинный», «деньги военного приказа на жалование драгунам», «драгунские деньги», а его сумма составляла 25 коп. с крестьянского двора. В 1706 г. крестьяне платили по 8 коп. с каждого двора «на дачу рекруткам» и «на дачу армейским извозчикам»; в

⁷ См.: ПСЗ. Т. 23. № 4650, 1722; Т. 24. № 18278 и др.; НА КНЦ Уро РАН. Ф. 1. Оп. 12. Д. 45; Ф. 5. Оп. 2. Д. 401.

⁸ См.: ПСЗ. Т. 31. № 24116; Т. 32. № 24992, 24993.

1707 г. – от 6 до 13 коп. «на наем подвод под артиллерийские припасы» с двора. В 1710 г. собирались деньги на строительство Санкт-Петербурга: «к петербургскому городовому делу на кирпичное дело», «на известное жжение (жжение извести)», «на припасы и на дело судов» и др. Размер сбора составил 30 коп. с двора. В 1713 г. взимались «полтинные деньги» «для нынешней с турками войны» [12, 124–125]. Денежным сбором, получившим название «канцелярские сборы», были обложены оформление бумаг и использование «гербовой бумаги». Общее количество сборов в исследуемое время приближалось к 50 [10, 272].

После смерти Петра I часть сборов была отменена. К концу столетия власть не увеличивала сумму основных денежных налогов, а постепенно присоединяла все сборы, которые существовали самостоятельно, к подушной подати.

Нельзя не согласиться с мнением П. П. Котова, что рост подушной подати в отдельные периоды, например в конце XVII в., был связан «с падением курса денег и стремлением компенсировать потери реальных выплат» [10, 340]. В другие периоды правительство шло на увеличение подушной подати, вероятно учитывая потери от снижения курса бумажных денег. Возможно, с этой же причиной связано и изменение оброчного сбора, который в первой половине XIX в. постоянно рос [10, 339].

Как и на всей территории имперской России, в Коми крае местные административные власти прилагали все усилия, чтобы собрать государственные налоги в полном объеме. До 1780 г. налоги поступали в уездную канцелярию, а в последующее время – в уездные казначейства. Уездные органы получали указ о начале сбора из провинциального, а позднее – из губернского центра. В нем была обозначена сумма, которую требовалось собрать с населения уезда. Затем из Яренска и Усть-Сысольска на места отправлялось предписание о том, сколько должна

собрать каждая волость. Крестьянское управление должно было совершить раскладку налогов внутри общины и своевременно отчитаться.

Вторую группу денежных налогов составляли так называемые земские сборы. В нашем распоряжении имеется расходная книга земского целовальника Гарьинской волости Михаила Аввакумова за 1774 г. В источнике расписаны все потраченные суммы, собранные с населения. Это оплата самых разнообразных поручений: от «письмовождения и приложения руки» к документам до «сбора и отправки подушных денег в Яренск»⁹. Данный документ служил подтверждением работы целовальника по расходованию мирских денег. Его появление было связано с жалобой крестьян Гарьинской волости на земского целовальника в Яренскую воеводскую канцелярию по причине «неправильных сборов»¹⁰. Собранные суммы, по их мнению, были «в излишестве». Яренская канцелярия организовала проверку, которая подтвердила воровство и нецелевое расходование мирских сумм. Итогом стало отстранение Аввакумова от должности. Известно, что такие случаи были не единичны¹¹.

Следует признать, что власть в лице Яренской воеводской канцелярии, а позднее – Усть-Сысольского уездного суда неоднократно призывала представителей крестьянского управления «истребить» финансовые злоупотребления, но безуспешно. Выбранные в крестьянское управление должностные лица, которые должны были отвечать за сбор, доставку и сохранность денежных налогов, собранных в волостях, продолжали воровать и присваивать собранные суммы. Своим поведением они вызывали горькое разочарование у односельчан.

Причина такого положения, на наш взгляд, коренилась не только в личных качествах отдельных представителей управления, но и в самом принципе сбора. Государство назначало выплату налогов исходя, как уже было отмечено, из числа

⁹ РГАДА. Ф. 609. Оп. 2. Д. 172. Л. 44–45.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 189, 193, 238 и др.

«душ мужского пола», проживающих в данной волости, без учета состоятельности населения. Крестьянская община сама раскладывала все денежные налоги и сборы «между собою» с учетом состоятельности каждого крестьянина и его семьи. Мирские сборщики, в нашем случае ценовальники, должны были собрать необходимую сумму и отправить ее в Яренск, позднее – в Яренск и Усть-Сысольск. Сама раскладка не была прописана, поэтому лица, отвечающие за нее, могли уменьшить оклад у одних и прибавить другим. Это вызывало недоумение и протест со стороны односельчан.

Должностные лица по своему усмотрению скрывали реальные оклады и делали неточные записи, небрежно оформляли решения мирских сходов. Окладные книги не сохранялись, сбор денег не фиксировался, уездная администрация не осуществляла должного контроля. Главное значение имела своевременность сбора налогов и отправки их в губернский центр. На местах мирской сход не всегда был в состоянии проследить за всеми действиями должностных лиц. Если злоупотребления всё же выявляли, то виновни-

ков «самовольно смещали» с должности либо отправляли многочисленные жалобы в вышестоящие органы на «неверные и сумнительные сборы».

Заключение

Денежные налоги и сборы крестьян Коми края на протяжении исследуемого периода не оставались неизменными. В первую очередь изменения коснулись принципа налогообложения – подворный был заменен на подушный. Появились новые чрезвычайные налоги и сборы. Наблюдался их постоянный рост.

Усиление налогового пресса, с одной стороны, приводило к ухудшению экономического положения крестьян, а с другой – активизировало население на поиск новых источников дохода. Возрастала роль внеземледельческих занятий, шло пространственное расширение территорий, возникали новые производства. Доходы от внеземледельческих занятий, вытесняя доходы от сельскохозяйственных, к концу исследуемого периода постепенно становились главными источниками уплаты денежных налогов и сборов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.) / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1976. 323 с.
2. Балуева Д. Д. Из истории земельных отношений в Коми крае в XVIII в. // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 53–73.
3. Балуева Д. Д. Имущественное расслоение и развитие отходничества в коми деревне в середине XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. М., 1958. С. 222–242.
4. Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. В 2 т. Т. 1. Областное деление Поморья; Землевладение и общественный строй; Органы самоуправления. М.: Синод. тип., 1909. 428 с.
5. Веселовский С. Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства: в 2 т. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1915. Т. 1. 442 с.
6. Гагиева А. К. Поземельно-хозяйственная функция общины крестьян Коми края в XVIII в. // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 4. С. 445–452. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.445-452.
7. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. В 2 т. Т. 1. Предпосылки и сущность реформы. М.; Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1946. 635 с.
8. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами, X – нач. XX в. М.: Наука, 1982. 224 с.
9. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней / под ред. И. Б. Берхина. 2-е изд. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 480 с.
10. История Коми: с древнейших времен до конца XX в.: в 2 т. / под ред. А. Ф. Смета-

- нина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1. 559 с.
11. Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 90–95.
 12. Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России до XIX в. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Ист. ил., 2001. 287 с.
 13. Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во МГУ, 1978. 344 с.
 14. Колесников П. А. История Европейского Севера СССР феодальной и капиталистической эпохи в дореволюционной и советской литературе // Вопросы аграрной истории: материалы науч. конф. по истории сел. хоз-ва и крестьянства Европ. Севера СССР. Вологда, 1968. Вып. 1. С. 465–500.
 15. Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в.: К вопросу об эволюции аграр. отношений в рус. государстве. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Волог. отд-ние, 1976. 416 с.
 16. Конкин Д. В. Из истории налогообложения мусульман Крыма в XIX в.: «татарский сбор», подробности подготовки, взимания и распределения средств. По материалам Российского государственного исторического архива // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 117–130. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-1-117-130.
 17. Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. / под ред. Н. Е. Носова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 244 с.
 18. Котов П. П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII – начале XX вв. Сыктывкар: СГУ, 1996. 165 с.
 19. Марискин О. И. Налогообложение торгово-промышленной деятельности в России во второй половине XIX – начале XX в. // Региональные столицы России – точки опоры и роста: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 2023. С. 204–207.
 20. Мацук М. А. Коми край от Бориса Годунова до Петра I: Очерки истории коми крестьянства конца XVI – XVII вв. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 184 с.
 21. Мацук М. А. Фискальная политика Русского государства и будущие государственные крестьяне Коми края, Севера и Юга России: общее и особенное (XVII век). Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории, 2007. 213 с.
 22. Миненко Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири, XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 263 с.
 23. Очерки по истории Коми АССР / под ред. К. В. Сивкова и др. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. Т. 1. 352 с.
 24. Петров Ю. И. Фискальные органы в истории налогообложения в России: IX–XIX века. Изд. стер. М.: URSS, 2022. 240 с.
 25. Першина Т. А., Першин С. В. Родственный состав мордовской, русской и татарской семьи-домохозяйства в первой половине XIX в.: сравнительный анализ // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 78–86. DOI: 10.15507/20762577.014.2022.01.78-86.
 26. Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: (На материалах вотчин Шереметьевых). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 215 с.
 27. Смирнов И. Н. Дореволюционная марийская семья и ее быт // Межэтнические связи населения Марийского края. Йошкар-Ола, 1991. С. 94–122. (Археология и этнография Мар. края; вып. 20).
 28. Black C. E. The dynamics of modernization: a study in comparative history. New York: Harper & Row, 1966. 207 p.
 29. Gershenkron A. Economic backwardness in historical perspective: A book of essays. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962. 456 p.
 30. Lerner D. The passing of traditional society: modernizing the Middle East. Glencoe: Free Press, 1958. 466 p.

Поступила 29.08.2023; одобрена 30.11.2023; принята 28.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. К. Гагиева – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления, gngkol2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6095-5082>

Monetary taxes and fees of the peasants of the Komi region in the XVIII century

Anna K. Gagieva

*Komi Republican Academy of Public Administration and Management,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. The article considers the history of monetary taxes and fees in the state village of the XVIII century. During the period under study in Russia, there was a restructuring of the taxation system, a transition to poll taxation was carried out, and the nomenclature of monetary fees changed. The state peasants of the North and Komi region were also included in these changes. At the same time, the payment of state taxes in this territory had its own peculiarities. The purpose of the article is to consider the collection of monetary taxes and fees on the territory of the Komi region.

Materials and Methods. The research was conducted on the materials of published and unpublished (archival) sources. The latter were divided into directive (resolutions and decisions); organizational (minutes of meetings); communicative (correspondence) and accounting (reports). Their analysis was based on a systematic approach, which predetermined the use of such basic methods as system-structural, historical, formal-legal and some others.

Results and Discussion. As shown by the study of historical sources and literature, black-collar peasants lived on the territory of the Komi region (Yarensky and Ust-Sysolsky counties of the Vologda province) until the beginning of the XVIII century and at a later time – state peasants. They paid a number of monetary taxes, performed duties in favor of the state. In the XVIII century the government changed the taxation system by introducing a poll tax, a levy, which were strictly regulated and mandatory for everyone. In addition to them, there were so-called zemstvo fees in the state village of the Komi region. They were not regular and clearly fixed.

Conclusion. The strengthening of the tax press, on the one hand, led to a deterioration in the economic situation of the peasants, and on the other – activated the population to search for new sources of income. The role of extraterrestrial activities gradually increased, spatial expansion of territories took place, new industries appeared. Income from extraterrestrial activities began to displace income from agricultural activities and turned into the main source for the payment of monetary taxes and fees.

Keywords: toll collection, Yarensky district, Ust-Sysolsky district, poll tax, taxes, peasants

For citation: Gagieva AK. Monetary taxes and fees of the peasants of the Komi region in the XVIII century. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2024;16;1:82–91. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.82-91.

REFERENCES

1. Aleksandrov VA. Rural community in Russia (XVII – early XIX century). Moscow; 1976. (In Russ.)
2. Balueva DD. From the history of land relations in the Komi region in the XVIII century. *Istoriko-filologicheskii sbornik = Historical and philological collection*. Syktyvkar; 1958;4:53–73. (In Russ.)
3. Balueva DD. Property stratification and development of otkhodnichestvo in the Komi village in the middle of the XVIII century. *K voprosu o pervonachal'nom nakoplenii v Rossii (XVII–XVIII vv.): sb. st. = On the issue of primitive accumulation in Russia (XVII–XVIII centuries)*. Collection of articles. Moscow; 1958:222–242. (In Russ.)
4. Bogoslovskii MM. Zemstvo self-government in the Russian North in the XVII century. Moscow; 1909;1. (In Russ.)
5. Veselovskii SB. Soshnoye letter: a study on the history of the cadastre and taxation of the Moscow State. Moscow; 1915;1. (In Russ.)
6. Gagieva AK. Land and economic function of the peasants' community of the Komi region in the XVIII century. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2022;14;4:445–452. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.445-452.
7. Druzhinin NM. State peasants and the reform of P. D. Kiselev. Prerequisites and essence of the reform. Moscow; Leningrad; 1946;1. (In Russ.)
8. Zherebtsov LN. Historical and cultural relations of the Komi with neighboring peoples, X – early XX century. Moscow; 1982. (In Russ.)
9. Berkhin IB, ed. History of the Komi ASSR from ancient times to the present day. 2nd edition. Syktyvkar; 1981. (In Russ.)

10. Smetanin AF, ed. History of Komi: from ancient times to the end of the XX century. Syktyvkar; 2004;1. (In Russ.)
11. Kadykova GN. Mari peasant family of the Vasil'sky district of the Nizhny Novgorod province at the end of the XVIII – the first half of the XIX centuries. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2016;4:90–95. (In Russ.)
12. Kozlov SA, Dmitrieva ZV. Taxes in Russia before the XIX century. 2nd edition, corrected and expanded. Saint-Petersburg; 2001. (In Russ.)
13. Kozlova KI. Essays on the ethnic history of the Mari people. Moscow; 1978. (In Russ.)
14. Kolesnikov PA. History of the European North of the USSR in the feudal and capitalist eras in pre-revolutionary and Soviet literature. *Voprosy agrarnoi istorii: materialy nauch. konf. po istorii sel. khoz-va i krest'ianstva Evrop. Severa SSSR* = Questions of agricultural history. Proceedings of the scientific conference on the history of agriculture and the peasantry of the European North of the USSR. Vologda; 1968;1:465–500. (In Russ.)
15. Kolesnikov PA. Northern village in the XV – first half of the XIX centuries: On the evolution of agrarian relations in the Russian State. Vologda; 1976. (In Russ.)
16. Konkin DV. From the history of the Crimean Muslims taxation in the XIX century: the “Tatar levy”, details of preparation, collection, and distribution: materials from the Russian State Historical Archive. *Vestnik arhivista* = Herald of an Archivist. 2023;1:117–130. (In Russ.). DOI: 10.28995/2073-0101-2023-1-117-130.
17. Kopanev AI. Peasants of the Russian North in the XVII century. Leningrad; 1984. (In Russ.)
18. Kotov PP. Dynamics of the level of agriculture in the Komi region at the end of the XVIII – beginning of the XX centuries. Syktyvkar; 1996. (In Russ.)
19. Mariskin OI. Taxation of commercial and industrial activity in Russia in the second half of the XIX – early XX century. *Regional'nye stolitsy Rossii – točki opory i rosta: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* = Regional capitals of Russia are points of support and growth: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Ekaterinburg; 2023:204–207. (In Russ.)
20. Matsuk MA. Komi region from Boris Godunov to Peter I: Essays on the history of the Komi peasantry at the end of the XVI – XVII centuries. Syktyvkar; 1993. (In Russ.)
21. Matsuk MA. Fiscal policy of the Russian state and future state peasants of the Komi region, North and South of Russia: general and special (XVII century). Syktyvkar; 2007. (In Russ.)
22. Minenko NA. Russian peasant community in Western Siberia, XVIII – first half of the XIX century. Novosibirsk; 1991. (In Russ.)
23. Sivkov KV et al., eds. Essays on the history of the Komi ASSR. Syktyvkar; 1955;1. (In Russ.)
24. Petrov IuI. Fiscal authorities in the history of taxation in Russia: IX–XIX centuries. The publication is stereotypical. Moscow; 2022. (In Russ.)
25. Pershina TA, Pershin SV. The relative composition of the Mordovian, Russian and Tatar family-households in the first half of the XIX century: a comparative analysis. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:78–86. (In Russ.). DOI: 10.15507/20762577.014.2022.01.78-86.
26. Prokofeva LS. Peasant community in Russia in the second half of the XVIII – first half of the XIX century: (Based on the materials of the Sheremetev estates). Leningrad; 1981. (In Russ.)
27. Smirnov IN. Pre-revolutionary Mari family and its way of life. Interethnic relations of the population of the Mari region. *Mezhetnicheskie svyazi naseleniia Mariiskogo kraia* = Interethnic relations of the population of the Mari region. Yoshkar-Ola; 1991;20:94–122. (In Russ.)
28. Black CE. The dynamics of modernization: a study in comparative history. New York; 1966.
29. Gershenkron A. Economic backwardness in historical perspective: A book of essays. Cambridge; 1962.
30. Lerner D. The passing of traditional society: modernizing the Middle East. Glencoe; 1958.

Submitted 28.02.2023; reviewing 20.03.2023; accepted 28.12.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. K. Gagieva – Doctor of History, Professor, Department of State and Municipal Administration, Komi Republican Academy of Public Administration and Management, gngkol2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6095-5082>

Финские печатные периодические СМИ о В. И. Лыткине

Николай Анатольевич Ракин

*Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН,
Сыктывкар, Россия*

Введение. В. И. Лыткин – один из основоположников коми науки и литературы. В 1926–1928 гг. он находился на научной стажировке за границей (в Финляндии, Венгрии, Эстонии). В своей статье о впечатлениях от пребывания в Финляндии, а также в дневнике этого периода ученый и поэт упоминает, что о нем писали финские газеты. В статье рассматриваются материалы финских СМИ о В. И. Лыткине.

Материалы и методы. Материалом исследования являются финские газетные публикации о В. И. Лыткине 1920-х, а также 1950–1980-х гг. Методом исследования стала сплошная выборка текстов из цифровых баз финских печатных периодических СМИ (газет).

Результаты исследования и их обсуждение. Публикации о коми исследователе и поэте выходили как в центральных общенациональных финских газетах, так и в местных изданиях. Основная их часть относится к 1926–1927 гг. – времени пребывания В. И. Лыткина в Хельсинки, однако в финских СМИ это имя встречается и позже, в 1950–1980-х гг. В газетах выходят интервью с коми исследователем, упоминания о нем можно встретить также в регулярных сообщениях о деятельности различных научных обществ и в других публикациях.

Заключение. Заграничная стажировка – важный период в жизни В. И. Лыткина. Материалы финских газет 1920-х гг. (а также 1950–1980-х гг.) служат весомым дополнением к биографии коми ученого и поэта. Интервью свидетельствуют о том, что для финской общественности стажер был ценным источником информации о коми и других российских финно-угорских народах. Другого рода газетные материалы позволяют проследить некоторые аспекты пребывания исследователя в Финляндии (выступления в научных обществах, деятельность по налаживанию связей между исследовательскими организациями и др.).

Ключевые слова: В. И. Лыткин, финские газеты, научная стажировка в Финляндии

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР ИЯЛИ ФИЦ КНЦ УрО РАН «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

Для цитирования: Ракин Н. А. Финские печатные периодические СМИ о В. И. Лыткине // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 1. С. 92–102. DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.92-102.

Введение

Василий Ильич Лыткин (Илля Вась, 1895–1981) – один из основоположников коми науки и литературы. Областями его обширных научных интересов были вопросы строительства коми литературного языка, диалекты и история пермских языков, памятники древнекоми письменности. В. И. Лыткин также был одним из тех, кто стоял у истоков коми литературы, его первые стихи были написаны еще до 1917 г. На протяжении всей жизни он создавал произведения для детей, занимался переводом сочинений русских и зарубежных авторов, первым в коми литературе обратился к переложению с финно-угорских языков – публиковал поэзию удмуртских,

венгерских и финских авторов [7, 53–54; 8; 9, 50–51; 10, 269; 11, 89].

В. И. Лыткин родился 27 декабря 1895 г. в с. Тентюково (ныне это часть Сыктывкара). В 1916 г. окончил Тотемскую учительскую семинарию, в 1916–1917 гг. служил в царской армии, затем преподавал в школе с. Деревянск. В 1918–1921 гг. был призван в Красную армию, участвовал в военных действиях. В 1921–1922 гг. преподавал в Институте народного образования, школах Усть-Сысольска (в 1930 г. переименован в Сыктывкар).

В 1922–1926 гг. В. И. Лыткин обучался на филологическом факультете Первого Московского государственного универси-

тета. В 1926–1928 гг., будучи аспирантом Научно-исследовательского института народов Востока, начинающий исследователь находился на стажировке за границей. С февраля 1926 по февраль 1927 г. он пребывал в Финляндии, откуда в декабре 1926 – январе 1927 г. ездил в Эстонию; с февраля 1927 по январь 1928 г. стажировался в Венгрии. Целью поездки были ознакомление с зарубежным финно-угроведением, изучение финского и венгерского языков.

В Хельсинкском университете В. И. Лыткин посещал лекции профессоров Ю. Вихманна, У. Т. Сирелиуса, Ф. Эймя по финно-угорской лингвистике, этнографии, фонетике, познакомился с одним из основоположников финно-угорского сравнительно-исторического языкознания и государственным деятелем Э. Н. Сетяля (в 1917 г. – председатель Финского сената, в 1925–1926 гг. – министр образования, министр иностранных дел Финляндии). В Будапеште присутствовал на семинарах и лекциях таких известных венгерских лингвистов, как Й. Синнеи, З. Гомбоц, Д. Немет, М. Жирай, общался с венгерским исследователем коми языка, побывавшим с научной поездкой в Коми в 1911 и 1913 гг., Д. Р. Фокошем-Фуксом. Здесь он защитил диссертацию на ученую степень доктора философии «S-овые именные суффиксы в пермских языках» [15].

После возвращения в СССР в 1929–1933 гг. В. И. Лыткин – доцент Первого Московского государственного университета, научный сотрудник Научно-исследовательского института национальностей Севера при ЦИК СССР, с 1932 г. – заведующий кафедрой коми языка и литературы в Коми педагогическом институте. В январе 1933 г. Василий Ильич был арестован по сфабрикованному делу за участие в контрреволюционной буржуазно-националистической организации «Союз освобождения финских народностей» (дело «СОФИН»). Отбывал срок в Даль-

невосточном исправительно-трудовом лагере (Дальлаг) НКВД, вышел на свободу 8 сентября 1935 г. (реабилитирован в 1956 г.), в 1935–1938 гг. работал вольнонаемным экономистом при Дальлаге возле Хабаровска. В 1939–1948 гг. В. И. Лыткин – доцент, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка Оренбургского педагогического института, в 1948–1949 гг. – заведующий кафедрой русского языка Московского областного педагогического института, в 1949–1959 гг. – заведующий кафедрой русского языка Рязанского педагогического института. В 1943 г. защитил кандидатскую, в 1946 г. – докторскую диссертацию о древнепермском (древнекоми) литературном языке на основе стефановских письменных памятников XIV–XVI вв. С 1959 г. работал в секторе финно-угорских языков Института языкознания АН СССР старшим научным сотрудником, затем заведующим сектором [1, 97–98; 2–4].

Обзор литературы

Биография, научная деятельность и литературное творчество В. И. Лыткина достаточно хорошо изучены. Во многих работах о нем в той или иной степени затрагивается и заграничная стажировка 1926–1928 гг. [2; 3]. Наиболее досконально вопросы, связанные с пребыванием коми исследователя в Финляндии, Эстонии, Венгрии, рассматриваются в нескольких публикациях А. И. Туркина [12–14; 16]¹.

По возвращении из заграничной стажировки на родину в 1928 г. В. И. Лыткин опубликовал в журнале «Коми му – Зырянский край» небольшую статью «Заграничные впечатления. В Финляндии»². В 2003 г. в переводе на коми язык эта же статья вышла в журнале «Войвыв кодзув»³. Она охватывает только первое время пребывания автора в Финляндии. Скорее всего задумывалось продолжение материала, но оно не последовало.

В 1994 г. А. И. Туркин издал сохранившийся дневник В. И. Лыткина, от-

¹ См. также: Туркин А. И. Илля Вась Финляндияын // Югд туй. 1985. 19 дек.; Его же. В. И. Лыткин Финляндияын да Эстонияын // Войвыв кодзув. 1991. № 1. С. 58–61.

² См.: Илля Вас. Заграничные впечатления. В Финляндии // Коми му – Зырянский край. 1928. № 4. С. 45–47.

³ См.: Лыткин В. Йбз муын вежөрö мörччöмторъяс. Финляндияын // Войвыв кодзув. 2003. № 1. С. 68–70.

носящийся к периоду нахождения коми исследователя и поэта за рубежом⁴. Этот же дневник был опубликован в журнале «Арт» в 2016 г.⁵

В статье 1928 г. В. И. Лыткин пишет, что о его приезде в Финляндию сообщается в финских газетах, там же выходят интервью с ним: «Присылают ко мне корреспондента одной газеты. Спрашивает, как живут восточные финны. Рассказываю. Показываю ему большую кипу привезенной с собой литературы на восточно-финских языках. Он удивлен такой неожиданностью. Оказывается, они о культуре восточных финнов знали только понаслышке... На другой день появляется длинная передовица с моим портретом в одной из самых больших финских газет. Написано крупным шрифтом: “у восточно-финских народов развивается своя культура, начальные школы уже на родном языке, имеются поэты” и т. д. Появились статейки и в других газетах...»⁶.

В этой публикации не сообщается, какие именно газеты пишут о коми стажере. Более подробная информация содержится в его дневнике:

«20.02.1926. О моем приезде сегодня написали в газете. Мне уже давно говорил Якобсон: отправим, мол, к тебе корреспондента газеты. Я все отпирался, мол, не надо. Но от корреспондента не спасся. Вчера вечером он позвонил (“Ууси Суоми”) – когда, мол, можно прийти ко мне, поспрашивать о восточных финских народах? Я попросил сегодня в 2 часа. Приходил, много спрашивал... Спрашивал о культуре, о языке, о школе, о литературе. Уже, мол, не запрещают писать книги на родном языке? Говорю, нет.

Очень удивляется. Теперь, мол, значит, коми язык не так сильно хиреет. Какое, говорю, вымирание. Мы, говорю, хотим создать на своем языке среднюю и высшую школу. Вот только, говорю, литература медленно выходит. Мало, говорю, у нас денег... Ушел, у меня фотокарточку, уходя, взял: хочет портрет магистра Лыткина дать в газете...»;

«21.02.1926. Сегодня мой портрет в самой большой газете (“Ууси Суоми”) дали, передовицу обо мне и восточных финских народах написали...»⁷.

В 1990-е гг. были опубликованы материалы дела «СОФИН» 1933 г., касающиеся В. И. Лыткина: протоколы допросов, составленные следователями, и показания, собственноручно написанные подсудимым. В них подробно разбирается заграничная командировка 1926–1928 гг., так как именно она, наряду с научным сотрудничеством с учеными и организациями Финляндии, Венгрии, Эстонии, легла в основу обвинения в антисоветской деятельности и участия в организации «Союз освобождения финских народностей». В одном из своих показаний В. И. Лыткин сообщал о взаимодействии с местными газетами: «В финской прессе с моих слов напечатаны были статьи, популяризирующие советскую национальную политику, освещающие культурный рост восточных финнов и т. д. За эти статьи я получил от нашего посла в Гельсингфорсе благодарность» [цит. по: 5, 148].

Материалы и методы

Материалом исследования являются финские газетные публикации о В. И. Лыткине 1920-х и 1950–1980-х гг. – статьи в центральных общенациональных

⁴ См.: Илля Вась. Финляндияын да Венгрияын пасйӧдъясысь // Войвыв кодзув. 1994. № 10. С. 40–72.

⁵ См.: Лыткин В. Финляндияын да Венгрияын пасйӧдъясысь // Арт. 2016. № 1. С. 11–45.

⁶ Илля Вас. Указ. соч. С. 46.

⁷ Перевод с коми – автора статьи. Оригинал на коми: «20.02.1926. Менам локтӧм йылысь талун гижӧмаӧсь газетӧ. Меным важбн нин вӧлі шубӧ Якобсон: ыстам пӧ газет корреспондентӧс тӧ дінб. Ме пыр пыкси, мися оз ков. Но корреспондентсыд эг мын. Тӧрыт рытнас звӧнитліс и (“Ууси Суоми”) – кор пӧ позьӧ ме ордӧ волыны, восточной финской йӧз йылысь юавны? Кори талун 2 часын. Воліс, ӧна юасис... Юалис культура йылысь, кыв йылысь, школа йылысь, литература йылысь. Оз пӧ нин запрешайтны книгасӧ ас кывнас гижӧмсысь? Мися оз. Шензьӧ быдсӧн. Ӑні пӧ, сідзкӧ, коми кывйыс оз нин вывтӧ падмы. Кутшӧм али, мися, вымирайтӧм. Ми, мися, кӧбсыам шӧр школа и ыджыд школа пӧртны ас кывйӧ. Сӧмын вот, мися, литература ньбжйӧ петӧ. Этша, мися, сьӧмным... Муніс, менсыам карточка мунігас босьтіс: магистр Лыткинлысь портретсӧ кӧйӧ газетӧ сетны...»; «21.02.1926. Талун менсыам портретсӧ медыджыд газетас (“Ууси Суоми”) сетӧмаӧсь, передовица ме йылысь да асывыв финн йӧз йылысь гижӧмаӧсь...».

IRTONUMERO (Sunn. no 8)

IRTONUMERO

Välillä numeron mukana jaetaan
S U N N U N T A I L I T E

UUSI SUOMI

N:o 43 – Hinta 1 mk.

Hinta 1 mk. – 1926

Sunnuntaina Helmikuun 21 päivänä

PÄÄTOIMITTAJA KAARLO ROSKIMIES
Gatastie 10 Helsinki

Sunnuntaina Helmikuun 21 päivänä

Suomensukuisten kansojen kansallinen siivitys on kohoamassa Itä-Venäjällä.

Omat alkeiskoulut ovat jo toiminnassa.

Kansallinen kirjallisuus kehittyessä.

Väinö Lytkin.

nerveimme ellen, että Moskovan

vat a.s. pedagogiset tekijät, joi-
ta on laajalla auttomuudella alustella
ja väliä muutokäsitteiden, valdita
hoitii ei olekaan omia sivistysauto-
nomia.
Luku- ja kirjallisuustalouden on keli-
teknin vielä toistaiseksi vähän. Syy-
jänsiksi onsa luku- ja kirjallisuus
syrjäntuloksi noin 35 prosenttia;
sivutien kansojen keskuudessa on
tämä prosenttien välikko pienempi.
Mutta syvä harrastusta omaan
kulttuurin ja sen kirjallisuuteen on
olennassa ja monien vuosien
kuluessa tulevat nämä nuoret
luomattavasti muuttamaan.
— Oso sivistystä ja omia
omia kirjallisuutta?
— Meillä on ilmeisesti, vastaa
lira Lytkin, muutama nuori, lah-
jakkaita runoilijoita ja kirjallijoita
ja muutamia on voimakas ja sube-
missiivä. Sivistyksen runoilijoita on
syvästi etevin B. A. Savin, joka
runoilijana käyttää nimen „Joh-

Suomen ensimmäinen auto- näyttely avattiin täällä eilen juhlallisin menoin.

Tilaisuudessa läsnä m. m. tasavallan presidentti hallituksen jäseniä ja ulkovaltain edustajia.

Omnibus- ja kuorma-autonäyttely ruotsalaisten normaaliyksen pihalla

Suomen ensimmäinen autonäyttely
suosittu toiminnalla oli kestänyt ja
lehti puoli 11 p. Kaartun-
näkymä, joka ottaa samoin kuin
näkymä, joka ottaa samoin kuin
näkymä, joka ottaa samoin kuin

Puola ei voi ensi kuussa saada vakinaista paikkaa kansainliiton neuvostossa.

„Timesin“ mukaan voidaan asia nyt pitää ratkaistuna.

Paolalaiset lehdet vaativat jatkaasti Puolalle paikkaa neuvostossa.

Englannin yllähuone lähtee ensi
kuukaudessa laatimaan kansainliiton
neuvoston kokonaisuuden kokouksen
kysymykseen.

Lontoo, 20. 2. (STT) Yllähuone
tulee ensi kuukaudessa käsitte-
lemään kysymystä kansainliiton
neuvoston kokonaisuudesta. Lordi
Parnover, joka lausui työttömyy-
siivityksen, tulee kehottamaan yllä-
huonetta hyväksymään sellaisen
selityksen, ettei sen perusteella,
että Saksa yhtyi kansainliittoon
ja sen Locarno sopimuksen ma-
kaisesti valtakunnan paikka neuvos-
tossa, voida ottaa kysymystä lii-
tonneuvoston uudelleenjärjestelyä
tai sen jäsenmäärän lisäämistä
käsittelyä. Kuitenkin silloin
on mahdollista, ettei Englannin hallitus
ole vielä määrätty lopullista
laatuun tässä asiassa. Uusi
ministeri sulitti erillään pahe-
kaan vastustavien äänen välistä

Stryzmit.

Puolan pöytä- ja ulkoministeri.

газетах *Helsingin Sanomat* («Хельсинкские известия», ежедневная газета, издается с 1889 г.) и *Uusi Suomi* («Новая Финляндия», ежедневная газета, выходившая в 1919–1991 гг.), а также в крупных местных изданиях *Iltalehti* («Вечерняя газета», газета Хельсинки, выходившая в 1919–1930 гг.) и *Aamulehti* («Утренняя газета», основанная в 1881 г., выходившая в Тампере ежедневная газета). Часто появившиеся здесь материалы перепечатывались в разнообразных более мелких городских и районных газетах, таких как *Karjala* («Карелия», в 1903–1940 гг. выходила в Выборге, позже – в Хельсинки, Лахти и Лаппеенранте), *Ilkka* (1906–2020, выходила в Ваасе и Сейняйоки), *Vapaa Karjala* («Свободная Карелия», выходила в Сортавале и Выборге в 1920–1939 гг.), *Karjalainen* («Карел», выходит с 1874 г. в Йёнсуу), *Perä-Pohja* («Крайний Север», выходила в 1926–1931 гг. в Торнио), *Loviisan Sanomat* («Известия г. Ловииса», издается с 1916 г.), *Riihimäen Sanomat* («Известия г. Риихимяки», 1914–2003) и др.

Метод исследования – сплошная выборка текстов из цифровых баз финских печатных периодических СМИ (газет).

Результаты исследования и их обсуждение

Большинство выходивших в Финляндии в разное время газет оцифрованы, созданы их общедоступные полнотекстовые базы, такие как, например, цифровая коллекция газет Национальной библиотеки Финляндии либо архив газеты *Helsingin Sanomat* 1904–1997 гг. Так, цифровая коллекция газет Национальной библиотеки Финляндии содержит более 14 млн отсканированных листов [6]. Указанные базы делают возможным поиск статей, в которых упоминается В. И. Лыткин.

В ходе исследования нами было обнаружено несколько десятков публикаций о В. И. Лыткине. Основная их часть относится к 1926–1927 гг. – времени пребывания коми исследователя в Хельсинки, однако в финских газетах это имя встречается и позже, в 1950–1980-х гг.

20 февраля 1926 г. в газетах *Helsingin Sanomat*⁸, *Uusi Suomi*⁹ и *Iltalehti*¹⁰ выходит заметка, в которой сообщается о прибытии в страну для стажировки коми языковеда: «В нашу страну несколько дней назад из Москвы прибыл коми языковед магистр

⁸ См.: Maahamme on paari päivää sitten saapunut Moskovasta syrjäniläinen kielentutkija Vasili Lytkin // *Helsingin Sanomat*. 20.02.1926.

⁹ См.: Syrjäniläinen kielentutkija Suomessa // *Uusi Suomi*. 20.02.1926.

¹⁰ См.: Syrjäniläinen kielentutkija Suomessa // *Iltalehti*. 20.02.1926.

Василий Лыткин, который в качестве стипендиата учрежденного в прошлом году в Москве Научно-исследовательского института народов Востока под руководством местных ученых будет стажироваться в финско-эстонских исследованиях. Магистр Лыткин родом из культурного центра зырян Усть-Сысольска и какое-то время занимался изучением диалектов своего родного языка. На сегодняшнем заседании Финно-угорского общества он сделает доклад о проделанной в последние годы в России работе в сфере финно-угроведения»¹¹.

21 февраля 1926 г. *Uusi Suomi* на первой полосе публикует подробное интервью В. И. Лыткина о коми и других российских финно-угорских народах (удмуртах, мари, мордве) под заголовком «Уровень национальной культуры родственных финно-угорских народов растет в Восточной России. Уже действуют свои начальные школы. Национальная литература развивается». В интервью говорится о распространении грамотности, развитии национальной школы, литературы, выпуске газет. На вопрос корреспондента о коми литературе звучит такой ответ: «У нас появились молодые одаренные поэты и писатели. Из коми писателей сейчас наиболее выдающийся В. А. Савин, который использует литературное имя Нёбдинса Виттор. Он написал много стихов и 15 драм, из которых 8 опубликовано. Всё это, естественно, на коми языке». Среди проблем отмечается, что «большим врагом просвещения является недостаток средств, финно-угорские народы в России

бедны...». Интервью сопровождается фотографией Василия Ильича¹².

Это же интервью позже перепечатывают другие газеты: *Aamulehti*¹³, *Karjala*¹⁴, *Työväenjärjestöjen Tiedonantaja*¹⁵, *Ilkka*¹⁶, *Vapaa Karjala*¹⁷, *Karjalainen*¹⁸.

3 марта 1926 г. *Helsingin Sanomat* в статье «Автономная область зырян. Национальная культура быстро развивается» со слов В. И. Лыткина рассказывает о состоянии дел в Коми автономии: «Еще в 1917 г. коми язык был языком только необразованного народа. Интеллигенция и все чиновничество говорили по-русски. Только в 1918 г. стали использовать коми язык в школах... В 1917 г. на сцене появились коми постановки (вначале переводные, позже оригинальные). Газеты на коми стали выходить только в 1923 г. Тогда же стали переводить на коми язык и государственные органы, эта работа продолжается и дальше. Местный съезд Советов признал в границах автономии коми язык официальным государственным языком... Отправление правосудия почти везде происходит на коми языке, в гос. органах говорят на коми, печати, бланки, вывески, другая печатная продукция печатается на коми... В этом году впервые всеобщий съезд Советов автономии проведен на коми языке... Ожидается, что через 5 лет весь гос. аппарат в автономии перейдет полностью на коми. За это время также ожидается организация средней школы на коми, а за 10–15 лет коми надеются получить на своем языке высшее образование»¹⁹.

Этот же материал 5 марта печатает *Pohjan Voima*²⁰.

¹¹ Здесь и далее перевод с финского языка – автора статьи.

¹² См.: Suomensukuisten kansojen kansallinen sivistys on kohoamassa Itä-Venäjällä. Omat alkeiskoulut ovat jo toiminassa. Kansallinen kirjallisuus kehittymässä // Uusi Suomi. 21.02.1926.

¹³ См.: Syrjänilainen vieras maassamme. Maisteri Vasili Lytkin kertoo Itä-Venäjällä asuvien suomensukuisten kansojen kansallisen sivistyksen olevan kohoamassa // Aamulehti. 22.02.1926.

¹⁴ См.: Suomensukuisten kansojen kansallinen sivistys on kohoamassa Itä-Venäjällä. Omat alkeiskoulut ovat jo toiminassa. Kansallinen kirjallisuus kehittymässä // Karjala. 22.02.1926.

¹⁵ См.: Työväen wallasta on porwarienkin annettawa tunnustus. Wähemmistökansallisuuksien asema Neuwostoliitossa turwattu. Suomensukuisten kansojen siwistys neuwostohallityksen aikana nopeasti kohonnut // Työväenjärjestöjen Tiedonantaja. 22.02.1926.

¹⁶ См.: Syrjänilainen vieras maassamme // Ilkka. 25.02.1926.

¹⁷ См.: Suomensukuisten kansojen kansallinen sivistys on kohoamassa Itä-Venäjällä. Omat alkeiskoulut ovat jo toiminassa. Kansallinen kirjallisuus kehittymässä // Vapaa Karjala. 26.02.1926.

¹⁸ См.: Suomensukuiset kansat Venäjällä. Kansallinen sivistys kohoaa. Omat alkeiskoulut ovat jo toiminassa ja kansallinen kirjallisuus kehittymässä // Karjalainen. 04.03.1926.

¹⁹ Syrjäniien autonominen alue. Kansallinen kulttuurityö on kehittynyt nopeasti // Helsingin Sanomat. 03.03.1926.

²⁰ См.: Wähemmistö kansojen asema Neuvosto-Venäjällä. Syrjäniien kansallinen kulttuurityö on kehittynyt nopeasti // Pohjan Voima. 05.03.1926.

12 января 1927 г. *Iltalehti* в статье «Финно-угорские народы в России» сообщает, что стажировавшийся в Финляндии В. И. Лыткин рождественские каникулы провел в Эстонии. Там он дал интервью эстонской газете *Päeväleht* («Дневная газета») о положении российских финно-угорских народов. *Iltalehti* приводит некоторые моменты этого интервью: «В царское время интеллигенция инородцев говорила на русском языке. В школе, церкви, государственных органах властвовал русский язык... Коми (зыряне) празднуют уже пятилетие своей автономии... Столица автономии – Сыктывдинкар, по-русски Усть-Сысольск, т. е. город в устье реки Сысолы. Население города около 8 000 человек, автономии – около 350 000, из которых 92 % – зыряне, остальные – ненцы, в городе какое-то количество русских... Автономия не распространяется на всю территорию проживания коми, за ее пределами осталось большое их количество. Коми стремятся объединить весь свой народ. В настоящее время началось строительство дороги к одноплеменникам, проживающим на юге. Задумываются о строительстве железной дороги... Коми литература умножается год от года. К настоящему времени издано порядка 150 книг... Из периодики на коми выходят ежедневная газета тиражом 2 000 экз. и ежемесячный журнал “Ордым” («Тропа»). Кроме этого на русском языке выходят 3 газеты и один ежемесячный журнал... Коми студентов в российских университетах примерно 340. Имеются национальный музей и научное общество». Также сообщается, что В. И. Лыткин вернулся в Финляндию, где пробудет еще некоторое время, а затем отправится в Венгрию для изучения венгерского языка²¹.

Материал перепечатывают другие газеты: *Maakansa*²², *Perä-Pohja*²³, *Loviisan Sanomat*²⁴, *Riihimäen Sanomat*²⁵.

Финские газеты регулярно сообщают о деятельности различных обществ. В этих сообщениях также можно встретить упоминания о В. И. Лыткине.

25 февраля 1926 г. *Helsingin Sanomat* информирует о состоявшемся 20 февраля заседании Финно-угорского общества (*Suomalais-Ugrilainen Seura*). Отмечается, что был заслушан доклад В. И. Лыткина о проделанной в последние годы в России работе в области исследования финно-угорских народов, после чего докладчик передал обществу большое количество изданий и газет на коми, удмуртском, марийском, мордовских языках. На этом же заседании В. И. Лыткин был избран зарубежным членом общества²⁶.

6 мая 1926 г. *Helsingin Sanomat*²⁷, 8 мая *Uusi Suomi*²⁸ сообщают, что на заседании Общества финской литературы (*Suomalaisen Kirjallisuuden Seura*) 5 мая обсуждалось обращение В. И. Лыткина о возможности обмена научной литературой с музеем в Усть-Сысольске и Обществом изучения Коми края. Обществом финской литературы одобрен обмен и выделена литература на сумму 600 марок²⁹.

25 ноября 1926 г. *Uusi Suomi*³⁰ и *Helsingin Sanomat*³¹ публикуют информацию о заседании Финно-угорского общества 20 ноября, на котором состоялся доклад В. И. Лыткина о древних контактах между коми и русским языками.

5 декабря 1926 г. *Uusi Suomi*³², 6 декабря *Helsingin Sanomat*³³ размещают информацию о деятельности Финно-угорского общества за год. Среди прочего отмечается,

²¹ См.: Suomensukuiset heimot Venäjällä // *Iltalehti*. 12.01.1927.

²² См.: Suomensukuiset heimot Venäjällä // *Maakansa* 14.01.1927.

²³ См.: Suomensukuiset heimot Venäjällä // *Perä-Pohja*. 18.01.1927.

²⁴ См.: Suomensukuiset heimot Venäjällä // *Loviisan Sanomat*. 08.02.1927.

²⁵ См.: Suomensukuiset kansat Venäjällä // *Riihimäen Sanomat*. 01.03.1927.

²⁶ См.: Kokouksia. Suomalais-ugrilaisen Seuran kokouksessa // *Helsingin Sanomat*. 25.02.1926.

²⁷ См.: Kokouksia. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kokouksessa // *Helsingin Sanomat*. 06.05.1926.

²⁸ См.: Kokouksia. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kokouksessa // *Uusi Suomi*. 08.05.1926.

²⁹ Согласно конвертеру денежной ценности Статистического управления Финляндии 600 марок 1926 г. равняются 237,30 евро 2023 г. См.: <https://www.stat.fi/tup/laskurit/rahanarvonmuunnin.html> (дата обращения: 23.03.2024).

³⁰ См.: Kokouksia. Suomalais-ugrilaisen Seuran kokouksessa // *Uusi Suomi*. 25.11.1926.

³¹ См.: Kokouksia. Suomalais-ugrilaisen Seuran kokouksessa // *Helsingin Sanomat*. 25.11.1926.

³² См.: Kokouksia. Suomalais-ugrilaisen Seura // *Uusi Suomi*. 05.12.1926.

³³ См.: Kokouksia. Suomalais-ugrilaisen Seura // *Helsingin Sanomat*. 06.12.1926.

что В. И. Лыткиным были прочитаны два доклада – о проделанной в последние годы в России работе в сфере финно-угроведения и о возрасте русских заимствований в коми языке, а также то, что к обмену научными изданиями с обществом подключилось Общество изучения Коми края.

29 января 1927 г. *Ylioppilaslehti* сообщает, что 29 января в Хельсинкском академическом финно-угорском клубе (Helsingin Akateeminen Heimoklubi) состоится лекция В. И. Лыткина о коми народе³⁴.

25 февраля 1927 г. *Uusi Suomi*³⁵, 27 февраля *Helsingin Sanomat*³⁶ публикуют информацию о заседании Финно-угорского общества 19 февраля, в том числе о выделении В. И. Лыткину стипендии общества на исследование коми диалектов.

5 марта 1927 г. *Helsingin Sanomat* в сообщении о заседании Общества финской литературы, состоявшемся 2 марта, отмечает, что В. И. Лыткин передал в общество обращение московского Научно-исследовательского института народов Востока по поводу налаживания контактов. Руководство общества одобрило начало сотрудничества и обмен литературой³⁷.

9 декабря 1927 г. *Helsingin Sanomat*³⁸ и *Uusi Suomi*³⁹ в информации о деятельности Финно-угорского общества за год приводят сведения о том, что общество выделило В. И. Лыткину 9 000 марок⁴⁰ на исследование коми диалектов. Экспедиция должна состояться летом 1928 г.

5 марта 1929 г. *Helsingin Sanomat* сообщает, что 23 февраля на заседании

Финно-угорского общества был представлен полученный от В. И. Лыткина отчет о продвижении исследования коми диалектов, осуществляемого на стипендию общества⁴¹.

6 декабря 1969 г. *Helsingin Sanomat* публикует информацию о годовом собрании Финно-угорского общества, на котором почетным членом общества в числе других был выбран В. И. Лыткин⁴².

Имя коми исследователя встречается также на страницах объявлений:

24 августа 1926 г. *Helsingin Sanomat*. «Один зырянский магистр хочет арендовать тихую и чистую мебелированную комнату (телефон и ванная), в которой каждый день 2–3 часа были бы занятия финским (разговор, письмо). Отель “Калева”. В. Лыткин»⁴³;

15 октября 1926 г. *Helsingin Sanomat*. «Требуется преподаватель финского, владеющий русским языком. Nakasalmenkatu 4, B, 51. В. Лыткин. Тел. 4797. 11.00–17.00»⁴⁴.

24 декабря 1926 г. в *Helsingin Sanomat* вышел обзор нового номера журнала *Suomalainen Suomi* («Финская Финляндия»). В числе прочего сообщается, что данный выпуск содержит статью В. И. Лыткина о коми литературе. Отмечается, что ценность статьи увеличивают опубликованные в ней фотографии наиболее значимых коми писателей⁴⁵.

16 октября 1956 г. в *Helsingin Sanomat* публикуется статья, посвященная изучению финно-угорских языков в Советском

³⁴ См.: Helsingin Akateemisen Heimoklubin kokous ja illanvietto // *Ylioppilaslehti*. 29.01.1927.

³⁵ См.: Kokouksia. Suomalais-ugrilaisen Seuran kokouksessa // *Uusi Suomi*. 25.02.1927.

³⁶ См.: Suomalais-ugrilaisen Seuran kokouksessa // *Helsingin Sanomat*. 27.02.1927.

³⁷ См.: Kokouksia. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kokouksessa // *Helsingin Sanomat*. 05.03.1927.

³⁸ См.: Kokouksia. Suomalais-ugrilaisen Seura // *Helsingin Sanomat*. 09.12.1927.

³⁹ См.: Kokouksia. Suomalais-ugrilaisen Seuran vuosijuhla // *Uusi Suomi*. 09.12.1927.

⁴⁰ Согласно конвертеру денежной ценности Статистического управления Финляндии 9 000 марок 1927 г. равняются 3 488,78 евро 2023 г. См.: <https://www.stat.fi/tup/laskurit/rahanarvonmuunnin.html> (дата обращения: 12.03.2024).

⁴¹ См.: Kokouksia. Suomalais-ugrilaisen Seuran kokouksessa // *Helsingin Sanomat*. 05.03.1929.

⁴² См.: Suomalais-ugrilaisen Seuran vuosikokous // *Helsingin Sanomat*. 06.12.1969.

⁴³ Eräs syrjäniläinen maisteri haluaa vuokrata rauhällisen ja siistin kalustetun huoneen // *Helsingin Sanomat*. 24.08.1926.

⁴⁴ Halut. suomenkielen opettaja joka osaisi venettä // *Helsingin Sanomat*. 15.10.1926.

⁴⁵ См.: Lytkin Illavaš. Syrjäniläinen kirjallisuus // *Suomalainen Suomi*. 1926. № 9. S. 137–147.

В статье подробно описывается история коми литературы, начиная с истоков и до 1920-х гг. В качестве примеров коми произведений даются переводы отрывка из новеллы В. Т. Чисталева «Зимний вечер» (“Talvinen ilta” / “Төвъя рыт”) и стихотворения В. А. Савина “Тутуруту Семён” (“Tuturuutu-S’emö” / “Тутуруту Сьёмö”). Статья иллюстрируется фотографиями коми авторов – самого В. И. Лыткина, Г. С. Лыткина, В. А. Молодцова, В. А. Савина, В. Т. Чисталева.

Союзе. В статье дается информация как о том, в каких советских учебных заведениях преподается финский язык, так и о научном исследовании российских финно-угорских языков. Относительно коми и удмуртского языков отмечается: «Исследуя пермские языки, ценную работу проводит доктор, профессор В. Лыткин. Он издал труд “Древнепермский язык”. В данный момент доктор Лыткин исследует диалекты коми языка»⁴⁶.

9 мая 1962 г. в *Helsingin Sanomat* появляется статья, касающаяся советско-финского сотрудничества в различных областях и взаимных поездок специалистов с целью обмена опытом. Из советских представителей упоминаются Б. А. Серебренников и В. И. Лыткин, которые в конце мая должны прибыть с целью изучения коми и удмуртских материалов, имеющихся в различных финских научных организациях⁴⁷.

24 августа 1971 г. в *Helsingin Sanomat* выходит заметка «Коми словарь стал бестселлером в СССР»: «Вышедший в московском издательстве “Наука” “Краткий этимологический словарь коми языка” стал настоящим бестселлером. Тираж разошелся быстро, издание стало библиографической редкостью. Создатели словаря – языковеды Василий Лыткин и Евгений Гуляев. Работа содержит богатые данные о происхождении лексики проживающего на северо-западе европейской части СССР пятисоттысячного народа коми...»⁴⁸.

19 сентября 1981 г. *Helsingin Sanomat* сообщает о смерти В. И. Лыткина. «Самый известный коми финно-угровед, профессор Василий Ильич Лыткин умер в возрасте 85 лет, после почти шестидесятилетней научной деятельности...». В некрологе приводятся биографические данные исследователя. Отмечается, что «как лингвист В. И. Лыткин был чрезвычайно продуктивен. В центре его научных интересов были историческая фонетика и морфология коми языка, в

особенности исторический вокализм, изучение диалектов, письменные памятники древнепермского языка, этимология, общая финно-угристика... Заслугой В. И. Лыткина является развитие всего изучения коми языка в СССР, он воспитал целую плеяду исследователей родного языка... Ценна также литературная деятельность В. И. Лыткина в качестве поэта и переводчика... В. И. Лыткин был первым коми, получившим многостороннее филологическое образование. Он был зарубежным членом Финской академии наук и почетным членом Финно-угорского общества»⁴⁹.

Заключение

Пребывание на стажировке за рубежом в 1926–1928 гг. – важная веха в становлении В. И. Лыткина и как исследователя, и как поэта. В Финляндии и Венгрии он осваивает финский и венгерский языки, изучает передовые научные достижения этих стран в сфере изучения культур и языков финно-угорских народов, посещает занятия выдающихся представителей финно-угроведения, лично знакомится с различными исследователями. Здесь же появляется возможность основательно познакомиться с финской и венгерской художественной литературой. В. И. Лыткин занимается переводами финских и венгерских авторов на коми.

В свою очередь, коми стажер стал ценным источником информации как для научной, так и для широкой финской общественности о коми языке, народе и культуре, а также о других российских финно-угорских народах и их жизни после 1917 г., о переменах, происходящих вследствие социально-политических сдвигов в постреволюционной России. Об интересе финнов к восточным финно-угорским народам и в то же время об отсутствии актуальной информации о них (источником которой и являлся В. И. Лыткин) в 1920-х гг. свидетельствуют интервью в

⁴⁶ Suomalais-ugrilaisen kielten tutkimuskeskuksen Neuvostoliiton osasto // *Helsingin Sanomat*. 16.10.1956.

⁴⁷ См.: Runsaasti eri alojen ammattimiehiä NL:oon // *Helsingin Sanomat*. 09.05.1962.

⁴⁸ Komin sanakirjasta best seller NL:ssa // *Helsingin Sanomat*. 24.08.1971.

⁴⁹ Kuolleita. Professori V. I. Lytkin // *Helsingin Sanomat*. 19.09.1981.

общенациональных газетах. Другие газетные материалы 1920-х гг. позволяют проследить некоторые аспекты пребывания В. И. Лыткина в Финляндии – выступления в научных обществах, деятельность по налаживанию связей между финскими

и коми исследовательскими организациями и др. Газетные материалы 1920-х гг. представляют собой важное дополнение к опубликованным ранее дневникам В. И. Лыткина и его же статье о зарубежных впечатлениях 1928 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артеев С. П. Сотрудничество Республики Коми и Венгрии в научно-образовательной сфере на этапе становления // Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 94–99.
2. Бурлыкина М. И. Финно-угровед Василий Лыткин (Илля Вась). Жизнь и творчество. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 2013. 432 с.
3. Горунович А. Н. Вклад В. И. Лыткина в формирование научных связей между Коми АО и Финляндией // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. № 12. С. 17–21.
4. Жеребцов И. Л., Некрасова Г. А., Демин В. Н. В. И. Лыткин: жизнь и творчество. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1997. 48 с. (Серия «Люди науки» / Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Коми науч. центр; вып. 21).
5. Полещиков В. М. За семью печатями: Из арх. КГБ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. 276 с.
6. Раутиайнен Ю., Зуев А. Е. Библиотечные электронные коллекции финских газет в цифровых гуманитарных исследовательских проектах // Библиотековедение. 2023. Т. 72, № 1. С. 51–61. DOI: 10.25281/0869-608X-2023-72-1-51-61.
7. Ракин Н. А. Венгерская литература на коми языке // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 53–56.
8. Ракин Н. А. Венгерская поэзия в коми переводах В. И. Лыткина // Вестник угроведения. 2016. № 3. С. 69–76.
9. Ракин Н. А. «Калевала» на коми языке: переводы В. И. Лыткина, А. И. Туркина, А. Истоминой (М. Елькина, В. Т. Чисталева) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. № 2. С. 49–57.
10. Ракин Н. А. Коми-удмуртские взаимные переводы // Финно-угорский мир в политическом пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. ст. по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.). Ижевск, 2019. С. 269–272.
11. Ракин Н. А. Финская литература на коми языке // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сер.: История и филология. 2021. № 4. С. 88–93. DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-88-93.
12. Туркин А. И. Дневники Василия Ильича Лыткина // В. И. Лыткин и финно-угорский мир: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося коми поэта, философа и ученого В. И. Лыткина. Сыктывкар, 1999. С. 243–248.
13. Туркин А. И. К 100-летию со дня рождения В. И. Лыткина. Малоизвестные страницы истории. I // Linguistica Uralica. 1995. Т. 31, № 3. С. 207–213.
14. Туркин А. И. К 100-летию со дня рождения В. И. Лыткина. Малоизвестные страницы истории. II // Linguistica Uralica. 1995. Т. 31, № 4. С. 288–293.
15. Lytkin V. Az -s névszóképzők a permi nyelvekben. Budapest, 1927. 20 p.
16. Turkin A. V. I. Lytkinin päiväkirja // V. I. Lytkinin satavuotismuisto. Helsingissä 15.12.1995 järjestetyn permiläisten kielten symposiumin esitelmiä. Helsinki, 1997. P. 21–26. (Castrenianumin toimitteita; 52).

Поступила 21.04.2023; одобрена 15.05.2023; принята 28.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Н. А. Ракин – доктор философии (PhD), научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, nikrakin@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-7328-6132>

Finnish printed periodical media about V. I. Lytkin

Nikolay A. Rakin

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. V. I. Lytkin is one of the founders of Komi science and literature. In 1926–1928 he was on a research internship abroad (Finland, Hungary, Estonia). In his article about his impressions of his stay in Finland, as well as in his diary of this period, V. I. Lytkin mentioned that articles about him were published in Finnish newspapers. The paper discusses the materials of the Finnish media about V. I. Lytkin.

Materials and Methods. The research material is Finnish newspaper articles about V. I. Lytkin in the 1920s, as well as in the 1950s–1980s. The research method is a continuous selection of texts from digital databases of Finnish printed periodicals (newspapers).

Results and Discussion. The publications about the Komi researcher and poet were published both in the central national Finnish newspapers and in local publications. The main part of them refers to 1926–1927 – the time of the Komi researcher's stay in Helsinki, but in the Finnish media the name of V. I. Lytkin can be found later as well, in the 1950s–1980s. Interviews with the Komi researcher are published in newspapers, mentions of him can also be found in regular reports on the activities of various scientific societies and in other publications.

Conclusion. The internship abroad is an important period in the life of V. I. Lytkin. The materials of Finnish newspapers of the 1920s (and 1950s–1980s) are a significant addition to the biography of the Komi researcher and poet. The interviews indicate that for the Finnish public, the Komi intern was a valuable source of information about the Komi and other Russian Finno-Ugric peoples. Other newspaper materials allow us to trace some aspects of V. I. Lytkin's stay in Finland (speeches at societies, activities to establish links between research organizations, etc.).

Keywords: V. I. Lytkin, Finnish newspapers, scientific internship in Finland

Acknowledgments: The publication was prepared within the framework of the planned topic of the research work of the Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Federal Research Centre, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, "Permian languages in the linguo-cultural space of the European North and the Urals" (reg. No. 121042600252-7).

For citation: Rakin NA. Finnish printed periodical media about V. I. Lytkin. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2024;16;1:92–102. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.92-102.

REFERENCES

1. Arteev SP. Cooperation between the Republic of Komi and Hungary in scientific and education spheres on the initial stage. *Nauchnoe obozrenie. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* = Scientific Review. Series 2: Human Sciences. 2011;2:94–99. (In Russ.)
2. Burlykina MI. Finno-Ugric scholar Vasily Lytkin (Illya Vas). Life and art. Syktyvkar; 2013. (In Russ.)
3. Gorunovich AN. The contribution of V. I. Lytkin to the establishment of scientific ties between the Komi Republic and Finland. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* = Vestnik of Immanuel Kant Russian State University. 2010;12:17–21. (In Russ.)
4. Zherebtsov IL, Nekrasova GA, Demin VN. Vasily Ilyich Lytkin: life and art. Syktyvkar; 1997;21. (In Russ.)
5. Poleshchikov VM. Behind seven seals: From the KGB archive. Syktyvkar; 1995. (In Russ.)
6. Rautiainen J, Zuev AE. Digitized Finnish newspapers in digital humanities research projects: challenges and solutions from the library perspective. *Bibliotekovedenie* = Russian Journal of Library Science. 2023;72;1:51–61. (In Russ.). DOI: 10.25281/0869-608X-2023-72-1-51-61.
7. Rakin NA. Hungarian literature in the Komi language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2016;4:53–56. (In Russ.)

8. Rakin NA. Hungarian poetry in the Komi translations made by V. I. Lytkin. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2016;3:69–76. (In Russ.)
9. Rakin NA. The Kalevala epic in the Komi language: translations by V. I. Lytkin, A. I. Turkin, and A. Istomina (M. El'kin, V. T. Chistal'ov). *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovani* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2016;2:49–57. (In Russ.)
10. Rakin NA. Komi-Udmurt mutual translations. *Finno-ugorskii mir v polietnicheskom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy: sb. st. po materialam VI Vseros. nauch. konf. finno-ugrovedov (Izhevsk, 4–7 iunia 2019 g.)* = Finno-Ugric world in the multi-ethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges. Collection of articles based on materials from the VI All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Studies (Izhevsk, June 4–7, 2019). Izhevsk; 2019:269–272. (In Russ.)
11. Rakin NA. Finnish literature in the Komi language. *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. Ser.: Istorii i filologii* = Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. 2021;4:88–93. (In Russ.). DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-88-93.
12. The Diaries of Vasili Ilyich Lytkin. *V. I. Lytkin i finno-ugorskii mir: materialy mezhdunar. nauch. konf., posviashch. 100-letiiu so dnia rozhdeniia vydaiushchegoia komi poeta, filosofa i uchenogo V. I. Lytkina* = V. I. Lytkin and the Finno-Ugric world. Materials of the international scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding Komi poet, philosopher and scientist V. I. Lytkin. Syktyvkar; 1999:243–248. (In Russ.)
13. Turkin AI. On the 100th anniversary of the birth of V. I. Lytkin. Little-known pages of history. I. *Linguistica Uralica*. 1995;31;3:207–213. (In Russ.)
14. Turkin AI. On the 100th anniversary of the birth of V. I. Lytkin. Little-known pages of history. II. *Linguistica Uralica*. 1995;31;4:288–293. (In Russ.)
15. Lytkin V. Az -s névszóképzők a permi nyelvekben. Budapest; 1927.
16. Turkin A. V. I. Lytkinin päiväkirja. *V. I. Lytkinin satavuotismuisto. Helsingissä 15.12.1995 järjestetyn permiläisten kielten symposiumin esitelmää*. Helsinki; 1997;52:21–26.

Submitted 21.04.2023; reviewing 15.05.2023; accepted 28.12.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

N. A. Rakin – PhD, Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, nikrakin@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-7328-6132>

Трансляция картины мира в процессе декорирования костюма у народа мари

Анжелика Николаевна Павлова

*Поволжский государственный технологический университет,
Йошкар-Ола, Россия*

Введение. Декорирование предметов одежды у народа мари, являвшееся традиционным женским занятием, играло важную роль в трансляции этнической картины мира. Наряду с художественными образами передавались и технологические приемы, неразрывно связанные с ними в архаическом мировоззрении. В статье на основании сопоставления археологических и этнографических источников предпринимается попытка раскрыть преемственность женского ремесла и рукоделия как способа сохранения и трансляции картины мира.

Материалы и методы. В основу исследования положены археологические и этнографические материалы, относящиеся к сфере женского ремесла и рукоделия. Методологическую основу составили культурологический, адаптивный и семантико-функциональный подходы, идеи психологии народов В. Вундта.

Результаты исследования и их обсуждение. Для народа мари был характерен предметно-ситуационный тип мышления, при котором в процессе передачи информации важное значение имел не только образ, но и технология его создания. Подтверждением этого является технология создания традиционной вышивки, включая способы обучения этому искусству, а также изготовление металлических украшений в эпоху Средневековья.

Заключение. Женское ремесло, особенно вышивка, занимало важное место в трансляции традиционной картины мира, так как было основано на единстве технологии и создаваемого образа. В процессе декорирования одежды воспроизводилась древняя символическая система, воплощаясь и в металлических украшениях древнемарийского костюма, и в традиционной вышивке. Каждый образ занимал четко определенное место в символической системе костюма, являясь носителем смысла. Саркальность женского ремесла была обусловлена древней связью с религиозно-магическими практиками.

Ключевые слова: народ мари, женское ремесло, картина мира, вышивка, «восковое вязание», предметно-ситуационный тип мышления

Для цитирования: Павлова А. Н. Трансляция картины мира в процессе декорирования костюма у народа мари // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 1. С. 103–109. DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.103-109.

Введение

На протяжении столетий из поколения в поколение народ мари передавал технологические приемы создания и декорирования костюма. Вышивая одежду и изготавливая украшения, женщины воспроизводили образы, известные в финно-угорской культуре с глубокой древности, о чем свидетельствует отмеченное одной из первых исследовательниц марийской вышивки Ю. Вихманн сходство узоров и их названий в марийской, мордовской и финской вышивке [27, 52–53]. Благодаря сохранению технологических приемов и символических кодов транслировалась присущая народу картина мира. Символическими смыслами был наполнен не только народный костюм, но и процесс его создания, использовавшиеся при этом технологические приемы вели к транс-

формации материального мира и создавали новые смыслы.

Женское ремесло и рукоделие по декорированию предметов одежды, развивавшиеся в культуре мари с конца I-го тыс. н. э. до начала XX в., являются объектом настоящего исследования. Предмет исследования – роль технологических приемов, использовавшихся при декорировании костюма, в сохранении и трансляции этнической картины мира и особенностей мировосприятия народа мари.

Обзор литературы

Проблема этнической картины мира оказалась в центре внимания философов и культурологов во второй половине XX в. В последние десятилетия появился ряд работ, посвященных особенностям миропо-

нимания финно-угорских этносов: мордвы, удмуртов и пр. [5; 24; 25]. Мифологическая картина мира народа мари получила философское осмысление в работах Ю. А. Калиева [8] и Г. Е. Шкалиной [26]. В ее основе был отличавшийся четкой структурой, освященный богами и освоенный человеком Мир, противопоставлявшийся непригодному для жизни Хаосу [26, 22].

Роль вещного мира в сохранении и трансляции картины мира раскрыта на широком этнографическом материале [1; 2; 24; 25]. Знаковые аспекты функционирования вещей в традиционной культуре народа мари, включая элементы костюма, представлены в исследованиях археологов и этнографов [10; 15–19]. Образ вселенной, по мнению Г. Е. Шкалиной, находил воплощение и в результатах деятельности людей, благодаря которой воображение могло попадать на различные уровни реальности: «Мир труда на многие часы, дни, годы поглощает внимание ремесленника, превращается в таинственный и священный центр, исполненный смысла» [26, 13].

Вопросы, связанные с народным костюмом мари, отражены в исследованиях этнографов. Значительный материал был собран в конце XIX – начале XX в. Ю. Вихманн [27], Т. Евсеевым (Евсевьевым) [7], Т. А. Крюковой [10], Т. Л. Молотовой [15], Г. И. Соловьевой [21] и др. Т. Б. Никитиной рассмотрены новые аспекты женского ремесла и социального статуса женщин-литейщиц в древнемарийском обществе рубежа 1–2-го тыс. н. э. [17–19].

Однако проблема связи технологии и символа в процессе создания и декорирования костюма не получила освещения в литературе.

Материалы и методы

Сопоставление археологических и этнографических источников, послуживших материалом исследования, позволяет обратиться к вопросу о роли женского ремесла и рукоделия в процессе трансляции мифологической картины мира народа мари.

Методологической основой исследования стал адаптивный подход, разработанный Э. С. Маркаряном, согласно которому этническая культура есть результат

исторически выработанных способов деятельности, обеспечивающих адаптацию этноса к условиям окружающей природной и социальной среды [12]. При этом учитывались идеи психологии народов В. Вундта, полагавшего, что наряду с внешними природными условиями существуют технические и эстетические мотивы, определяющие художественное творчество. Указанные мотивы проистекают «...отчасти из потребности в мифологии, которая должна объективироваться в мимических и пластических представлениях или в песне и повествовании, чтобы достигнуть самобытного развития» [6].

Применительно к семантике традиционных технологий продуктивным представляется семантико-технологический, или семантико-функциональный, подход, разработанный И. В. Калининой, предполагающий изучение исторических закономерностей развития технологии во взаимосвязи с мировоззренческими смыслами [9, 158]. Это согласуется с мнением философов-постмодернистов о том, что вещи, кроме практических функций, имеют способность вбирать в себя душевный опыт человека, отражая тем самым целое мировоззрение; функциональность и символичность вещей соотносены друг с другом, а также с человеческими потребностями [3, 32, 81–82].

Результаты исследования и их обсуждение

У народа мари создание и украшение костюма входили в сферу женского ремесла и рукоделия. Пряжению, ткачеству, вышивке девочек обучали обычно с восьми лет, а в некоторых семьях – и с более раннего возраста. По сообщениям этнографов, освоение приемов вышивки предшествовало получению навыков шитья, прядения или ткачества, что указывает на особое значение данного вида рукоделия. Как писал М. Т. Маркелов, девочки начинали осваивать искусство вышивки с самого сложного приема – прокладывания контура рисунка черной нитью, в дальнейшем обучаясь заполнению узора нитями разных цветов, благодаря чему формировался навык осмысления рисунка в целом [13, 139].

В процессе обучения девочка усваивала образы, лежавшие в основе языка орнамента, представлявшие собой единство технологических приемов и изображения; с каждым названием узора в ее сознании ассоциировалось определенное контурное восприятие [13, 139] (рис. 1). Сам же процесс обучения искусству вышивки строился на единстве технологических приемов и изображения, что характерно для традиционных обществ, где существует наглядно-ситуационный, или предметно-ситуационный, тип мышления, отличающийся функциональной взаимосвязью образов, т. е. взаимосвязью по действию [9, 159]. В этом случае понимание и умение неразрывно связаны друг с другом: формирование навыков вышивания одновременно означало вхождение в образный мир культуры.

Названия узоров на протяжении времени могли меняться. Однако, как отмечал П. А. Флоренский, орнамент «облекает наглядностью некие мировые формулы бытия» [23, 160], воплощенные в нем образы устойчивы благодаря связанным с ними ассоциациям у мастериц. В марийской вышивке сохранились термины, передававшие древний смысл не только конкретного узора, но и предмета одежды, на который он нанесен. Например, вышивка на марийском головном уборе *нашмак*, носящая название «*имне вуй тўр*» («вышивка конской головы») [10, 71], подчеркивает его связь с солярно-небесной сферой, с которой традиционно ассоциировалось это животное. Образ коня использовался и в вышивке головного убора *сорока* царевokokшайских мари.

Обучение девочки искусству вышивания у мари начиналось непосредственно с украшения вещи, которая обладала глубоким символическим значением и фактически представляла собой изобразительную версию мифологической вселенной, – свадебной рубахи [13, 139]. Устная традиция сохранила представление об охранительном значении нагрудного орнамента «*чызе орол*» («сторож грудей») женских рубах [10, 21–22]. Использование образа водоплавающей птицы в нагрудной вышивке у царевokokшайских мари указывало на ее небесную символику [4, 21–22].

Рис. 1. Вышивка головного убора *сорока*.
Из коллекции Национального музея Республики
Марий Эл им. Т. Евсеева

Fig. 1. Embroidery of the headdress of the *soroka*.
From the collection of the National Museum
of the Republic of Mari El named after T. Evseev

Рис. 2. Нагрудная вышивка женской рубахи
царевokokшайских мари.
Из коллекции Старокрещенского Дома ремесел
Оршанского района Республики Марий Эл

Fig. 2. Breast embroidery of a women's shirt
of Tsarevokokshai Mari.

From the collection of the Old Baptismal House of Crafts
of the Orsha district of the Republic of Mari El

Небесная праматерь-утка в марийской мифологии символизировала плодородие. Из стилизованных птичьих фигур создавались и ромбические композиции, в основе которых лежал древнейший символ плодородия, известный практически во всех культурах [20, 130] (рис. 2). Ромб у финно-угорских народов олицетворял солнце, землю и одного из древнейших мифологических персонажей – медведя [22, 123–124]; цепочка ромбов – символ изобилия [14, 136]. В сознании вышивальщицы ромб и водоплавающая птица были взаимосвязанными и взаимозаменяемыми символами: у моркинских мари нагрудный разрез украшала вышивка в виде цепочки ромбов. К концу XIX в. с изменением качества ткани вышивка горных мари стала мелкой, филигранной, но сохранила древние мотивы и связанные с ними представления. Мастерицы искали новые ассоциации в окружающей их действительности, кото-

рые были бы созвучны архетипическим смыслам: ромб с крестом получил название «солнышко» или «монетка».

Глубоким символизмом были наполнены и орнаменты, украшавшие рукава, подол и другие части женской рубахи.

Пока невозможно восстановить все этапы развития художественных образов в марийской вышивке. Древние мастерицы использовали простые геометрические мотивы: линии, кресты, треугольники, составлявшие основу марийского орнамента и в более позднее время. Вышивка металлической нитью вместе с металлическими украшениями с зооморфными и другими древними символами создавала единую образную систему.

Технология создания украшений, как и технология вышивки, была неразрывно связана с формированием образного строя мифологической картины мира. В технике, получившей название «восковое вязание», при помощи провощенных нитей складывалась сложная композиция будущих украшений. Заготовка заливалась глиной, при обжиге воск и нити сторали, в результате получалась твердая литая форма [19].

Вопрос об участии древнемарийских женщин в создании украшений из металла остается открытым. Женщины, в захоронениях которых были найдены льячки и литые формы, по мнению Т. Б. Никитиной и Д. Ю. Ефремовой, могли изготавливать металлическую проволоку для вышивания и играть важную роль в культово-бытовой практике, связанной с гаданиями и созданием амулетов с применением металла (олова) [18, 16–17; 19, 146, 158–159].

Техника «воскового вязания» с точки зрения воплощения художественных образов близка к вышивке. Изначально создавался контур будущего украшения, незаполненное пространство, как и в вышивке, являлось частью орнаментальной композиции. Фон позволял подчеркнуть наиболее важные мотивы или даже придать им дополнительный смысл, где его просветы составляли особые композиции. При изготовлении металлических украшений основа в дальнейшем дополнялась декоративными элементами, которые отливались

отдельно, – цепочками, привесками. Обе технологии позволяли следовать канонам при воспроизведении древних символов и при этом проявлять творческое начало, не искажая смысл этнической картины мира, поскольку опирались на единство действия и смысла, технологических приемов и сакральных образов. Умение видеть сакральное в очертаниях металла или воска, лежавшее в основе гаданий с использованием литья, так же развивалось благодаря занятию женщин рукоделием.

Заключение

Для традиционной культуры народа мари характерен предметно-ситуационный тип мышления, при котором в процессе трансляции информации важное значение имели не только образы, но и технологии их создания. Обучаясь искусству вышивки, девочка создавала не отвлеченные мотивы, а образы, наполненные глубоким смыслом. Каждый образ занимал свое место в символической системе предмета, будь то рубаха, головной убор или иной предмет одежды или обихода. Одновременно происходило его осмысление, что находило отражение и в названиях мотивов вышивки. Если древний смысл со временем утрачивался, возникали новые ассоциации, имеющие религиозно-мифологическое значение.

Сакральность была присуща самой технологии, при этом в рамках традиции оставался определенный простор для творчества. Истоки подобного отношения к рукоделию в женской среде восходят к эпохе Средневековья, когда женщины так же занимались вышивкой, используя для этого металлическую проволоку, и, возможно, участвовали в создании металлических украшений, формируя символическую систему костюма. Работа женщин с металлом была тесно связана с религиозно-магическими практиками гаданий и изготовления амулетов. Благодаря этому женщины оставались хранительницами этнической картины мира, которую в дальнейшем стали транслировать с помощью новых технологических приемов счетной вышивки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структур.-семант. анализ восточнослав. обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
2. Байбурин А. К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: сб. ст. Л., 1981. С. 215–226. (Сб. Музея антропологии и этнографии; т. 37).
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 224 с.
4. Большов С. В., Большова Н. А., Данилов О. В. Древние культовые памятники Марий Эл (по археологическим, этнографическим, фольклорным и историческим источникам). Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. 162 с.
5. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 407 с.
6. Вундт В. Проблемы психологии народов. СПб.: Питер, 2001. 160 с. URL: <http://bookar.info/clasik/vundt/g15shtm> (дата обращения: 03.04.2023).
7. Евсевьев Т. Этнографические коллекции. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2002. 146 с.
8. Калиев Ю. А. Мифы марийского народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2019. 446 с.
9. Калинина И. В. Семантический подход в изучении технологии древней керамики // Российская археология. 2010. № 3. С. 157–159.
10. Крюкова Т. А. Марийская вышивка / Мар. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. Гос. музей этнографии народов СССР. Л., 1951. 195 с.
11. Лебедева С. Х. Удмуртская народная вышивка = Удмурт калык пужыятон = Udmurt folk embroidery. Ижевск: Удмуртия, 2009. 88 с.
12. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: (Логико-методол. анализ). М.: Мысль, 1983. 284 с.
13. Маркелов М. Т. Вышивание у марийцев // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 138–143.
14. Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 260 с.
15. Молотова Т. Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 111 с.
16. Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: [Б. и.], 2012. 408 с. (Археология Евразийских степей; вып. 14).
17. Никитина Т. Б. Русенихинский могильник // Археология Евразийских степей. 2018. № 3. С. 8–240.
18. Никитина Т. Б., Ефремова Д. Ю. Особенности погребений с орудиями литья на марийских могильниках IX–XII вв. // Финно-угроведение. 2011. № 2. С. 12–24.
19. Никитина Т. Б., Ефремова Д. Ю. Погребальный обряд комплексов с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XII вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 146–165.
20. Рыбаков Б. А. Происхождение и семантика ромбического орнамента // Музей народного искусства и художественные промыслы. М., 1972. С. 127–134. (Сборник трудов НИИХП / Науч.-исслед. ин-т худож. пром-сти; вып. 5).
21. Соловьева Г. И. Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. 94 с.
22. Федорова Н. Н. К вопросу о структуре традиционного орнамента обских угров // Орнамент народов Западной Сибири: сб. ст. Томск, 1992. С. 120–126.
23. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. 324 с.
24. Шигурова Т. А. Картина мира в этнокультуре мордвы // Культура в глобализирующемся мире: вызовы и перспективы: сб. тез. докл. участников междисциплинар. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М., 2014. С. 163–165.
25. Шигурова Т. А. Семантика картины мира в традиционном костюме мордвы: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. 156 с.
26. Шкалина Г. Е. Священный мир марийский. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2019. 303 с.
27. Wichmann J. Beiträge zur Ethnographie der Tscheremissen. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1913. 146 s.

Поступила 14.05.2023; одобрена 30.05.2023; принята 28.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Н. Павлова – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и психологии Поволжского государственного технологического университета, angpan@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1446-9390>

The portrayal of the world in the process of decorating a costume among the Mari people

Anzhelika N. Pavlova

Volga State University of Technology,
Yoshkar-Ola, Russia

Introduction. The decoration of clothing items among the Mari people, which was a traditional female occupation, played an important role in transmitting the ethnic worldview. Alongside artistic images, technological techniques closely linked to them were also transmitted in the archaic worldview. Based on a comparison of archaeological and ethnographic sources, the article attempts to reveal the continuity of women's crafts and handicrafts as a means of preserving and transmitting the worldview.

Materials and Methods. The study is based on archaeological and ethnographic materials related to the field of women's crafts and needlework. The methodological basis was formed by cultural, adaptive and semantic-functional approaches, ideas of the psychology of peoples by W. Wundt.

Results and Discussion. The subject-situational type of thinking was the characteristic of the Mari people, when not only the image, but also the technology of its creation was important in the process of transmitting information. This is confirmed by the technology of creating traditional embroidery, including methods of teaching this art, as well as the creation of metal jewelry in the Middle Ages.

Conclusion. Women's crafts, especially embroidery, held an important place in conveying the traditional worldview, as they were based on the unity of technology and the created image. In the process of decorating clothing, an ancient symbolic system was reproduced, embodied both in the metal ornaments of the ancient Mari costume and in traditional embroidery. Each image occupied a clearly defined place in the symbolic system of the costume, serving as a carrier of meaning. The sacredness of women's crafts was conditioned by the ancient connection with religious-magical practices.

Keywords: Mari people, women's craft, worldview, embroidery, "wax knitting", subject-situational type of thinking

For citation: Pavlova AN. The portrayal of the world in the process of decorating a costume among the Mari people. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2024;16;1:103–109. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.103-109.

REFERENCES

- Baiburin AK. Ritual in traditional culture: structural and semantic analysis of East Slavic rites. Saint-Petersburg; 1993. (In Russ.)
- Baiburin AK. The semantic status of things in mythology. *Material'naiia kul'tura i mifologiiia: sb. st.* = Material culture and mythology. Collection of articles. Leningrad; 1981;37:215–226. (In Russ.)
- Baudrillard J. Le système des objets. Moscow; 2001. (In Russ.)
- Bol'shov SV, Bol'shova NA, Danilov OV. Ancient cult monuments of Mari El (according to archaeological, ethnographic, folklore and historical sources). Yoshkar-Ola; 2008. (In Russ.)
- Vladykin VE. Religious and mythological picture of the world of the Udmurts. Izhevsk; 1994. (In Russ.)
- Wundt W. Die Völkerpsychologieprobleme. Saint-Petersburg; 2001. URL: <http://bookap.info/clasik/vundt/g15shtm> (accessed 03.04.2023). (In Russ.)
- Evseviev T. Ethnographic collections. Yoshkar-Ola; 2002. (In Russ.)
- Kaliev IuA. Myths of the Mari people. Yoshkar-Ola; 2019. (In Russ.)
- Kalinina IS. The semantic approach in the study of ancient ceramics technology. *Rossiiskaia arkheologiia* = Russian Archaeology. 2010;3:157–159. (In Russ.)
- Kriukova TA. Mari embroidery. Leningrad; 1951. (In Russ.)
- Lebedeva SKh. Udmurt folk embroidery. Izhevsk, 2009. (In Russ.)
- Markarian ES. Theory of culture and modern science: (logical and methodological analysis). Moscow; 1983. (In Russ.)
- Markelov MT. Embroidery by the Mari. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 1994;6:138–143. (In Russ.)

14. Moldanova TA. The ornament of the Khanty of the Kazym Ob region: semantics, mythology, genesis. Tomsk; 1999. (In Russ.)
15. Molotova TL. Mari folk costume. Yoshkar-Ola; 1992. (In Russ.)
16. Nikitina TB. Funeral monuments of the IX–XI centuries Vetluga-Vyatka interfluve. Kazan; 2012;14. (In Russ.)
17. Nikitina TB. Rusenikhino burial ground. *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* = Archaeology of the Eurasian Steppes. 2018;3:8–240. (In Russ.)
18. Nikitina TB, Efremova DYu. Features of burials with moulding tools on Mari burial grounds of IX–XII centuries. *Finno-ugrovedenie* = Finno-Ugric Studies. 2011;2:12–24. (In Russ.)
19. Nikitina TB, Efremova DYu. The funeral rite of complexes with moulded tools from medieval sepulchers of IX–XIII centuries of the Vetluga-Vyatka interfluve. *Povolzhskaya arkheologiia* = The Volga river region archaeology. 2012;2:146–165. (In Russ.)
20. Rybakov BA. The origin and semantics of the rhombic ornament. *Muzei narodnogo iskusstva i khudozhestvennye promysly* = Museum of folk art and crafts. Moscow; 1972;5:127–134. (In Russ.)
21. Solov'eva GI. Ornament of Mari embroidery. Yoshkar-Ola; 1982. (In Russ.)
22. Fedorova NN. On the question of the structure of the traditional ornament of the Ob Ugrians. *Ornament narodov Zapadnoi Sibiri: sb. st.* = Ornament of the peoples of Western Siberia. Collection of articles. Tomsk; 1992:120–126. (In Russ.)
23. Florenskii PA. Analysis of spatiality and time in artistic and visual works. Moscow; 1993. (In Russ.)
24. Shigurova TA. Picture of the world in the ethnoculture of the Mordovians. *Kul'tura v globaliziruiushchemsya mire: vyzovy i perspektivy: sb. tez. dokl. uchastnikov mezhdistsiplinar. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* = Culture in a globalizing world: challenges and prospects. Collection of abstracts of reports of participants in an interdisciplinary scientific and practical conference with international participation. Moscow; 2014:163–165. (In Russ.)
25. Shigurova TA. Semantics of the picture of the world in the traditional Mordovian costume. Monograph. Saransk; 2012. (In Russ.)
26. Shkalina GE. Sacred world of Mari. Yoshkar-Ola; 2019. (In Russ.)
27. Wichmann J. Beiträge zur Ethnographie der Tscheremissen. Helsinki; 1913.

Submitted 14.05.2023; reviewing 30.05.2023; accepted 28.12.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. N. Pavlova – Doctor of History, Head of Department of History and Psychology, Volga State University of Technology, angpan@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1446-9390>

ФИННО-УГОРСКИЙ ВЕКТОР К КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ

FINNO-UGRIC DIRECTION TOWARDS CREATIVE ECONOMY

Финно-угорское движение – это движение государственных и общественных институтов, развивающее многостороннее сотрудничество неправительственных организаций, органов власти, дипломатов и парламентариев в разнообразных форматах.

Ассоциация финно-угорских университетов является одной из авторитетных площадок, объединяющих молодежь, равнодушную к своему родному языку, культуре и традициям.

В современных условиях одним из актуальных направлений в общественной и образовательной среде является развитие краудфандинга и стартап-движения в научно-образовательном и культурном пространстве. Данный опыт остро необходим в молодежной финно-угорской среде для создания условий, обеспечивающих развитие, сохранение культурно-языкового разнообразия и традиций финно-угорских народов.

В декабре 2023 г. Югорский государственный университет вновь стал соорганизатором Международного проектного семинара «Финно-угорский вектор к креативной экономике», который прошел в Ханты-Мансийске. В третий раз событие объединило представителей молодежи финно-угорских народов России, общественных и некоммерческих организаций, международного сообщества.

География участников была представлена шестью страна-

ми: Россией, Венгрией, Китаем, Узбекистаном, Казахстаном, Замбией; десятью регионами России. Среди последних были автономные округа: Югра, Ямал; республики: Карелия, Коми, Мордовия, Удмуртия, Марий Эл, Якутия; области: Свердловская и Магаданская.

Мероприятие было направлено на поддержку развития проектного движения в научно-образовательной среде для сохранения и развития самобытных культур, языкового многообразия, традиций и обычаев финно-угорских народов Российской Федерации. Семинар проходил при поддержке Правительства Югры, Ассоциации финно-угорских народов России и Ассоциации финно-угорских университетов.

На открытии семинара к собравшимся с приветственным адресом обратился руководитель Федерального агентства по делам национальностей Игорь Баринов. Он выразил уверенность, что «мероприятия, проводимые в рамках семинара, помогут раскрыть потенциал участников и будут способствовать установлению дружественных взаимоотношений».

В свою очередь, сенатор Российской Федерации, председатель Ассоциации финно-угорских народов России Петр Тултаев подчеркнул важность включения молодежи в экономическую активность: «Экономика – важная сфера для развития любого региона, и поиск новых подходов для этого по-

зволит ему динамично развиваться, а молодому поколению осознать, как можно применить свои навыки по возрождению и сохранению родной культуры, традиций, в том числе и в направлении гармоничного сосуществования финно-угорских, самодийских и других народов России».

Почетным гостем семинара в этом году стала заместитель председателя Экспертного механизма ООН по правам коренных народов, исполнительный директор МОО «Объединение коренных малочисленных народов «СОЮЗ» Антонина Горбунова. По ее словам, коренные народы способны не только управлять выделяемыми ресурсами, но и генерировать ресурсы и вносить вклад в развитие экономики, прежде всего экономики мест своего традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности. «Виды экономической деятельности и бизнесы, в которые вовлечены коренные народы, полностью экологичны и бережливы по отношению к окружающей среде и климату. Пока крупные корпорации рассуждают о цикличной экономике, коренные народы ее культивируют уже многие столетия. Это и ремесла, и вторичная продукция промыслов, например оленеводства, это креативные индустрии», – подчеркнула А. Горбунова.

На открытии семинара также выступил исполнительный директор Международной непра-

вительственной организации северных регионов «Северный форум» Владимир Васильев.

Сенатор Российской Федерации, первый вице-президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ Александр Новыхов, обращаясь к участникам проектного семинара, отметил, что в современном мире саморазвитие становится ключевым аспектом личного и профессионального роста. «Для представителей финно-угорских народов России это уникальная возможность внести вклад в сохранение обычаев, традиционных знаний и культурного наследия. Уверен, что ваша активная жизненная позиция, достижения в учебе и в творчестве послужат источником вдохновения для земляков и сверстников, друзей, знакомых и коллег». А. Новыхов выразил надежду, что проектный семинар станет площадкой для обмена созидательным опытом и для формирования новых деловых контактов.

Югорский государственный университет, который входит в Ассоциацию финно-угорских университетов, стал активным участником всех процессов, связанных с сохранением культурного наследия и популяризацией знаний о коренных народах, проживающих на территории автономного округа. На базе вуза в рамках проектного семинара в третий раз прошел Международный конкурс «Мисс студенчества Финно-Угрии». Выступая на семинаре, ректор вуза Роман Кучин отметил: «Для нас важно участие в подобных событиях, потому что нет будущего у человека, который не знает историю своего края, культуру и обычаи». Он рассказал, что университет активно участвует в проекте «Диплом как стартап» и выпускники вуза выходят с реальными практическими навыками, которые можно использовать в дальнейшей карьере.

Студенты из вузов регионов проживания финно-угорских

народов приняли участие в серии образовательных треков: «Социальное проектирование», «Проект и бизнес», «Проекты креативных индустрий», «Краудфандинг, или народное финансирование», после чего представили на конкурс свои идеи творческих проектов и стартапов. Среди таких идей были проекты, связанные с музыкой на родных языках, мобильные приложения, стартапы

в сфере этномоды, научные, туристические и студенческие образовательные инициативы. Сильными и имеющими высокий экономический потенциал заявками были признаны два IT-проекта (по профилактике усталости глаз и выстраиванию оптимальных маршрутов для досуга) и проект по записи песен на удмуртском языке. Жюри отдельно отметило проект по адаптации в условиях города

студентов из числа кочевников Ямала.

Впервые на «Финно-угорском векторе» был проведен открытый диалог со студенческим сообществом «Молодежное сотрудничество как элемент народной дипломатии». Спикеры и участники мероприятия обсудили основные признаки эффективного диалога, приоритеты и интересы молодежи, особенности межрегионального сотрудничества, а также вынесли ряд рекомендаций для начинающих общественных дипломатов.

«Югра – это не только экономический гигант, но и площадка для диалога и сотрудничества. Именно поэтому руководство региона уделяет так много внимания проведению межрегиональных и международных мероприятий на своей площадке. Такая активность, безусловно, требует инвестиций в обучение навыкам приема гостей, знания языков и мягких навыков, необходимых для того, чтобы достойно представить культуру, ценности и традиции народов региона и страны», – обозначила эксперт Инна Арканова.

Модератор диалога Алексей Цыкарев, программный директор Всероссийской конкурсной образовательной про-

граммы «Коренные малочисленные народы России. Школа общественной дипломатии», подводя итоги мероприятия, подчеркнул роль общественной дипломатии во времена кризиса международного сотрудничества. По его словам, важно находить темы и акценты, которые объединяют и в круг которых можно построить общение.

Участники диалога обменялись мнениями по поводу эффективного участия в таких разновидностях народной дипломатии, как научная, культурная или гастрономическая дипломатия. Своим опытом поделились эксперты: руководитель образовательной площадки, координатор Ассоциации финно-угорских университетов Татьяна Дятлова и руководитель филиала Государственного Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации» Татьяна Барахова.

В целях активизации научно-исследовательской работы студентов, развития у них интереса к научному поиску одной из площадок семинара стал Международный конкурс студенческих научно-исследовательских работ «Креативная экономика

финно-угорских народов: взгляд молодых ученых».

Основные направления конкурса:

- Ключевые тренды развития креативной экономики и креативных индустрий;
- Лучшие практики национальной креативной экономики;
- Цифровизация креативных индустрий;
- Креативный потенциал городов и регионов и др.;
- Креативная экономика: эволюция науки и общества.

Завершилось мероприятие гала-концертом конкурса «Мисс студенчества Финно-Угрии – 2023».

Нельзя не согласиться с экспертами международного семинара в том, что сохранение нравственных ценностей, самобытности и взаимообогащение культур народов, проживающих в нашей стране, являются основой ее процветания и поддерживаются финно-угорской молодежью. Экономика – важная сфера для любого региона, и поиск новых подходов в этой сфере, с одной стороны, позволяет ему динамично развиваться, а с другой – помогает молодому поколению осознать, как можно применить свои навыки по возрождению и сохранению родной культуры и традиций.

Татьяна Александровна Дятлова –

*кандидат экономических наук,
руководитель финно-угорского направления
Югорского государственного университета,
координатор Ассоциации финно-угорских университетов,
Ханты-Мансийск, Россия,
ta_dyatlova@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9000-0113>*

Tatyana A. Dyatlova –

*Candidate Sc. {Economics}, Head of the Finno-Ugric Department,
Yugra State University,
Coordinator of the Association of Finno-Ugric Universities,
Khanty-Mansiysk, Russia,
ta_dyatlova@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9000-0113>*

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ В ВУЗАХ АССОЦИАЦИИ ФИННО-УГОРСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

FINNO-UGRIC STUDIES AT UNIVERSITIES AFFILIATED WITH THE ASSOCIATION OF FINNO-UGRIC UNIVERSITIES

16—19 августа 2023 г. в Саранске состоялся II Всероссийский форум финно-угорских народов «Этнокультурное многообразие России: современные вызовы и перспективы развития». На нем был представлен комплексный аналитический доклад и. о. ректора Коми республиканской академии государственной службы и управления С. А. Ткачева о состоянии научно-образовательного направления по финно-угроведению в вузах Ассоциации финно-угорских университетов (АФУУ) на основе данных, предоставленных Марийским государственным университетом (МарГУ), Удмуртским государственным университетом (УдмГУ), Мордовским государственным университетом (МГУ) им. Н. П. Огарёва, Сыктывкарским государственным университетом (СыктГУ) им. Питирима Сорокина, Коми республиканской академией государственной службы и управления, Мордовским государственным педагогическим университетом (МГПУ) им. М. Е. Евсевьева, Петрозаводским государственным университетом (ПетрГУ), за период с 2018 г. по настоящее время. Ключевые положения доклада приведены ниже.

Образование и наука являются основополагающими, системообразующими факторами стратегии развития любого государства и общества, важнейшими компонентами национальной

безопасности. Ведущая роль принадлежит гуманитарному образованию, потому что именно гуманитарное образование лежит в основе духовной культуры общества.

Финно-угроведение как научно-образовательное направление изначально присутствовало во всех ведущих вузах финно-угорских регионов РФ и выделяло их среди прочих университетов. Осознавая важность сохранения и развития финно-угорского направления, в 2007 г. вузы объединились в Международную ассоциацию финно-угорских университетов (МАФУУ). Создание МАФУУ послужило мощным стимулом в развитии вузовского финно-угроведения. В результате активной совместной работы вузов достаточно быстро были достигнуты серьезные успехи в образовательной, научно-исследовательской и грантовой деятельности.

Организация научных исследований по финно-угроведению традиционно осуществляется в рамках научных направлений выпускающих профильных кафедр и научных школ.

На данный момент успешно функционируют 10 научных школ в области лингвистики, литературоведения, культурологии, истории, археологии, этнографии, этнологии, музыковедения в МарГУ, УдмГУ, МГУ им. Н. П. Огарёва, МГПУ им. М. Е. Евсевьева:

– «Удмуртский язык в системе пермских и финно-угорских» (основатель и руководитель –

доктор филологических наук, профессор Валей Кельмакович Кельмаков, УдмГУ);

– «Сравнительное исследование лексики, морфологии, синтаксиса, диалектологии и ономастики мордовских языков» (основатели – доктор филологических наук, профессор Дмитрий Васильевич Цыганкин, доктор филологических наук, профессор Михаил Васильевич Мосин; руководитель – кандидат филологических наук, доцент Иван Николаевич Рябов, МГУ им. Н. П. Огарёва);

– «Марийское и сравнительное литературоведение» (основатель и руководитель – доктор филологических наук, профессор Раисия Алексеевна Кудряцева, МарГУ);

– «Язык и литература в контексте межкультурной коммуникации: современное состояние и перспективы развития» (основатель и руководитель – доктор филологических наук, профессор Любовь Петровна Водясова, МГПУ им. М. Е. Евсевьева);

– «Древняя и средневековая история Камско-Вятского междуречья» (основатель и руководитель – доктор исторических наук, профессор Римма Дмитриевна Голдина, УдмГУ);

– «Археология и этнология Поволжья» (основатель и руководитель – доктор исторических наук, доцент Юрий Анатольевич Зеленева, МарГУ);

– «Актуальные проблемы истории Марий Эл и региональной археологии» (основатель и руководитель – доктор истори-

ческих наук, профессор Ананий Герасимович Иванов, МарГУ);

– «Формирование и развитие мордовского этноса» (основатель – доктор исторических наук, профессор Николай Федорович Мокшин; руководитель – доктор исторических наук, доцент Елена Николаевна Мокшина, МГУ им. Н. П. Огарёва);

– «Мировая и национальная культура: аксиологическая парадигма» (основатель и руководитель – доктор культурологии, профессор Галина Евгеньевна Шкалина, МарГУ);

– «Финно-угорское (мордовское) музыкальное искусство» (основатель и руководитель – доктор искусствоведения, профессор Николай Иванович Бояркин, МГУ им. Н. П. Огарёва).

Важно отметить, что научная школа «Финно-угорское (мордовское) музыкальное искусство» является единственной среди научных школ по финно-угроведению, имеющей статус «Ведущая научная школа РФ».

Научные направления по финно-угорской тематике в основном также охватывают гуманитарную науку и представлены в области лингвистики, литературоведения, культурологии, образования, истории, археологии, этнографии, этнологии, музыковедения, юриспруденции, экономики, государственного и муниципального управления, политологии и др. В большинстве указанных научных направлений проводятся комплексные, междисциплинарные исследования. Научные исследования в вузах подразделяются на несколько основных типов: фундаментальные, прикладные, разработки, а по длительности – на долгосрочные (срок исполнения более 5 лет) и среднесрочные (до 5 лет). Большинство научных коллективов устойчиво и состоит из членов одной или двух кафедр, но возможны и временные научные коллективы для выполнения определенной исследовательской задачи или научного проекта.

Отличие вузовской науки от академической состоит в непо-

средственной и обязательной связи проводимых научных исследований и образовательного процесса. Во всех вузах – членах АФУУ реализуются в разной мере успешности и объема образовательные программы высшего образования и дополнительного профессионального образования, связанные с финно-угроведением в широком смысле, однако преимущественно – с филологией и педагогическим образованием.

Возможности для публикации научных материалов по финно-угроведению имеются во всех вузах. Рецензируемые научные журналы есть в УдмГУ, ПетрГУ, МГУ им. Н. П. Огарёва. Наиболее статусными из них являются «Ежегодник финно-угорских исследований», «Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология», «Финно-угорский мир», «Регионология», «Ученые записки Петрозаводского государственного университета».

Одним из показателей результативности научных исследований служит наличие диссертационного совета по финно-угорским исследованиям. На данный момент профильные диссертационные советы функционируют только в МарГУ и МГУ им. Н. П. Огарёва.

Вместе с тем проведенный анализ выявил наличие достаточно серьезных проблем, которые оказывают и оказывают негативное воздействие на развитие финно-угроведения.

Прежде всего, из-за устойчивой депопуляции финно-угорских народов и сокращения количества выпускников школ, владеющих родными национальными языками, наблюдаются постоянные сложности при наборе абитуриентов на филологические и педагогические направления подготовки. Уже сейчас это отражается на нехватке научных сотрудников и преподавателей с профессиональным владением родного языка. По общим статистическим данным, в представленных вузах финно-угорским направлением в сово-

купности занимаются всего около 100 специалистов.

Вследствие этого идет активное устаревание кадров. Так, средний возраст руководителей научных школ по финно-угроведению составляет 71 год, а руководителей научных направлений – 55 лет. Отсутствие или недостаточное воспроизводство научных и педагогических кадров крайне негативно отразится на развитии российского финно-угроведения. Без притока молодых специалистов прогресс в финно-угорских исследованиях и передача накопленного опыта невозможны. Это неминуемо приведет к стагнации научного знания, что наблюдается уже сейчас.

Научные школы по финно-угроведению в вузах АФУУ находятся в стадии постепенной регрессии. За период с 2012 г. прекратили существование несколько школ, например научная школа по фольклористике (основатель – доктор филологических наук, профессор Анатолий Константинович Микушев, СыктГУ им. Питирима Сорокина).

Снижается уровень научных исследований, что выражается в падении уровня самих материалов и малом количестве научных публикаций в высокорейтинговых научных журналах, отсутствии крупных научных открытий, разработок, результатов внедрения научных исследований и т. д. Одной из причин такого положения выступает логичная нацеленность вузов на подготовку кадров, поскольку первостепенным является именно образовательный процесс, а для научных исследований отводится, как правило, «вторая половина дня». При годовой учебной нагрузке 850–900 ч и примерно таком же количестве времени на подготовку к занятиям на основательные научные исследования у преподавателей практически не остается времени. В большинстве вузов нет штатных научных сотрудников, что не лучшим образом сказывается на качестве научных исследований. При этом если для

других научно-образовательных направлений и вузов данная ситуация еще не критична, то для финно-угроведения представляется серьезную опасность.

Для большинства российских вузов характерно недостаточное материально-техническое обеспечение научной и образовательной деятельности.

Необходимое условие успешного развития региональной вузовской науки и выживания вуза в современных условиях – прямая связь с регионом, ориентированность на потребности и интересы местного бизнеса, властей и общества. Это может повысить бюджетное и внебюджетное финансирование научных исследований. Однако неочевидность результатов гуманитарных научных исследований, отсутствие видимых результатов, которые можно коммерциализировать «здесь и сейчас», как правило, не привлекают реальный сектор экономики.

Наконец, неблагоприятным фактором для научных исследований по финно-угроведению являются фактическое прекращение международного сотрудничества и излишняя политизация научных финно-угорских контактов, что может привести к довольно непредсказуемым, но однозначно негативным последствиям.

Финно-угорские народы всегда были важнейшей составляющей этнокультурного и социально-экономического пространства России, а финно-угроведение – важной частью российской гуманитарной науки. Для его дальнейшего развития необходимо консолидировать усилия самих вузов, региональных властей и государства. Особенно это важно сейчас, в том числе для реализации целей Международного десятилетия языков коренных народов, к числу которых принадлежат все финно-угорские народы России.

Перспективными (во многих случаях и жизненно необходимыми) направлениями в развитии вузовского финно-угроведения могут быть следующие:

– развитие научного потенциала с вовлечением студентов в научную деятельность, подготовкой и активизацией молодых ученых;

– создание и развитие новых научно-прикладных направлений, в том числе компьютерной лингвистики и языковых технологий, этномусиковедения, этноправоведения и др.;

– развитие междисциплинарных финно-угорских научных исследований;

– развитие межвузовского научного сотрудничества, в том числе создание временных научных коллективов, общих научных тем и т. д.;

– содействие формированию инструментов научного взаимодействия финно-угорских народов с целью сохранения и развития их этнокультурного многообразия и укрепления связей с финно-угорским миром;

– открытие при вузах полноценных научных центров по

изучению языка и культуры коренных народов РФ. Это поможет остановить процесс вымывания кадров – и перспективных, которые переезжают в центральные вузы, и устоявшихся, возрастных руководителей научных школ и направлений. В случае сокращения контрольных цифр приема на направления гуманитарного профиля это может стать одним из способов сохранения перспективных научно-преподавательских кадров. Примером для подражания является открытие в 2023 г. научно-исследовательского центра по изучению уральских языков в МарГУ;

– осуществление реальной государственной поддержки в виде целевого государственного финансирования и включения в грантовые конкурсы позиций по материально-техническому обеспечению. Без государственной целевой поддержки не может быть реализована приоритетная государственная задача.

Алена Егоровна Квашнева –

исполняющий обязанности ректора Коми республиканской академии государственной службы и управления, Сыктывкар, Россия, rectorat@krag.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1337-2861>

Марина Серафимовна Федина –

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Коми республиканской академии государственной службы и управления, Сыктывкар, Россия, m-fedina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6308-2304>

Сергей Алексеевич Ткачев –

кандидат экономических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления, Сыктывкар, Россия, stkachev1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1949-9871>

Alena E. Kvashneva –

Acting Rector of Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyvkar, Russia, rectorat@krag.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1337-2861>

Marina S. Fedina –

Candidate Sc. {Philology}, Lead Research Fellow, Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyvkar, Russia, m-fedina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6308-2304>

Sergey A. Tkachev –

Candidate Sc. {Economics}, Head of the Department of Public and Municipal Administration, Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyvkar, Russia, stkachev1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1949-9871>

УЧЕНЫМ БЫТЬ – ЭТО БЫЛО ЕГО ПРИЗВАНИЕМ

TO BE A SCHOLAR WAS HIS CALLING

Об этом удивительном человеке трудно писать в прошедшем времени. Невозможно смириться с его слишком быстрым уходом. В канун Нового года, 28 декабря 2023 г., не стало доктора филологических наук, профессора кафедры общего и финно-угорского языкознания Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета В. К. Кельмакова. Безумно жаль... Хотя и считается, что нет незаменимых людей, но уход Валея Кельмаковича – это большая потеря для финно-угорского языкознания и невосполнимая утрата для тех, кто его знал и общался с ним.

В. К. Кельмаков родился 14 января 1942 г. в д. Верхняя Юмья (Тыло) Кукморского района Татарской АССР. После окончания средней школы в 1959 г. он уже точно знал, кем будет, поэтому, особо не раздумывая, поступил на удмуртское отделение историко-филологического факультета Удмуртского государственного педагогического института. Интерес к изучению языков у Валея Кельмаковича зародился еще в школьные годы: он владел не только родным удмуртским, но и, хоть и в разной степени, татарским, марийским, русским, учил немецкий язык. Через пять лет, успешно окончив институт, поступил в аспирантуру Инсти-

В. К. Кельмаков

V. K. Kelmakov

тута языкознания АН СССР. Путь в науку начал с исследования родного кукморского диалекта, материал которого лег в основу его кандидатской диссертации «Кукморский диалект удмуртского языка» (1970), выполненной под руководством профессора В. И. Лыткина. Однако приоритетным направлением исследований ученого была история языка. Уже в первых его работах в качестве принципа научного анализа утверждался сравнительно-исторический подход к описанию материала, ставший для него важнейшим во многих дальнейших изысканиях. История языка, в понимании В. К. Кельмакова, – это историческая фонетика, изучающая

изменения в звуковой системе диалектного языка, и историческая диалектология, объектом которой выступают диалекты в их территориально-временной динамике. Результатом кропотливого труда по исторической и диалектной фонетике удмуртского языка стала успешная защита докторской диссертации на тему «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов» в Институте языкознания РАН (1993).

Известный как серьезный и вдумчивый исследователь, В. К. Кельмаков является автором свыше 500 научных публикаций, в том числе более 60 книг и брошюр, которые поражают разнообразием тематики и основательностью. Трудно найти область лингвистического знания, с которой не было бы связано имя Валея Кельмаковича, в которую не был бы вложен его исследовательский талант. В сфере его внимания находились историческая фонетика, диалектология, лексикология, лексикография, ономастика, языковые контакты, проблемы литературного языка, история пермского языкознания. Многие работы удмуртского ученого неоспоримо типологичны как по постановке проблемы, так и по подходу к ее решению. В них пересмотрены некоторые теоретические положения, даны уточнения и дальнейшая разработка проблем, начатых

В. И. Лыткиным и другими предшественниками. Он не прошел мимо тех трудов, в которых были собраны материалы по пермским языкам, представлены попытки сравнительно-исторического осмысления особенностей их фонетической и грамматической структур, а также высказаны продуктивные мысли относительно происхождения пермских языков и их взаимосвязей с другими языками.

Историческая преемственность, уважение к традиции, ориентация на новые знания – вот те научные принципы познания истины, которые всегда помогали Валею Кельмаковичу получать аргументированные выводы. Каждая его работа базируется на достоверном материале и обоснованных суждениях, характеризуется тщательным, скрупулезным анализом языковых явлений. Труды В. К. Кельмакова отличаются предельной строгостью композиции, подчеркнутой логичностью изложения, выверенностью фактического материала, что указывает на его высокий профессионализм, создает образ ученого, ведомого только истиной.

Значительным результатом творческой и педагогическо-организаторской деятельности В. К. Кельмакова стало формирование научной школы, направленной на проведение фундаментальных научных исследований в области пермского и финно-угорского языкознания, подготовку научной смены. Под его руководством написаны и защищены кандидатские диссертации не только по удмуртскому, но и по коми-пермяцкому языку. В диссертационном совете при Удмуртском государственном университете, членом которого на протяжении многих лет являлся Валей Кельмакович, защитили диссертационные работы и многие сотрудники сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

В. К. Кельмаков всегда участвовал в процессе обсуждения диссертации по любой теме; на предзащите подробно, дотошно разбирал содержание и оформление работы, высказывал замечания и предложения. В волнительные моменты самой защиты диссертации непременно чувствовалась его огромная поддержка, одно присутствие Валея Кельмаковича на заседании диссертационного совета придавало соискателю спокойствие и уверенность.

Для развития пермского языкознания большое значение имеет проведение зональных симпозиумов по пермским языкам «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Первый симпозиум, организованный по инициативе В. К. Кельмакова, состоялся 21–22 января 1985 г. в Ижевске. Теперь он стал международным и проводится регулярно каждые два года в центрах изучения и исследования пермских языков – Сыктывкаре, Ижевске, Перми и Кудымкаре. География участников научного форума довольно обширна – Россия, Эстония, Венгрия, Финляндия, Австрия. В. К. Кельмаков старался не пропускать ни один научный форум, проводимый как в Сыктывкаре, так и в других городах. Независимо от того, кто выступал организатором научного мероприятия и где оно проходило, Валею Кельмакович принимал самое деятельное участие в его проведении, а также привлекал к работе других удмуртских ученых. Известно было: если руководителем удмуртской делегации является В. К. Кельмаков, то вместе с ним едет целая группа, в составе которой не только маститые ученые, но и молодые специалисты, аспиранты, магистранты.

В. К. Кельмаков был на редкость деятельным и неравнодушным человеком. Он щедро делился своими знаниями, опытом и идеями, запас которых никогда не иссякал. Валею Кельмакович всегда проявлял

живой интерес ко всему, чем живет финно-угорский мир. Интересовался, над какими проблемами работают коллеги в финно-угорских регионах, какие научные труды подготовлены к публикации. Регулярно следил за выходом новых изданий по финно-угорской филологии, особенно по пермским языкам, по культуре родственных народов, и пополнял ими фонд своей библиотеки. В уникальной книжной коллекции ученого можно найти ценные и редкие издания, отсутствующие порой в фондах республиканских библиотек. Он любезно делился книгами из личной библиотеки не только с удмуртскими, но и с теми коллегами.

На профессора В. К. Кельмакова всегда можно было положиться, к нему всегда можно было обратиться за помощью, советом. Несмотря на загруженность в работе, он находил время, чтобы помочь любому, нуждающемуся в совете, мог поддержать добрым словом или делом, предложить оптимальное решение даже самой трудной задачи. Очень отзывчивый и коммуникабельный, этот человек дарил ощущение теплой отеческой заботы. Его деятельность служила образцом наставничества, а энергии можно было только удивляться.

Непревзойденные лидерские качества, мудрость, принципиальность в отстаивании собственных взглядов, бескорыстность снискали В. К. Кельмакову высочайший авторитет. Французскому писателю Луи Арагону принадлежат слова: «Познавать, открывать, опубликовывать – вот судьба ученого». Именно эту нелегкую судьбу когда-то выбрал В. К. Кельмаков и был предан любимому делу до конца. Достижения талантливого человека всегда вызывают восхищение. «Главный признак таланта – это когда человек знает, чего он хочет», – писал академик П. Л. Капица. Можно предположить, что жизнь становится ненеприятным и неслу-

чайным даром, если человек угадывает, зачем она ему дана. Вaley Кельмакович угадал свое предназначение – предназначение истинного ученого, каким он и был на протяжении всей своей жизни.

Яркие творческие способности, организаторский талант, неиссякаемая энергия, добро-

желательность и внимательное отношение к людям позволили В. К. Кельмакову добиться больших научных успехов, высоких званий, наград, а самое главное, уважения и любви многих и многих людей – ученых, с которыми вместе работал, учеников, которым успешно помогал войти в мир науки. Профессор

был полон творческих планов и замыслов, но не все из них ему удалось осуществить. Его уход – утрата невозполнимая. Имя В. К. Кельмакова навсегда останется в наших сердцах. Он будет с нами как видный ученый, как лингвист, чье имя связано с финно-угорским языкознанием.

Галина Александровна Некрасова –

*доктор филологических наук,
главный научный сотрудник сектора языка
Института языка, литературы и истории
Кomi научного центра Уральского отделения РАН,
Сыктывкар, Россия,
komilang@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4995-4772>*

Galina A. Nekrasova –

*Doctor of Philology,
Senior Research Fellow, Language Sector,
Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia,
komilang@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4995-4772>*

МАРИЙСКО-
ТЮРКСКИЕ
ЯЗЫКОВЫЕ
КОНТАКТЫ В ТРУДАХ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ
МАРИЙСКОГО
ЛИНГВИСТА
Н. И. ИСАНБАЕВА
(1929–2020)

MARI-TURKIC
LANGUAGE CONTACTS
IN THE WORKS
OF NIKOLAI ISANBAEV,
AN OUTSTANDING
MARI LINGUIST
(1929–2020)

27 февраля 2024 г. выдающемуся марийскому лингвисту, заслуженному деятелю науки Республики Марий Эл, доктору филологических наук, профессору Николаю Исанбаеву исполнилось бы 95 лет.

Родиной ученого является д. Нижний Качмаш Калтасинского района Башкирской АССР. Получив базовое образование в Калтасинской средней школе, в 1944 г. он поступил на марийское отделение Краснокамского педагогического училища, которое с отличием окончил спустя четыре года. Профессиональное образование продолжил на отделении марийского языка и литературы Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской, что предопределило научную и педагогическую судьбу лингвиста. Завершив учебу в высшем учебном заведении в 1952 г., Н. И. Исанбаев приступил к обучению в аспирантуре Института языкознания АН СССР в Москве (1952–1955); его научным руководителем стал академик Б. А. Серебренников. Аспирантуру он успешно окончил защитой кандидатской диссертации

Н. И. Исанбаев

N. I. Isanbaev

в 1955 г. на тему «Новые деепричастия в марийском языке».

Профессиональная карьера ученого началась в секторе финно-угорских языков Института языкознания АН СССР в Москве в качестве младшего научного сотрудника и продолжилась в отделе языка Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в должности старшего научного сотрудника, затем ведущего, наконец заведующего

отделом. Свою исследовательскую деятельность он совмещал с педагогической работой на кафедре русского языка Марийского государственного педагогического института.

Первое монографическое исследование «Деепричастия в марийском языке», положившее начало серии научных трудов по различным аспектам марийского языкознания, было опубликовано лингвистом в 1961 г. В дальнейшем научно-исследовательские интересы марийского филолога были связаны с разработкой проблем финно-угорского языкознания в области фонетики, исторической фонетики, грамматики, исторической грамматики, диалектологии, лексикологии и межъязыковых контактов. По убеждению Н. И. Исанбаева, диалектная лексика является постоянным и естественным источником обогащения литературного языка.

Особое внимание ученый уделял исследованию марийско-тюркских языковых контактов. Данное направление было выбрано исследователем не случайно: будучи выходцем из марийской семьи

Башкирской АССР, региона с преобладающим тюркоговорящим населением, он всегда интересовался вопросами взаимодействия языков и культур неродственных этносов. Билингвальная среда способствовала осознанному выбору тематики межъязыковых контактов, стала естественным контекстом аттракции по отношению к исследованиям лингвистических процессов в контактных зонах проживания финно-угорских и тюркоязычных народов.

Фамилия ученого произошла от мужского имени Исанбай, распространенного в тюркоязычных регионах (Башкортостан, Татарстан, Узбекистан, Киргизия и др.). Слово состоит из двух корней: *исан* 'человек, личность' и *бай* 'богатый, уважаемый'. Таким образом, Исанбай можно перевести как 'уважаемый человек' или 'личность с высоким положением в обществе'. Значения подтверждаются данными из Словаря марийских личных имен: «Исанбай – производное от Исан + бай 'здоровяк', где Исан от др.-тюрк. *isān* означает 'здоровый, невредимый; живой' > тат. *isān* 'здоровый, в хорошем состоянии'»².

Увлеченность указанной тематикой выразилась в исследовании неизученных и малоизученных диалектов восточного наречия марийского языка, бытующих на территориях Елабужского, Белебеевского, Мензелинского, Прибельского районов республик Татарстан и Башкортостан. В 1989 г. ученым была издана первая часть монографии «Марийско-тюркские

языковые контакты»³. Результатом этих изысканий стала защищенная в 1993 г. докторская диссертация на тему «Марийско-тюркские языковые контакты», в которой был исследован комплекс вопросов, решавших проблему лакунарности в теории и практике взаимовлияния и взаимообогащения языков в одном из фундаментальных разделов сравнительного финно-угроведения и тюркологии. Всего по проблеме марийско-тюркского взаимовлияния, помимо монографии, исследователем было опубликовано более 30 научных работ, вышедших как в России, так и за рубежом (в Венгрии, Финляндии, Эстонии).

Н. И. Исанбаев известен многочисленными трудами в области контактирования языков. Лингвистом рассмотрены и всесторонне освещены результаты марийско-тюркских языковых контактов на всех лингвистических уровнях. В соавторстве с академиком Б. А. Серебренниковым им впервые было показано значение восточно-финских языков для истории тюркских языков, а в соавторстве с профессором Л. Ш. Арслановым – изучен вклад марийского языка в лексику татарского языка.

Лексико-тематические особенности финно-угорских заимствований в татарском языке были объектом глубоких исследований марийского языковеда⁴. Специальный аспект в освещении вопросов марийско-тюркских взаимоотношений составила проблема отграничения татаризмов от заимствований из родствен-

ных татарскому (чувашизмы, башкирские заимствования) и неродственных (арабско-персидские, монгольского происхождения, русские заимствования) языков. Одной из первых лексикографических работ, отражающих языковые контакты мари и татар, стал Словарь татарских и башкирских заимствований в марийском языке (1994), содержащий около 3 000 лексических единиц. В нем нашли отражение и научное объяснение данные из всех 4 наречий марийского языка, его 16 говоров и подговоров. Словарь является второй частью монографического издания «Марийско-тюркские языковые контакты»⁵.

Центральной идеей исследования выступают татарские заимствования в марийских диалектах, по происхождению относящиеся к разным историческим пластам. Особое внимание уделено оценке марийских производных слов, образованных от тюркских заимствованных основ. Наряду с собственно татарскими и башкирскими словами, установлены и описаны пратюркские и древнетюркские лексические элементы, восходящие преимущественно к ориентальным этимонам. Объектом лингвогеографического изучения стали татаризмы, общие для всех марийских наречий, типичные для лугового и восточного наречий, а также встречающиеся лишь в отдельных диалектах.

Н. И. Исанбаевым проведена классификация татарских заимствований по лексико-тематическим группам: человек, семья и общество; природа;

¹ Здесь и далее будут использоваться следующие сокращения: *башк.* – башкирский язык; *геогр.* – географическое наименование; *диал.* – диалектное слово; *досл.* – дословно; *др.-тюрк.* – древнетюркский язык; *мар.* – марийский литературный язык; *мар. вост.* – восточное наречие марийского языка; *мар. луг.* – луговое наречие марийского языка; *тат.* – татарский язык

² Черных С. Я. Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола, 1995. С. 178.

³ См.: Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1. Татарские и башкирские заимствования. Йошкар-Ола, 1989.

⁴ См.: Исанбаев Н. И. Марийско-татарские лексические связи (по данным географических названий) // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1978. С. 19–25; Его же. Татарские термины родства в диалектах марийского языка // Там же. С. 34–41; Его же. Структурно-словообразовательный анализ татарских заимствований в диалектах марийского языка // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1979. С. 117–137; Его же. Фонетическая адаптация татарских заимствований в диалектах марийского языка // Там же. С. 41–102; и др.

⁵ См.: Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола, 1994.

материальная культура; трудовая деятельность человека; духовная культура. Выявленные в диалектах марийского языка татарские термины родства были распределены по трем группам: термины общего понятия родства (например: мар. луг. *урлык* < тат. *орлык* 'семя, семена'; мар. вост. *туган*, горномар. *туан* < тат. *туган* 'родственник; родной'; мар. луг. мар. вост. *тукым* < тат. *токым* 'порода, потомство, потомок' и др.), термины родства по крови (например: мар. луг. *азий* < тат. *эзи* 'старший брат', мар. вост. *агай* < тат. *агай* 'дядя, дядюшка', мар. вост. *апа*, *апакай* < тат. *апай* 'сестрица') и термины родства по браку, или термины свойства (например: мар. вост. *балдыз* < тат. *балдыз* 'свояченица (младшая)'). В составленный автором перечень внесены 36 лексем, из которых 25 являются поздними заимствованиями (1970-е гг.), вошедшими главным образом в восточно-марийские говоры в результате марийско-татарского двуязычия населения; 7 лексем вошли в восточное и луговое наречия; 2 – в восточное, горное и северо-западное; 1 – во все диалекты; 1 получила значение термина родства только в луговом наречии.

Исследуя лексические заимствования в статье «Тюркские лексические кальки в марийском языке»⁶, Н. И. Исанбаев разделяет их на словообразовательные (структурно-семантические) и семантические. Словообразовательные кальки подразделяются на полные и частичные (неполные, гибридные). Структурно среди тюркских словообразовательных калек выделяются сложные слова и составные термины, созданные по образцу языка-донора. Примером могут служить наименования дней недели: мар. *арнягече* 'пятница', тат. *атнакән* 'пятница, досл.:

недельный день'; мар. *вургече* 'среда', тат. урал. *кан кән* 'среда, досл.: кровь + день'; мар. *изарня* 'четверг', тат. *кече атна* 'четверг, досл.: малая неделя'. Лингвистом обнаружено около 100 полных словообразовательных калек. Достаточно большим количеством представлены частичные кальки, в которых одна из составных частей восходит к тюркским словам или словосочетаниям, а вторая является исконно марийским словом, например: мар. *азу пуй* 'клык' от тат. *азау теш* 'коренной зуб', мар. *калак-клу* от тат. *калак сөяге* 'лопатка, лопаточная кость', мар. *янаклу* от тат. *яңак сөяге* 'скуловая кость', мар. *вий-куат* от тат. *куәт* 'сила, мощь' и др.

Кроме основного способа образования калек по тюркским моделям, ученым рассматривается суффиксальный способ. Несмотря на немногочисленность полных суффиксальных калек, суффиксы, с помощью которых они были образованы: *-лык*, *-зе* (*-зо*, *-зө*), *-че* (*-чо*, *-чө*), – получили широкую распространенность и способность образовывать новые слова от исконно марийских основ. Эти суффиксы были заимствованы из тюркских языков в древнемарийский период: мар. *вуйлык* от тат. и башк. *башлык* 'главарь, вожак, предводитель', мар. вост. *оролчо* от тат. *каравылчы* 'сторож, караульщик', мар. *сатузо* от тат. *сатучы* 'продавец, торговец' и др.

Семантические кальки – это слова, в которых иноязычным по происхождению элементом является лексическое значение; само слово в своем звучании, материальной структуре является исконным, а одно из присущих ему значений обязано иноязычному происхождению. Среди тюркских лексических калек семантический класс имеет существен-

ный удельный вес: количество таких слов достигает 40. Они встречаются как среди именных частей речи, так и среди глаголов. Например, у марийского слова *вуй* 'голова, часть тела человека или животного' – 14 значений, татарского *баш* – 12, у чувашского *пуç* – 11. Некоторые из них являются сходными, общими для контактирующих языков. Так, у слов *вуй* и *баш* есть общее значение 'верх, верхушка, вершина, макушка': мар. *пушенге* вуй 'верхушка дерева', тат. *агач башы* 'верхушка, макушка дерева'; мар. *курык вуй*, тат. *тау баши* 'вершина горы'. Общее значение, появившееся в результате семантического калькирования, наблюдается у ряда марийских и татарских существительных: мар. *йылме* 'язык', диал. 'клавиши, лады гармонии', тат. *тель* 'клавиши, лад' (*гармон теле* 'клавиши гармонии'); мар. вост. *логар* 'горло', геогр. 'устье реки', тат. *тамак* 'горло', 'устье реки' (*Идел тамагы* 'устье Волги, досл.: горло Волги'). Такая же тенденция характерна для имен прилагательных и глаголов: мар. вост. *сар* 'желтый', тат. *сары* 'желтый'; мар. вост. *шуман* 'смелый, досл.: имеющий сердце', тат., башк. *йөрәкле* 'смелый, отважный, досл.: имеющий сердце'; мар. *кыраш*, *шыаш* '1. Бить, побить к.-л.; 2. Молотить к.-л.', тат. *суу* 'бить, молотить'.

В статье «Структурно-словообразовательный анализ татарских заимствований в диалектах марийского языка»⁷ рассмотрены глагольные заимствования, которые занимают второе место после именных, составляя более 28 %. По утверждению автора, из 5 видов татарских глаголов по структурному типу основы и способу образования заимствованы только простые (корневые и производные) глаголы. В других группах лингвистическая интерференция

⁶ См.: Исанбаев Н. И. Тюркские лексические кальки в марийском языке // Финно-угроведение. 1995. № 1. С. 139–147.

⁷ См.: Исанбаев Н. И. Структурно-словообразовательный анализ татарских заимствований в диалектах марийского языка. С. 117–137.

проявляется не столько в заимствовании материальных элементов, сколько в различных вариантах калькирования. Вместе с производными глагольными основами марийский воспринял из соседних тюркских языков ряд глаголообразующих суффиксов: *-л(-ыл)*; *-ла*, *-лă*; *-ыл (-ел)*; *-ас (-аш)*; *-ан*, *-ын*; *-ар (-тар)* и др., например: мар. луг. *аралаш* 'защищать' < тат. *аралаш* 'разнимать'; мар. луг. *айырлаш*, мар. вост. *ойырлаш* 'отделяться, разойтись' < тат. *аерылу* 'рассставаться, отделяться'; мар. луг., мар. вост. *ойласаш* 'беседовать, разговаривать' < тат. *уйлашу* 'думать совместно, советоваться'.

Ученым проанализирована фонетическая адаптация татарских заимствований в диалектах марийского языка, соотнесенная с разными историческими периодами их проникновения в язык-акцептор. Так, в ранних татарских заимствованиях восточно-марийского наречия татарские переднерядные гласные *ä*, *ÿ* зафиксировались как непреднерядные *a*, *ÿ*. «Ложные» дифтонги *au* (*äÿ*) в абсолютном начале слова и в первом слоге передаются в луговом наречии марийского языка через *ayu*, *ayu*, в горном – через *a* и *ä*. Сочетание гласных *uy* татарского языка реализуется в восточно-марийском диалекте в виде *ovy*, *uyy*. В области консонантизма ярким примером приспособления татарских звуков к фонетическим законам марийского языка служат озвончение согласных *k*, *p*, *t* в интервокальном положении и после сонантов, переход свистящих *s* и *z* в шипящие *sh* и *zh*. Разнообразные рефлексы дают татарские звонкие смычные *b*, *d*. Так, губной звонкий согласный *b* в словах, вошедших во все основные марийские диалекты, реализуется, как правило, в виде губно-губного *p* и щелевого звонкого *v*, например: в луговом, восточном, горном диалектах *пазар* 'базар, рынок' < тат., башк. *базар*. В поздних заимст-

ниях восточные наречия придерживаются в целом старой традиции. Однако в них стали появляться и конкурирующие формы со звонким *b*, например: мар. вост. *бака* 'лягушка' < тат. *бака* 'лягушка'.

Николай Исанбаевич Исанбаев с 1996 г. работал в Марийском государственном университете в должности профессора. По тематике марийско-тюркских контактов ученый читал лекции и вел лабораторно-практические занятия по теоретическим курсам «Марийско-тюркские языковые контакты», «Языковые контакты финно-угорских народов» для студентов и аспирантов отделения марийской филологии историко-филологического факультета. В 2001 г. им было издано учебное пособие «Марийско-тюркские языковые контакты», в 2003 г. опубликовано учебно-методическое пособие «Диалект материальным кузе да мом погаш: студент-влакпан польыш» («Как собирать диалектный материал: в помощь студенту»).

В контексте исследуемых Н. И. Исанбаевым марийско-тюркских контактов и под его руководством Аленой Андреевской Илиевой защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата

филологических наук на тему «Лексическая и фонетическая характеристики балтачевского говора марийского языка». В своем исследовании диссертант рассматривает лексику одного из говоров восточного наречия марийского языка, распространенного на территории Балтачевского, Бураевского, Аскинского районов Республики Башкортостан. Наряду с собственно марийскими словами, охарактеризована заимствованная лексика тюркского происхождения, которая составляет значительный слой восточного наречия марийского языка, сформировавшегося в результате контактирования двух соседствующих этносов.

Общий научный стаж профессора Н. И. Исанбаева составляет свыше 50 лет, научно-педагогической работы – 25 лет. Профессору присуждено звание «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл» (1999), он являлся членом Финно-угорского общества Финляндии (1994), награжден медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1984), «Йыван Кырла 1909–2009» (2009).

Флера Яхиятовна Хабибуллина –

кандидат педагогических наук, доцент кафедры фундаментальной медицины Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Россия, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

Ираида Геннадьевна Иванова –

кандидат филологических наук, доцент кафедры фундаментальной медицины Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Россия, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

Flera Ya. Khabibullina –

Candidate Sc. {Pedagogy}, Associate Professor, Department of Fundamental Medicine, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

Iraida G. Ivanova –

Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Fundamental Medicine, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

НЕАКАДЕМИЧЕСКАЯ «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ» ЭПОСА

THE NON-ACADEMIC “ACADEMIC VERSION” OF THE EPOS

Рецензия на книгу: Мордовский народный эпос: академ. версия / сост.: В. А. Юрченков, Н. Г. Юрченкова, И. В. Зубов, И. И. Шеянова; науч. ред.: В. А. Юрченков, Г. А. Куршева, Н. Г. Юрченкова, И. В. Зубов; редкол.: Е. Н. Бикейкин [и др.]. – Саранск: НИИГН, 2023. – 576 с.

Book review: Mordovian folk epos: academic version / comp.: V. A. Yurchenkov, N. G. Yurchenkova, I. V. Zubov, I. I. Sheyanova; scientific editors: V. A. Yurchenkov, G. A. Kursheva, N. G. Yurchenkova, I. V. Zubov; editorial board: E. N. Bikeikin [et al.]. – Saransk: Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, 2023. – 576 p.

В 2023 г. Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия выпустил книгу под названием «Мордовский народный эпос: академическая версия», представляющую собой упрощенное издание эрзянских мифолого-эпических и эпико-исторических песен с незначительным присутствием мокшанских текстов. Издание привлекло к себе внимание научной общественности, причем вовсе не благодаря своим очевидным достоинствам.

Прежде всего, нельзя признать верным заявленное определение «академическая версия», ибо в устно-поэтической традиции у эпоса, как и у фольклора в целом, версий нет – ни «академической», ни «научной», ни «научно-популярной». Он бытует в том виде, в каком его создал народ. Можно допустить, что составители под «академической версией эпоса» имеют в виду академическое издание. Для проверки этого предположения обратимся к авторитетному источнику.

Большая советская энциклопедия (1969–1978) приводит следующую дефиницию академического издания: «особенно

тщательно подготовленное издание, содержащее научно выверенный текст и его различные варианты, снабженное обстоятельными комментариями и др. справочными материалами. К числу А.и. принадлежат наиболее полные собрания сочинений классиков мировой литературы, науки, общественной мысли (например, собрание сочинений А. С. Пушкина в 16 тт., в 20 книгах, М. В. Ломоносова в 8 тт., И. П. Павлова в 6 тт. и др.)»¹.

Легко убедиться, что рецензируемое издание не подходит под это определение. Оно не является научным, ибо в нем не соблюдены требования научности: не представлены важнейшие сюжеты и варианты текстов, не указаны и не прокомментированы предыдущие издания и исследования (монографии и статьи), посвященные изучению эрзянской и мокшанской эпической традиции. Тексты даны без комментариев, указано лишь, кто, когда и от кого записал текст, где он опубликован или хранится. Составителями не определено, к какому виду эпических произведений относятся тексты. Сборник не имеет концепции и идеи, ибо у его создателей нет осознанного понимания того,

что представляет собой эпос вообще и «мордовский эпос» в частности, что он отражает и выражает, каковы его основополагающие сюжеты, персонажи, тематические циклы. Этот фактор сказался на классификации текстов, на названиях частей и на их сюжетном составе. В книге не нашлось места для сюжетов из «Очерков мордвы» П. И. Мельникова-Печерского, «Остатков мордовской мифологии» и «Одного дня среди мокши» В. Н. Майнова, «Очерков из истории Тамбовского края» И. И. Дубасова о сотворении мира, Черта (Идемевсь), человека, богов Чам-Пасом и Ангепатяй. Эти сюжеты представляют космогонию Эрзи и Мокши, являются метафизическими по своей сущности, и без них «Мордовский народный эпос» несостоятелен. В сборник не вошли монументальные героические песни о Коне и Соколе, Сэняше и Миняше, сказание о Чудесном Гурьяне и богатырское сказание о Сабане-богатыре, цикл песен «Парень и Смерть», являющиеся стержневыми в эрзянском эпосе, мифолого-эпическая песня «Цеця».

Книга традиционно начинается с Введения, показывающе-

¹ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 1. М., 1969. Стб. 911.

го в данном случае научную и филологическую несостоятельность его авторов (В. А. Юрченков, Н. Г. Юрченкова, Г. А. Куршева, И. В. Зубов), бросающую тень на НИИГН при Правительстве РМ и на гуманитаристику Мордовии в целом. Высказывая претензию на «академичность» сборника, его составители пренебрегли требованиями научности. В академических изданиях формулируются актуальность, научная новизна, определяются цели и задачи, раскрывается история вопроса. Здесь даже цитаты из работ таких авторитетных ученых, как В. Я. Пропп, С. Ю. Неклюдов, А. И. Маскаев, П. Домокош и др., даются либо неточно, либо помещаются в контекст, искажающий их смысл, либо усекаются по воле составителей. Вот, например, цитата из В. Я. Проппа: «В эпосе огромный исторический опыт народа обобщается в художественных образах необычайной силы, и обобщение это – один из самых существенных признаков эпоса» (с. 1). Однако у В. Я. Проппа написано несколько иначе: «В эпосе огромный исторический опыт народа обобщается в художественных образах необычайной силы, и это обобщение – один из самых существенных признаков эпоса»². Вместо «это обобщение» – «обобщение это». Оплотность незначительная вроде бы, но показательная, ибо демонстрирует общий небрежный, т. е. антинаучный, подход составителей к работе. Искажения в цитатах в принципе недопустимы, тем более если речь идет о публикации «академической версии» народного эпоса, изданного при финансовой поддержке Администрации Главы Республики Мордовия и Правительства Республики Мордовия.

Составители рецензируемого сборника используют ссылки на труды исследователей эпоса, работы которых были написаны в 1950–1970-е гг. Но они не учитывают, что за последние 70 лет гуманитарные науки, включая фольклористику, существенно развили прежние достижения. Сегодня значительно изменились представления о героическом эпосе, его поэтике и эстетике, фольклорном сюжете и персонаже, об эпосе героическом, богатырском, историческом. Выдающиеся исследования появились и в Мордовии³.

Трудно согласиться с авторами Введения в том, что «для всестороннего понимания богатства духовной культуры народа, формирующегося в ходе изучения эпоса, существует целый ряд противоречий, зависящих от разнообразных объективных и субъективных факторов» (с. 7). Невероятное утверждение! Авторы полагают, что понимание духовной культуры народа затрудняется «противоречиями». Однако «противоречия» как разные толкования одних и тех же явлений, наоборот, способствуют развитию научного познания.

Из подобных приведенным филологических и логических фигур, неверных и некомпетентных, некорректных по своей сути, состоит всё Введение. Поэтому другие примеры излишни. Недостатков, о которых идет речь, можно было избежать, если бы к работе над сборником были привлечены специалисты, которые есть в МГПУ им. М. Е. Евсевьева, МГУ им. Н. П. Огарёва и в других научных центрах Мордовии. К сожалению, они не только не были привлечены для подготовки издания – даже их имена не были упомянуты во Введении.

Тексты в сборнике разделены на 5 частей: Часть 1. Мироздание. Рождение богов и людей; Часть 2. Брачные союзы между богами, богами и людьми, темные браки; Часть 3. Пир богов и раздача счастья; Часть 4. Соблюдение установленных богами традиций на земле; Часть 5. Время Тюшти. Все части озаглавлены неправильно.

В 1-й части говорится о сотворении мира и человека, о сотворении богов, а не об их рождении. Ее следовало назвать «Мироздание. Сотворение богов и человека». Во 2-ю часть вошли тексты о брачных отношениях между богами, богами и людьми, о похищении девушки медведем. Однако брачные союзы между ними не заключались. 3-я часть состоит из одного сюжета, который можно было включить в 4-ю. В 4-й части рассказывается о становлении обычаев, обрядов и традиций, а не об их соблюдении. В 5-й части изображается Век Тюштяна/Тюшти (Тюштянь пинге), а не его время. Понятие «Век» означает цивилизационные порядки, правила и нормы, учрежденные Тюштяном, в соответствии с которыми народ жил в период его правления.

В 1970-е гг. над составлением академического издания эпоса работал сектор фольклора НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР во главе с К. Т. Самородовым и Л. С. Кавтаскиным с участием московских научных консультантов и редакторов, докторов наук Э. В. Померанцевой, Б. П. Кирдана, Ф. М. Селиванова, В. П. Аникина, В. М. Гацака. Сборник так и не был подготовлен в пригодном для публикации виде. Составители и научные редакторы, по их собственному признанию, не

² Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 2006. С. 8.

³ См., например: Алешкин А. В. Единство традиций. Народ и личность в мордовской эпической поэзии. Саранск, 1978; Его же. Эпическая поэзия младописьменных народов Поволжья (дооктябрьский период). Саранск, 1983; Его же. Книжные формы народного эпоса и их соотношение с фольклорной традицией. Саранск, 1989; Его же. «Сияжар» и эпическое наследие мордовского народа. М., 1989; Девяткина Т. П. Мифология мордвы. Саранск, 1998; Шаронов А. М. Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001; Федосеева Е. А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. Саранск, 2007; Шаронова Е. А., Ингл О. П. «Калевала», «Калевипоэ», «Масторава»: эпико-исторический диалог. Саранск, 2017; и др.

смогли предложить приемлемую классификацию эпических текстов – как поэтических, так и прозаических, поскольку не были разработаны в достаточной степени поэтика и эстетика эпоса, не существовало обоснованно верных определений героики, сюжета, героя и т. д.

Составители рецензируемого сборника пренебрегли требованиями научности, вознесли себя выше выдающихся ученых и, взяв за основу их рукопись, не усовершенствовали тексты, а лишь сократив количество сюжетов, опубликовали ее. Опубликовали, не имея должного представления о художественной специфике текстов, сюжетном составе, персонажах и циклах эпоса, истории его изучения.

Напомним, что первое академическое издание эрзянского и мокшанского эпоса под названием «Масторава» осуществлено в 1994 г.⁴ В нем соблюдены все предписываемые требования научности: текст предваряют введение научного редактора М. В. Дорожкина «Масторавадо» («О Мастораве») и вступительная статья А. М. Шаронова «Икельце валонть таркас» («Вместо предисловия»). На титульном листе представлены редакционная коллегия (И. А. Калинин (председатель), В. П. Видманова, И. М. Девин, М. В. Дорожкин (научный редактор), В. С. Ионова, Д. Т. Надькин, К. Т. Самородов (научный редактор), Л. В. Седова, Е. Я. Терешкина), художник (Н. С. Макушкин), рецензент (А. М. Доронин), поэтические редакторы (И. А. Калинин, Р. С. Кемайкина); в заключительной части даны комментарии к 18 сказаниям, указаны источники, из которых извлечены тексты, вошедшие в эпopeю, приложен мифолого-эпический словарь.

«Масторава» была опубликована по решению Правительства Мордовской ССР. Рецензии на рукопись писали народный поэт И. М. Девин, заслуженный поэт А. М. Моро, народный поэт В. К. Радаев, кандидат филоло-

гических наук И. К. Инжеватов, кандидат филологических наук Г. И. Горбунов, доктор исторических наук, профессор Н. Ф. Мокшин, доктор филологических наук, профессор М. В. Мосин, доктор филологических наук, профессор В. П. Аникин, доктор филологических наук, профессор В. М. Гацак и др. В 1990 г. была сформирована специальная правительственная комиссия из членов правительства Мордовии, писателей, ученых и юристов для определения художественной, научной, юридической и моральной безупречности «Масторавы».

Изданная в 1994 г. эпopeя быстро переросла в заметное явление литературы и науки финно-угорского мира. Она стала лауреатом Международной книжной выставки в номинации «Лучшая книга года» (1995 г.), а ее автор – лауреатом Государственной премии Мордовии (1995 г.) и Первой литературной премии Общества М. А. Кастрена (Финляндия; 1997 г.). О «Мастораве» появились десятки отзывов в России и других странах.

Между тем составители и научные редакторы сборника отрицают народность эпосов авторского происхождения, отказывая в этом статусе и «Мастораве». Их не смущает то, что авторскими поэмами/эпopeями являются все (или почти все) всемирно известные героические эпopeи: «Илиада» и «Одиссея» (Гомер, Греция), «Песнь о Нибелунгах» (автор неизвестен, Германия), «Беовульф» (автор неизвестен, Англия), «Песнь о Роланде» (автор предположительно Турольд, Франция), «Песнь о Сиде» (ав-

тор неизвестен, Испания), «Калевала» (Лённрот, Финляндия), «Калевипоэг» (Крейцвальд, Эстония) «Лачплесис» (Пумпурс, Латвия). В их ряду стоит и «Масторава».

Составителям рецензируемого сборника, вероятно, неизвестны суждения об эпосе Г. В. Ф. Гегеля, В. Г. Белинского, В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского и др. Именно эпopeи авторского происхождения имел в виду Г. Д. Гачев, определяя их статус и значение: «...эпopeя – это когда народ и государство справляют свой день рождения на краю смерти, небытия. Это – творение, перворождение мира, всех вещей и отношений... Вот почему так лестно каждому государству (обществу) иметь свою национально-историческую эпopeю, и такие усилия оно прилагает всегда, чтобы в его условиях она была создана (ср. социальный заказ на эпopeю в эпоху империи Августа, абсолютизма XVII–XVIII вв. в Европе и т. д.). Но не всякому обществу дано создать эпopeю»⁵.

Считаем, что издание «Мордовский народный эпос: академическая версия» есть дискредитация подлинного эпоса из-за отсутствия важнейших его сюжетов, наукообразного, но безграмотного Введения, искаженного представления истории изучения и публикации мифов и песен, отсутствия концепции издания, неверной классификации текстов и неадекватного названия частей и т. д. Оно извращает эрзянский/мокшанский эпос, стоящий в одном ряду с величайшими эпосами мира, и представляет собой неудавшуюся «академическую версию» эпоса.

⁵ Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М., 2008. С. 77–78.

Александр Маркович Шаронов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия, sharon.ov@mail.ru

Alexander M. Sharonov – Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, Saransk, Russia, sharon.ov@mail.ru

⁴ См.: Шаронов А. М. Масторава. Саранск, 1994.

Рецензируемый научный журнал «**Финно-угорский мир Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

5.6. Исторические науки – 5.6.1. Отечественная история; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

5.9. Филологические науки – 5.9.5. Русский язык. Языки народов России; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (финно-угорские и самодийские); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

5.10. Культурология и искусствоведение – 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор:

Макаркин Николай Петрович, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения.

Научные редакторы:

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Филологические науки»;

Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Исторические науки»;

Бояркин Николай Иванович, доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Культурология».

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal’s sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

5.6. History – 5.6.1. National history; 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography; 5.6.7. History of international relations and foreign policy;

5.9. Philology – 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia; 5.9.6. Languages of the peoples of other countries (Finno-Ugric and Samoyedic); 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics;

5.10. Cultural studies and art history – 5.10.1. Theory and history of culture, art.

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the “List of Russian peer-reviewed academic journals approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish research results of Dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences”.

Editor in Chief:

Nikolay P. Makarkin, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies

Editorial Board:

Natalya M. Mosina, Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Philology”;

Galina A. Kornishina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University, section “History”;

Nikolay I. Boyarkin, Doctor of Art History, Professor, Leading Researcher of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Cultural Studies”.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RSCI) on the Web of Science platform

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich’s Global Serials Directory

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Заместитель главного редактора *А. В. Родняков*

Научные редакторы:
Н. И. Бояркин, Н. М. Мосина, Г. А. Корнишина

Редактор *Е. С. Руськина*
Верстка и дизайн *Л. В. Калачина, А. В. Родняков*
Корректор *Е. В. Савойская*
Перевод *О. С. Сафонкина*

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Рукописи не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

На обложке: 1-я стр. – рисунок Е. М. Корнеева «Мордовская девка» из книги «Народы России, или Описание обычаев, нравов и костюмов разных народов Российской империи»; 4-я стр. – фрагмент творческой работы А. Леонтьевой «Мордовский женский костюм села Сабанчеево», реконструкция. Вышивка, 2014

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Assistant Editor *A. V. Rodniakov*

Editorial Board:
N. I. Boyarkin, N. M. Mosina, G. A. Kornishina

Editor *E. S. Ruskina*
Layout design *L. V. Kalachina*
Correction by *E. V. Savoiskaia*
Translation by *O. S. Safonkina*

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

The Editorial board reserves the right not to return manuscripts.
Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

On the cover: page 1 – “Mordovian girl” from “The Peoples of Russia, or Description of the customs, characters and costumes of various Peoples of the Russian Empire” by E. M. Korneev;

page 4 – fragment of creative work by A. Leontieva “Mordovian women's costume of the village of Sabancheevo”, reconstruction. Embroidery, 2014